
UC-NRLF
B 3 933 661

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

И. И. Мясницкій.

Мужья и Жены.

Юмористическіе разсказы.

Изданіе 2-ое.

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва. Б. Дмитровка, домъ Бахрушиныхъ.
1904.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

Вегетаріанцы.

Получаю я какъ то весной письмо отъ дяди, помѣщика Чертополохинскаго уѣзда, такого приблизительно содержанія: «Дорогой племянникъ! Въ суетѣ столичной жизни и различныхъ усладахъ, коими эта жизнь изобильна (дядя, нужно вамъ сказать, любилъ изъясняться въ письмахъ довольно темно и кудревато), ты, вѣроятно, забылъ совсѣмъ о существованіи дяди и тетки, которые очень любили свою покойную сестру, а твою мать, очень любятъ ея сына, а ихъ племянника, Сергѣя Васильевича Горошенкова. Не мѣшало бы оному любимому племяннику и сыну любимой дядей и теткой сестры Сергѣю Горошенкову пріѣхать къ своимъ ближайшимъ родственникамъ погостить и насладиться въ деревнѣ дарами весны. о которыхъ столичный житель имѣетъ самое грустное и ложное представленіе. Пріѣзжай, Сергѣй, тѣмъ болѣе, что мы тебя не видали цѣлыхъ пять лѣтъ и весьма основательно по тебѣ соскучились». Прочиталъ я это посланіе и мнѣ невольно вспомнились «Старые

Лопухи», гдѣ я провелъ свое дѣтство и которые частенько навѣщалъ въ юношескіе годы, пока была жива моя покойная матушка. Мнѣ живо представился и тѣнистый паркъ «Старыхъ Лопуховъ» съ его вѣковыми соснами и чудною липовою аллеей, насквозь пропитанною ароматомъ ландышей, и старыя, покосившіяся отъ времени оранжереи, за преждевременныя похищенія различныхъ плодовъ изъ коихъ мы съ кузеномъ, сыномъ дяди, краснощекимъ Петей, были не однажды драны лозой и драны весьма основательно, на томъ основаніи, что зеленые, незрѣлые плоды вредны каждому вообще, а гимназистамъ, на которыхъ стариками возлагаются самыя невѣроятныя надежды, въ особенности. А озеро «Гремучее», гдѣ мы тонули столько же разъ, сколько насъ за сіи утопленія пороли? а рѣченка «Змѣйка», гдѣ мы ловили раковъ и все лѣто ходили съ исщипанными клешнями глупыхъ раковъ пальцами? А вѣчно зеленый, таинственный боръ «Заметово», въ которомъ мы разоряли птичьи гнѣзда и искали грибы? А старые кирпичные заводы, въ развалинахъ которыхъ мы находили такую крупную, такую сочную и вкусную землянику, что насъ даже забывали пороть, когда мы являлись домой съ добычей послѣ трехдневнаго отсутствія?

Милліонъ воспоминаній! И какихъ воспоминаній! Воспоминаній дѣтства и юности, самыхъ лучшихъ, чистыхъ и невинныхъ годовъ каждаго

человѣка! Вспоминая эти годы, какъ-то самъ дѣлаешься лучше, моложе и невольно стряхиваешь съ своихъ плечъ накипь и горечь навязанныхъ жизнью зрѣлыхъ лѣтъ. Весь ужасъ каждаго человѣка, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что когда онъ молодъ и счастливъ, счастливъ уже по тому одному, что молодъ и не понимаетъ всей пошлости жизни, онъ не сознаетъ счастья; когда же человѣкъ начинаетъ понимать что такое счастье, онъ уже чувствуетъ, что его безсознательно прожилъ, что оно осталось назади, а впереди... осталась одна философія!

Оставимъ мы эту философію и вернемся къ разсказу.

Воспоминанія потянули меня въ «Старые Лопухи». Мнѣ даже стало совѣстно, что я, кромѣ поздравительныхъ писемъ въ высокоторжественные дни, ни разу не подумалъ, что въ этихъ «Старыхъ Лопухахъ» живутъ люди, близкіе мнѣ и по крови, и по духу, люди, которые меня любятъ и которыхъ я самъ, если и не люблю, то, во всякомъ случаѣ, уважаю глубоко и какъ добрыхъ родственниковъ, и какъ хорошихъ, безукоризненно нравственныхъ людей. Сборы мои были не долги. Пара платья, два-три растрепанные номера журнала, нѣсколько паръ бѣлья... et voila tout, какъ говоритъ «Бѣдный Іонафанъ» въ опереткѣ того же имени.

Далъ дядѣ телеграмму, что ѣду, и поѣхалъ.

Встрѣча была торжественная. На станціи желѣзной дороги, отъ которой «Старые Лопухи» отстоятъ что-то верстахъ въ пятнадцати, я былъ встрѣченъ дядей, почтеннымъ старикомъ, одѣтымъ, благодаря деревенской простотѣ, довольно небрежно, но тщательно выбритымъ и даже вспрыснутымъ чѣмъ-то особенно духовитымъ, и сыномъ, а моимъ кузеномъ Петей, только - что кончившимъ юридическій курсъ въ N-скомъ университетѣ. Лобызались мы что - то долго. Да оно и понятно. Почтенный дядюшка, живя въ захолустьи, такъ отвыкъ отъ этихъ лобызательныхъ экспериментовъ, что накинулся на меня, на совсѣмъ, такъ сказать, свѣжаго человѣка, какъ проголодавшаяся муха на медъ, и замучилъ своими объятіями. Вырвавшись отъ него, я попалъ въ широко раскинутыя, скорѣе похожія на медвѣжьи лапы, руки кузена и... я удивляюсь, какъ я остался живъ отъ этихъ кузеновскихъ объятій. Шутъ знаетъ что такое! Посинѣлъ даже, кажется, отъ недостатка воздуха, до того онъ меня притиснулъ къ своей точно изъ стали выкованной груди.

— Однако, братъ, ты того, — произнесъ я, освободившись отъ его родственнаго энтузіазма и втягивая въ свои сжатыя легкія воздухъ, — медвѣдь!

— А ты — пиголица, — отвѣтилъ онъ добродушно и передалъ меня въ объятія лакею Степану, который когда-то ловилъ насъ съ Петей

на охотѣ за зелеными яблоками и подводилъ подъ нежелательный «сюркупъ».

Степанъ, благодаря Богу и времени, оказался относительно объятій слабымъ и весьма почтительнымъ слугой. Его «ручныя» заключенія сравнительно съ таковыми дяди и кузена были настолько терпимы, что я не успѣлъ, кажется, даже покраснѣть и благодарилъ Господа Бога за то, что дядя привезъ съ собою Степана, а не кого-либо другого.

Всю дорогу болтали обо всемъ, что интересовало дядю и меня. Незамѣтно мы подкатили къ старому барскому дому и были встрѣчены на крыльцѣ тетей.

Объятія тетки были, разумѣется, согласно ея женскому полу, мягки и нѣжны; нѣжны до того, что мнѣ вдругъ захотѣлось ѣсть. Растрясло ли меня въ дорогѣ, или объятія дяди и кузена были настолько энергичны, что повліяли на мой аппетитъ, но мнѣ ужасно захотѣлось ѣсть.

— Вотъ твоя комната, Сережа,—говорилъ дядя, со вздохомъ посматривая на мой тощій, какъ фараоновская корова, чемоданъ, который внесъ слѣдомъ за нами Степанъ.—Окно выходитъ прямо на огородъ, на которомъ произрастаютъ всякія овощи. Умойся и приходи въ столовую обѣдать.

— Сію минуту, дядюшка, — поторопился я отвѣтить, предвкушая заранѣе всю прелесть и рюмки водки, и здороваго деревенскаго обѣда.

Не прошло и пяти минутъ, какъ я очутился

въ просторной столовой, посрединѣ которой стоялъ длинный, очень длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью. Посрединѣ этого стола возвышались два большихъ, семейныхъ графина, наполненныхъ до самой пробки квасомъ и водой. За столомъ уже сидѣла вся семья, дядя, тетка, Петя и старая экономка, которая, въ ожиданіи обѣда, перебирала въ карманѣ ключи.

— Садись, Сережа, ко мнѣ, — указалъ дядя на свободный слулъ, стоявшій возлѣ него,—вотъ такъ... Проголодался, поди, а?

— Есть отчасти,—усмѣхнулся я.

— Это очень естественно, не правда ли, мамочка?—нагнулся дядя въ сторону тетки.

— Очень естественно,—произнесла та, съ любовью поглядывая на меня.

— Еще какъ естественно-то,—добавилъ Петя, расплываясь въ широкую улыбку и хлопая меня своей медвѣжьей лапой по колѣну.

— Ты, надѣюсь, Сережа, водку передъ обѣдомъ не пьешь?—справился у меня дядя.

— Пью, дядя.

— Неужели? — поразился онъ. -- Онъ водку пьетъ, скажите, пожалуйста!—повернулся снова онъ къ теткѣ.

— Ахъ, какъ это нехорошо!—покачала головой тетя.

— Водка убиваетъ организмъ, ибо алкоголь...— началъ было Петя, но дядя его прервалъ возгласомъ...

— Водки, Сережа, у насъ нѣтъ, потому что никто въ нашей семьѣ не употребляетъ спиртныхъ напитковъ.

— И прекрасно. Я обойдусь и безъ водки, не безпокойся, дядя,—поспѣшилъ я успокоить дядюшку.

— И умно сдѣлаешь. Вино — ядъ какъ для организма, такъ и для души. Вотъ квасъ. Пей его, не страшись. Мамочка, налей Сережѣ квасу и вели подавать супъ.

Неизвѣстно для чего, я выпилъ залпомъ стаканъ квасу и принялся за супъ, который мнѣ подалъ Степанъ рукою, облеченною въ бѣлую нитяную перчатку.

Супъ оказался бурдой, отзывавшейся прѣлою зеленью и кипяченою водой.

— Не правда ли, супъ очень хорошъ? — наклонилъ ко мнѣ голову дядя, лѣниво, сквозь зубы пропуская ложечку супа.

— Да, но... мнѣ кажется, дядя, что кусокъ говядины... былъ бы не лишнимъ для этого прекраснаго супа.

— Говядины? — съ ужасомъ произнесъ дядя.— Мамочка, онъ ѣстъ говядину!

— Это ужасно!—проговорила тетя,— бѣдный Сережа!

— Ты ѣшь говядину? Несчастный! — закачалъ головой Петя, у котораго отъ этого движенія затряслись румяныя щеки.

Я, можете себѣ представить, даже ротъ разинулъ. Куда я попалъ?

— Дядя, — началъ я, наконецъ, приходя въ себя отъ изумленія, — я не понимаю, что ты находишь ужаснаго въ томъ, что я ѣмъ говядину? Ѣдятъ ее всѣ... Ѣшь, надѣюсь, ее и ты.

— Я?—поднялъ руки кверху дядя, — ахъ, да я и забылъ совсѣмъ, что ты погрязъ въ столичныхъ искушеніяхъ и судишь по себѣ обо всѣхъ. Я долженъ сказать тебѣ, другъ мой, что мы, т. е. я и вся моя семья, давно уже не употребляемъ въ пищу говядины.

— Вотъ какъ?

— Да. Мы давно пришли къ тому заключенію, что мясная пища вредно вліяетъ какъ на физическую, такъ и на моральную сторону человѣка.

— Понимаю, — перебилъ я дядю, — значитъ, вы... вегетаріанцы?

— Вегетаріанцы.

— Именно вегетаріанцы, Сережа, — подтвердила тетя.

— Абсолютные вегетаріанцы, братъ,—заключилъ Петя, торжественно подмигивая мнѣ и хлопая лапой по моему колѣну такъ, что я привскочилъ на стулѣ.

— Вы... вегетаріанцы? — переспросилъ я, подозрительно посматривая и на румяныя щеки Пети, и на румяные носы дяди съ теткой.

— Вегетаріанцы!—хоромъ отвѣтили они.

«Вотъ оно что, — подумалъ я, отодвигая отъ себя тарелку съ бурдой, — вонъ оно куда ве-

гетаріанство-то хватило, въ Чертополохинскій уѣздъ»!

И, какъ-будто отвѣчая на мою мысль, дядя проговорилъ, наклоняясь ко мнѣ:

— И удивительнаго въ этомъ, Сереженька, ничего нѣтъ. Ужъ если у васъ, въ столицахъ, такіе столпы, какъ графъ Толстой и покойный писатель Лѣсковъ, вегетаріанскою пищей свое бренное существованіе поддерживали и поддерживаютъ, то намъ, грѣшнымъ, захолустнымъ медвѣдямъ, и Богъ велѣлъ.

И дядя тутъ же, между печеною брюквой и томленою брусникой, пустился доказывать мнѣ весь вредъ мясной пищи и всю пользу злаковъ, произрастающихъ, даже по Писанію, «на пользу человѣковъ».

— Слонъ, напримѣръ, Сережа,—говорилъ дядя самымъ убѣдительнымъ вегетаріанскимъ тономъ, — слонъ, другъ мой, питается исключительно растительною пищей, а живетъ по двѣсти и по триста лѣтъ.

— Папа, есть слоны, которые живутъ по четыреста и болѣе лѣтъ, — замѣтилъ восторженно Петя, съ наслажденіемъ проглатывая кусокъ противной брюквы.— Я читалъ объ этомъ не разъ.

— Даже по четыреста лѣтъ, другъ мой Сережа.

— Но позволь, дядя. Зачѣмъ намъ непремѣнно брать слона? Не одинъ слонъ питается растительною пищей... Возьмемъ, напримѣръ, пѣтуха.

— Какого, мой другъ, пѣтуха?

— Какого хочешь: простого, индѣйскаго... вообще пѣтуха... Сколько лѣтъ можетъ прожить пѣтухъ, не рискуя попасть въ супъ?

— Зачѣмъ же, другъ мой Сережа, мы будемъ брать въ примѣръ пѣтуха? Возьмемъ лучше слона... слонъ, такъ сказать, животное зоологическое.

— А пѣтухъ — домашнее. Все домашнее, мнѣ кажется, гораздо ближе къ намъ самимъ и нашимъ наблюденіямъ.

— Но постой, постой! Толстой, напримѣръ, въ литературѣ что такое: пѣтухъ или слонъ?

— Оставимъ, дядя, мы Толстого въ сторонѣ. У насъ идетъ рѣчь не о литераторахъ, а о растительной пищѣ. Ты говоришь, что, благодаря этой растительной пищѣ, слонъ можетъ прожить триста-четыреста лѣтъ, а я тебѣ говорю, что пѣтухъ, употребляя ту же растительную пищу, не выживетъ и десяти... Какое десяти, гораздо меньше лѣтъ.

— Да что мнѣ твой пѣтухъ! — обидѣлся дядя. — Взялъ какую-то дрянь и носится съ ней! Я тебѣ слона въ примѣръ привожу, настоящаго представителя зоологическаго царства, а ты шутъ знаетъ что приводишь... У насъ пословица даже такая есть: пѣтухъ — не птица.

— Курица, дядя.

— Все равно, изъ одной семьи и тотъ и другая... А ты мнѣ пѣтуха въ примѣръ приводишь.

— Пѣтухъ, Сереженька, ни въ какомъ случаѣ доказательствомъ служить не можетъ,—заявила тетя.

— Какое ужъ, братъ, пѣтухъ доказательство! Эхъ, ты, фофанъ столичный — щелкнулъ меня снова по колѣну кузенъ.

Я чуть не вскрикнулъ отъ боли и невольно проглотилъ какую-то дрянь на подсолнечномъ маслѣ.

— Если ужъ ты скептически относишься къ слону, другъ мой Сереженька,—заговорилъ дядя, уписывая за обѣ щеки жареную морковь съ картофелемъ,—посмотри на насъ: ровно четыре года мы питаемся исключительно растительною пищей и, какъ видишь, мы цвѣтемъ.

— Чувствуемъ себя здоровыми, бодрыми, веселыми, — продолжала дядину филиппику тетя.

— И совершенно уравновѣшенными,— закончилъ Петя, пожимая мою руку такъ, что кости хрустнули.

— А ты посмотри на себя, на кого ты, другъ мой Сережа, похожъ?—ораторствовалъ дядя, прижимая руки къ жилету, на которомъ изъ шести пуговицъ нехватало ровно пяти. — Узкія плечи, шея, какъ у гуся, на головѣ, невзирая на младые годы, укоряющая проплѣшина.

— Лицо блѣдное, глаза впалые, — точно эхо вторила тетя.

— И носъ заострился, точно у покойника,— добавилъ Петя, — раздавить тебя двумя паль-

цами, какъ блоху, ничего не стоитъ... Эхъ, братъ!..

И Петя съ такою укоризной покачалъ головой, что я невольно схватился за свой покойницкій носъ.

«Шутъ ихъ знаетъ, — пронеслось у меня въ мысляхъ, — можетъ быть они и правы... Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ люди, питающіеся пищею животныхъ, этою самою естественною пищей, данной имъ Богомъ и природой, становятся здоровѣе и тѣломъ, и духомъ».

«Есть вещи на свѣтѣ, другъ Гораціо,—вспомнились мнѣ слова Гамлета, — которыя не снились нашимъ мудрецамъ».

Вегетаріанцы, положимъ, не ахти какіе мудрецы, но отчего же имъ не могутъ присниться такія вещи, какія не снятся настоящимъ мудрецамъ?

Попробую сдѣлаться вегетаріанцемъ.

Я знаю, напримѣръ, что ослу очень непріятно, когда на него взваливаютъ лишнюю тяжесть. Онъ реветъ, но... тѣмъ не менѣе взваленную на него тяжесть везетъ. Отчего же и мнѣ не уподобиться пресловутому ослу и не взвалить на свою спину, насколько хватитъ терпѣнія, тяжесть въ видѣ вегетаріанскаго ученія?

Изъ-за стола, несмотря на такія разумныя разсужденія, я вылѣзъ голоднымъ и приложился къ полной и слегка даже припухлой ручкѣ тети.

«Ничего нѣтъ хуже, какъ имѣть дѣло съ глупыми людьми, — говорилъ я мысленно, выходя на террасу и любуясь раскинувшимися передо мною полями и лугами, на которыхъ паслись большія стада коровъ, овецъ и свиней,—а дядя съ теткой несомнѣнно ограниченные люди: каждый Божій день имѣть передъ своими глазами свѣжую говядину и ѣсть шутъ знаетъ какую прѣлую дрянь»...

— А я знаю, о чемъ ты думаешь, Сережа,— подошелъ ко мнѣ Петя, щелкая крупными бѣлоснѣжными зубами подсолнухи.—Хочешь подсолнушковъ?

— Мерси, я сегодня, кажется, достаточно уже принялъ подсолнечнаго... О чемъ же я думаю, по твоему мнѣнію?

— О томъ, во-первыхъ, какъ хорошо на лонѣ природы и какъ душно и скверно въ столицахъ.

— Это само собой разумѣется.

— Во-вторыхъ, о томъ, какъ глупы мои родители. Столько всегда свѣжей, вкусной говядины подъ рукой, а ѣдятъ Богъ знаетъ что!

— Дѣло убѣжденія — великое дѣло, и упрекать дядю съ тетей за то, что они постятся круглый годъ, я не имѣю никакого права. И потомъ, любезный другъ, смотря на ваши цвѣтущія, здоровыя физіономіи, какъ-то невольно примиряешься съ вашимъ добровольнымъ постничествомъ. Очевидно, постъ вамъ всѣмъ на пользу.

— А ты какъ бы думалъ? А посмотри на нашихъ людей... Вотъ, напримѣръ, садовникъ Петръ, что идетъ мимо насъ съ лейкой, посмотри на его лупетку.

— Кровь съ молокомъ. Неужели у васъ и всѣ служащіе вегетаріанцы?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Положительно всѣ. Мы ихъ и нанимаемъ съ тѣмъ условіемъ, что не будемъ кормить мяснымъ... Но они что, они уже по своимъ экономическимъ условіямъ родятся вегетаріанцами! Когда мужикъ въ деревнѣ видитъ мясо? Развѣ въ Христовъ день, да въ заговѣнье, а остальные дни года его пищу составляютъ тѣ же картофель съ капустой, да горохъ съ гречневой кашей, отъ которыхъ ты сегодня отворачивался съ очень понятнымъ отвращеніемъ. Намъ, интеллигентамъ, согласись самъ, было гораздо труднѣе привыкнуть къ этой пищѣ, а, какъ видишь, привыкли и позабыли даже о томъ, что на свѣтѣ существуетъ мясо, сливочное масло, сливки и такъ далѣе.

— Дѣло убѣжденія.

— И сила воли. Мы, то-есть папа, разумѣется, съ мамой, во избѣжаніе всякихъ нежелательныхъ соблазновъ, поставили дѣло такъ, что на пятнадцать верстъ въ окружности ты не найдешь ни фунта мяса, ни фунта масла. И всѣ довольны.

— Ну, это еще вопросъ!

— Ты говоришь про себя, — хлопнулъ меня

по тощему эстомаху ладонью Петя,—два-три дня, Сережа, и ты позабудешь совсѣмъ, что на бѣломъ свѣтѣ существуютъ филеи, бифштексы, ростбифы и прочая снѣдь, которою вы отравляете въ столицѣ ваши катарральные желудки и засоряете и безъ того уже всякимъ мусоромъ набитыя головы. Надѣюсь, что обѣдъ нашъ былъ очень сытенъ?

— Очень, но, тѣмъ не менѣе, скажу тебѣ откровенно, я голоденъ.

— Неужели? Это безъ привычки. Не пройдетъ и двухъ-трехъ дней, какъ твой плохо дисциплинированный желудокъ пойметъ, наконецъ, что онъ не получитъ того, что онъ хочетъ, и будетъ довольствоваться тѣмъ, что ему дадутъ... Желудокъ, другъ мой Сережа, тотъ же безсмысленный ребенокъ: онъ хочетъ взять все, что видитъ, и даже то, чего не видитъ, но стоитъ ему только сказать: этого ты не получишь, какъ онъ тотчасъ же и смирится...

— Ну, ребенокъ-то попробуетъ еще поплакать.

— А желудокъ поворчать. Поворчитъ и замолчитъ.

— Ну, а какъ же у васъ относительно гостей?—справился я,—ну, пріѣдетъ къ вамъ кто-нибудь... я не говорю про себя... я свой... близкій, такъ сказать... а другіе?... Ѣздятъ же къ вамъ люди?

— Въ послѣднее время почти никто не ѣздитъ.

Развѣ заглянетъ по дѣлу становой или земскій начальникъ.

— И ихъ вы тоже вареныиъ и жаренымъ сѣномъ угощаете?

— А чѣмъ же иначе? У насъ ничего другого нѣтъ, братъ. Что есть, то и ѣшь, а не хочешь, поѣзжай дальше...

Я, знаете ли, совсѣмъ закручинился. Положимъ, перемѣна пищи несомнѣнно самымъ благодѣтельнымъ образомъ должна дѣйствовать на организмъ, но согласитесь сами, ѣхать въ деревню на цѣлое лѣто и не выпить даже стакана цѣльнаго молока, воля ваша, это ужъ шутъ знаетъ что такое. Какая-то каторга вмѣсто удовольствія деревенской жизни!

Послѣ длинной и долгой прогулки вернуться домой голоднымъ и съѣсть какую-нибудь рѣпу, начиненную морковью или травой, которую даже въ свѣжемъ-то видѣ не каждое животное кушаетъ!

Умереть съ такой пищи ничего не стоитъ, ей-Богу! Возьмешь, да послѣ какой-нибудь глупой брюквы ноги и протянешь.

— Сережа,—прервалъ мои размышленія Петя, съ наслажденіемъ щелкавшій подсолнухи и ловко выплевывавшій шелуху сажени на двѣ впередъ.— Если ты, дѣйствительно, ощущаешь голодъ, я могу тебѣ до ужина предложить маленькое желудочное удовольствіе.

— Именно?

— Клюквенный кисель съ миндальнымъ молокомъ... bene?

— Еще какъ bene-то... давай.

Поѣлъ клюквеннаго киселя, запилъ его оршадомъ и отправился бродить съ Петей по имѣнію. Бродили вплоть до ужина и посѣтили всѣ «историческія» мѣста, съ которыхъ мы были взяты съ поличнымъ и драны розгами, сломленными на тѣхъ же «историческихъ» мѣстахъ, гдѣ совершили различныя плодовыя похищенія.

Ужинъ былъ ничуть не лучше обѣда. Соленые грибочки, борщъ съ грибочками, пареная рѣпа съ соусомъ изъ грибочковъ, жареный картофель и кисель съ миндальнымъ молокомъ. Блюдъ много, а толку мало.

— Пища наша уже тѣмъ хороша, — ораторствовалъ дядя, смакуя рѣпу, — что сонъ послѣ нея покоенъ. Вѣришь ли, другъ мой Сережа, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ вегетаріанцемъ, никакихъ сновъ, будирующихъ организмъ, не вижу: какъ засну въ девять часовъ вечера, мечтая о томъ, что завтра въ шесть часовъ утра придетъ ко мнѣ приказчикъ, такъ и проснусь съ тою же мечтой.

— Меня прежде, Сереженька, домовые давили, — продолжала въ защиту вегетаріанства тетка. — На-крикъ я кричала и весь домъ будоражила, — а какъ на нормальную пищу перешла, всѣ домовые ровно сквозь землю провалились... Привыкай къ этой пищѣ, спасибо скажешь!

— Привыкай, братъ,—хлопнулъ меня по колѣнкѣ Петя. — Знаешь латинскую пословицу: mens sano...

— Знаю. Я ѣмъ и... привыкаю.

Спать пришелъ голоднымъ. Шутъ знаетъ, что въ желудкѣ! Бурчитъ, скрипитъ и о пищѣ вопитъ!

Легъ спать. Не могу заснуть. Ворочался чуть ли не до разсвѣта и всталъ съ такою блѣдною рожей, какой у меня и въ Москвѣ никогда не бывало. Вотъ тебѣ и деревенскій воздухъ!

Чай пили съ миндальнымъ молокомъ и вареньемъ.

— Какъ почивалъ? — справилась участливо тетя.

— Ничего, такъ себѣ, — нерѣшительно отвѣтилъ я.

— На новомъ мѣстѣ всегда въ первую ночь спится плохо,—замѣтилъ дядя.

— А я, братъ, на всѣхъ новыхъ мѣстахъ превосходно сплю, — доложилъ съ радостною улыбкой Петя.—Напримѣръ, сегодня... то-есть не сегодня, — поправился онъ, покраснѣвъ, — а когда это я на хуторъ ѣздилъ?

— Недѣлю тому назадъ, Петя, — напомнила ему тетя.

— Да, именно недѣлю тому назадъ... и ничего: великолѣпно спалъ.

Вскорѣ послѣ того завтракали. Ѣлъ жареную на сковородѣ гречневую кашу съ конопляным

масломъ и такую получилъ изжогу, что вплоть до обѣда жевалъ гречневую крупу и проклиналъ ежеминутно вегетаріанство и вегетаріанцевъ.

Такъ прошелъ день, два, три, четыре.

Я чувствовалъ самъ, что худѣю, блѣднѣю и пріобрѣтаю съ каждымъ днемъ самое отвратительное состояніе духа.

— Привыкай, Сережа, здоровъ будешь!— говорилъ дядя.

— Привыкай, Сереженька, привыкай — вторила тетя, ласково улыбаясь.

— Привыкнешь, братъ, это пустяки! — хлопалъ меня по чему попало жизнерадостный Петя своею костистою дланью.

А я рѣшилъ такъ: потерплю еще день, два и убѣгу. Помилуйте, всякое терпѣніе лопаться стало: нынче голоденъ, завтра голоденъ, какое же это гостепріимство, шутъ ихъ возьми совсѣмъ!

Уѣхать было нельзя, потому что и дядя, и тетка, разъ попалъ къ нимъ живой человѣкъ, выпускали не скоро, а сбѣжать кто мѣшаетъ? Надѣлъ пальто съ фуражкой и отмахалъ пятнадцать верстъ до станціи. Хоть и трудно это послѣ вегетаріанской пищи, но невозможнаго ничего нѣтъ.

И сбѣжалъ бы, если бъ... не то на пятый, не то на шестой день моего пребыванія въ «Старыхъ Лопухахъ», послѣ отвратительнаго подсолнечно-коноплянаго ужина не зазвалъ къ себѣ Петя.

— Посидимъ,—говоритъ,—Сережа, поболтаемъ. Спать не хочешь?

— Ни малѣйшаго поползновенія не имѣю.

— А... ѣсть хочешь?

— Съѣлъ бы чего-нибудь.

— Ветчины, напримѣръ, провѣсной, а?

— Ну тебя къ шуту съ ветчиной! У васъ тутъ ветчина только по лугамъ ходитъ.

— А ты сядь...

Петя осторожно высунулся за дверь, прислушался и, проговоривъ: «всѣ успокоились», заперъ дверь на замокъ.

— Вотъ что, Сержъ,—заговорилъ Петя,—съ тобой я могу быть откровеннымъ: ты другъ моего дѣтства и также не можешь привыкнуть къ вегетаріанской пищѣ, какъ и я. Старики—дѣло другое. Они живутъ въ деревнѣ, а насъ съ тобою избаловали города. Хочешь ветчины?

— Но вѣдь ты... вегетаріанецъ! — произнесъ я, глупо разѣвая ротъ.

— При старикахъ, фофанъ! Хе-хе-хе — хлопнулъ онъ меня по спинѣ такъ, что я отлетѣлъ въ другой уголъ.—Нашелъ тоже дурака!.. Только, ради Бога, ты меня не выдавай.

— Благодѣтелямъ рода человѣческаго памятники ставятъ, а ты, шутъ знаетъ, что говоришь. У тебя есть ветчина?

— Есть. Вестфальская... Дамъ тебѣ рюмку водки и предложу роспить бутылку портера.

— Петя! свинья ты чертополохинская!

— Тс! Не кричи!.. Преступленія, другъ мой, совершаются въ тишинѣ.

Онъ приникъ снова ухомъ къ двери и полѣзъ въ шкафъ, въ которомъ у него висѣло носильное платье.

Минуту спустя на столѣ появился чудный провѣсный окорокъ ветчины, на половину уже уничтоженный, маленькій графинчикъ водки и бутылка портеру.

Вы можете себѣ вообразить, съ какимъ остервенѣніемъ, именно остервенѣніемъ голоднаго человѣка, набросился я на окорокъ и съ какимъ наслажденіемъ выпилъ стаканъ портеру.

— Откуда ты достаешь это?—справился я у Пети.

— Черезъ приказчика хутора. Но ради Бога, чтобъ ни папа, ни мама объ этомъ не знали.

Я успокоилъ Петю и отправился спать.

— До завтра,— говорилъ Петя,— завтра онъ привезетъ жареныхъ пулярдъ.

Заснулъ я, какъ убитый, и проснулся уже тогда, когда приказчикъ хутора, гремя колесами своей развинченной таратайки, съѣзжалъ со двора.

День я провелъ прекрасно. Много гулялъ, даже пѣлъ жестокіе романсы, катался съ Петей по пруду, даже съ меньшимъ отвращеніемъ ѣлъ вегетаріанскую стряпню, предвкушая заранѣе всю прелесть аромата сочной и жирной пулярды.

— Заходи,—шепнулъ мнѣ Петя за ужиномъ,

съ громомъ отодвигая стулъ и прощаясь съ родителями,—я жду.

Я молча кивнулъ другу юности, приложился къ рукѣ тети и почтительно протянулъ губы дядѣ.

— А мнѣ, Сереженька, надо тебѣ сказать нѣсколько словъ, — проговорилъ въ отвѣтъ на мой поцѣлуй дядя, подхвативъ меня подъ руку.—Зайдемъ ко мнѣ на четверть часа... Ты не очень хочешь спать?

— О, совсѣмъ не хочу, дядя!

— И прекрасно... я тебя не задержу.

Дядя кивнулъ головой теткѣ и, минуту спустя, мы очутились въ его кабинетѣ, заставленномъ библіотечными шкафами и мѣшками, наполненными образцами различныхъ сѣмянъ.

За большимъ стариннымъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежала и стояла всякая дрянь, начиная со сломанныхъ счетовъ и кончая оплывшимъ огаркомъ сальной свѣчки, стояли вольтеровскія кресла, а за ними, растянувшись чуть не во всю ширину кабинета, стоялъ турецкій диванъ, замѣнявшій дядѣ въ теченіе многихъ лѣтъ постель.

Войдя въ кабинетъ, дядя точно по шаблону повторилъ тѣ же знаки осторожности, что и Петя, прислушался къ замиравшимъ шагамъ прислуги, убиравшей остатки скуднаго ужина, затѣмъ заперъ на ключъ дверь и, взявъ своими мягкими ладонями мою грудь и спину, увлекъ меня на турецкій диванъ.

— Сядь, Сереженька, — заговорилъ онъ, любовно заглядывая въ мои изумленные глаза. — Я по лицу твоему вижу, что наша вегетаріанская пища пришлась тебѣ не по вкусу. Не отрицаю. Я самъ ее, иногда... иногда, понимаешь... разноображу... Надѣюсь, это останется между нами, Сереженька?

— О, конечно, дядя!.. Развѣ ты можешь въ этомъ сомнѣваться? — бормоталъ я, пораженный неожиданнымъ открытіемъ.

— Человѣкъ слабъ бо есть, — со вздохомъ прошепталъ дядя, — ты не осуждай. И въ Писаніи сказано: не осуждай, не осужденъ будеши. Вотъ ключъ, Сереженька, отъ средняго библіотечнаго шкафа... отопри его... Отперъ?

— Отперъ, дядя.

— На средней полкѣ какіе писатели стоятъ?

— Достоевскій, Толстой и Тургеневъ, дядя.

— Мои любимые писатели. Вынь, Сереженька, моихъ любимыхъ писателей и поставь пока на полъ... Вынулъ?

— Вынулъ.

— Отлично, Сереженька. Что же ты видишь за моими любимыми писателями?

— Кусокъ балыка... жареную курицу... двѣ бутылки понте-канэ...

— Вынь все это, Сереженька, и подкрѣпи свои силы, истощенныя вегетаріанскою пищей.

Нѣтъ надобности, кажется, говорить, что мы съ дядей въ теченіе какихъ-нибудь получаса вре-

мени уничтожили и балыкъ, и жареную курицу, и очень почтенный по своему возрасту понтеканэ.

Разстались мы съ дядей друзьями и расцѣловались чуть не до слезъ.

— Какъ взалкаешь, Сереженька, — говорилъ дядя, выпроваживая меня изъ кабинета, — такъ сейчасъ же мнѣ нѣсколько словечекъ: имѣю, дескать, къ тебѣ дѣло, дядя... Иди, дружокъ, и спи съ Богомъ!

А на другой день тетка послѣ обѣда, залучивъ меня къ себѣ подъ какимъ-то предлогомъ, угостила такою чудною жареной осетриной и такою ароматной мадерой, что я спалъ, какъ убитый, вплоть до ужина.

Можете себѣ сами представить, что послѣ такихъ прекрасныхъ открытій я уже не мечталъ о побѣгѣ изъ «Старыхъ Лопуховъ» и прекрасно провелъ лѣто, дѣлая чуть не ежедневные набѣги то на платяной шкафъ Пети, то на библіотечную полку съ любимыми писателями дяди, то на гардеробъ тети... И когда они, провожая меня въ августѣ мѣсяцѣ въ Москву, говорили, что я, благодаря вегетаріанской пищѣ, изъ столичнаго заморыша превратился въ румянаго, дышавшаго здоровьемъ и силой молодого человѣка, я въ этомъ уже не сомнѣвался нисколько.

Еще бы!

Ошалѣвшій мужъ.

Какъ-то утромъ мнѣ пришлось возвращаться въ Москву отъ знакомыхъ по желѣзной дорогѣ.

Знакомые мои живутъ около первой же отъ Москвы станціи, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что я едва-едва нашелъ себѣ мѣстечко въ вагонахъ, набитыхъ, какъ бочки съ сельдями, «дачными мужьями», торопившимися въ городъ на дѣла и на службу.

Поѣздъ уже тронулся, когда я, бродя по вагонамъ, наткнулся случайно на пустопорожнее мѣсто возлѣ двухъ пшютиковъ въ соломенныхъ шляпахъ и коротенькихъ сѣренькихъ пиджачкахъ. Я извинился. Пшютики нехотя потѣснились къ концу и дали мнѣ возможность усѣсться съ нѣкоторымъ даже комфортомъ: никого не стѣсняя, я могъ привалиться къ спинкѣ дивана и протянуть свои уставшія отъ бѣготни по дачнымъ живописностямъ ноги. Закуривъ папироску, я по привычкѣ принялся обозрѣвать моихъ сосѣдей по вояжу.

Рядомъ со мной сидѣли пшютики. Они весело гоготали, вспоминая различныхъ Ниночекъ, Симочекъ, Анечекъ и Манечекъ.

Пшютики, несомнѣнно, принадлежали къ разряду тѣхъ милыхъ, образцовыхъ молодыхъ людей fin de siecl'я, которые въ теченіе многихъ лѣтъ на словахъ къ чему-то готовятся, что-то намѣреваются дѣлать, а на самомъ дѣлѣ — балбесничаютъ, крѣпко засѣвъ на родительскія шеи, и отлично проводятъ время, устраивая разные «любительскіе» спектакли съ танцами и гуляя съ «дачными барышнями» въ мѣстныхъ рощахъ и паркахъ до бѣлой зари.

Такихъ милыхъ молодыхъ людей вы встрѣтите десятками всюду: на скачкахъ, въ театрѣ, въ садахъ, на дачахъ, въ вагонахъ, верхомъ, пѣшкомъ и на велосипедѣ. Они очень милы, всегда веселы, не всегда вѣжливы, немножко пусты и немножко глупы. Свое умственное убожество и пустоту они старательно маскируютъ любезною предупредительностью и съ успѣхомъ покоряютъ сердца засидѣвшихся въ дѣвицахъ дачныхъ барышень и изнывающихъ отъ тоски и скуки дачницъ до бальзаковскаго возраста включительно.

На противоположномъ диванѣ у окна сидѣлъ мужчина купеческой складки съ улыбкою, почти не сходившей съ его толстыхъ красныхъ губъ, опушенныхъ рѣдкою растительностью. Рядомъ съ нимъ противъ меня, помѣщался господинъ лѣтъ сорока пяти, въ бѣлой парѣ и соломенной шляпѣ

съ безконечными полями, надвинутой на коротко остриженную «подъ машинку» голову чуть не на самыя уши.

Этотъ господинъ сразу же приковалъ мое вниманіе своими порывистыми движеніями. На колѣняхъ у него лежала какая-то корзинка, изъ-подъ крышки которой выглядывалъ каблукъ дамской ботинки; рядомъ съ нимъ на диванѣ возвышался цѣлый узелъ, напоминавшій своей формой чрево купца первой гильдіи.

Господинъ съ корзинкой не обращалъ на насъ ровно никакого вниманія и, бормоча себѣ что-то подъ носъ, совалъ съ лихорадочною поспѣшностью правую руку то въ корзины, то въ узелъ, то въ карманы. Очевидно, онъ искалъ потерянное, но искалъ съ такими смѣшными ужимками и гримасами, что мои сосѣди-пшютики покатились со смѣху.

— Нашли-съ? — справился одинъ изъ нихъ у него, нагибаясь чуть не къ самому его носу.

Господинъ съ корзинкой очнулся, посмотрѣлъ на пшютика, скроилъ губы въ презрительную усмѣшку и перевелъ взглядъ на меня.

Я молчалъ.

Пшютики загоготали снова. Господинъ съ корзинкой откинулся на спинку дивана и прищурился на нихъ. Онъ видимо не понималъ, надъ чѣмъ они гоготали, и старался уяснить себѣ причину ихъ смѣха.

— Кстати, Базиль! — проговорилъ пшютикъ

брюнетъ, переставая гоготать, — ты не знаешь разницу между вьючнымъ осломъ и дачнымъ мужемъ?

— Не знаю! — отвѣтилъ пшютикъ блондинъ.

— И я не знаю!

Пшютики снова загоготали, чуть не упавъ другъ другу въ объятія.

Господинъ съ корзинкой засмѣялся тоже и нагнулся ко мнѣ.

— А вѣдь они правы! — проговорилъ онъ съ горькой усмѣшкой,—что вьючный оселъ, что дачный мужъ—почти одно и то же... разница только въ томъ, что оселъ — животное безсловесное, а мы, т. е. я хотѣлъ сказать, дачные мужья, ослы съ разговоромъ... ослы мыслящіе, ослы, покрытые лакомъ прогресса и цивилизаціи... Оселъ несетъ ношу безсознательно, потому только, что онъ оселъ, а мы ее несемъ сознательно, ибо мы—рабы семьи, безсрочные каторжные своихъ женъ и дѣтей... да-съ!..

— Фразы и больше ничего...

— Нѣтъ-съ, не фразы, милостивый государь,— закипѣлъ вдругъ господинъ съ корзинкой, выдвигаясь всѣмъ корпусомъ впередъ. — Хороши фразы! Да вы женаты?

— Женатъ.

— Значитъ, плохо женаты, а я весьма женатъ-съ... да-съ!

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Мерси, и вамъ того же желаю. Вы не имѣете понятія о томъ, что такое женатая жизнь?

— Имѣю и весьма опредѣленное.

— А я вамъ говорю, не имѣете-съ!—ударилъ онъ рукой по корзинкѣ.—Вы знаете ли, какой у меня былъ темпераментъ до женитьбы?

— Не знаю.

— Такъ я вамъ скажу-съ: фле-гма-ти-ческій!—протянулъ онъ, растягивая слова,—а теперь я самымъ отчаяннымъ холерикомъ сталъ! Понимаете, милостивый государь: хо-ле-ри-комъ! Прежде я на четвертый этажъ къ знакомымъ взобраться не рѣшался... смѣряешь этакъ глазомъ и плюнешь: «не стоитъ, молъ, высоко!..» А теперь я на Сухареву башню полѣзу и съ Ивановской колокольни брошусь! А все отчего-съ? Оттого, что рабомъ сталъ и... и канальей!.. Именно канальей!.. Отрѣшился отъ своего личнаго «я» и отдался всей душой и физикой служенію семьѣ...

— Это похвально даже...

— Похвально? Гм... ну, на мнѣ и поѣхали, какъ на ослѣ: и въ гору и подъ гору... Вѣдь вотъ они теперь смѣются,—кивнулъ онъ на шпютиковъ, — а какъ попадутъ сами въ ослы и смѣяться забудутъ... И я смѣялся когда-то, а какъ попалъ въ ослиную шкуру—куда и смѣхъ дѣвался, взбрыкнешь иной разъ, закатишься въ какія-нибудь мѣста, не столь отдаленныя, послѣ и самъ не радъ: начнутъ тебя пилить въ три,

въ четыре пилы, каждый Божій день, да мѣсяца три кряду, и взбрыкивать позабудешь.

Господинъ съ корзинкой снялъ шляпу, дунулъ въ нее и снова надѣлъ.

— Вы живете на дачѣ?

— На дачѣ.

— Значитъ, имѣете ясное понятіе о томъ, что такое «дачный мужъ?»

— Что же особеннаго въ дачномъ мужѣ?— поддразнилъ я господина съ корзинкой, у котораго видимо накипѣло на сердцѣ и опщущалась потребность излиться.

— Значитъ, никакого не имѣете понятія!— торжественно заявилъ онъ и отбросилъ корзинку на узелъ, – какой же вы послѣ этого женатый человѣкъ, если не знаете, что такое дачный мужъ? Что у васъ жена: рыба? Ангелъ? Или глухонѣмая, слѣпая и хромая?

— Ни то, ни другое, ни третье.

— Ага, понимаю, недавно, значитъ, женаты... Ну, погодите, я васъ утѣшу,—ехидно скривилъ онъ губы,—останетесь довольны... я вамъ этакъ легонькую картиночку нарисую...

— Нарисуйте, я охотникъ до картинъ...

— Съ удовольствіемъ-съ, милостивый государь, съ наслажденіемъ.

Дачный мужъ вдругъ ударилъ себя по лбу и озабоченно запустилъ въ боковой карманъ пальто руку.

— Здѣсь! Слава Богу! — успокоился онъ,—а

мнѣ вообразилось, что я на окнѣ забылъ... да-съ! Такъ вотъ я вамъ задамъ для разрѣшенія маленькій вопросецъ: для чего люди ѣздятъ на дачу?

— Странный вопросъ... Разумѣется, для отдыха.

— Такъ-съ. Совершенно вѣрно-съ изволили сказать, для отдыха. Сидятъ девять мѣсяцевъ въ духотѣ, надо хоть на три мѣсяца себѣ покой дать... Такъ-съ?

— Разумѣется.

— Хорошо-съ. Разсмотримъ теперь нашъ отдыхъ. Я говорю, нашъ отдыхъ, то-есть отдыхъ и покой «дачныхъ мужей», какъ изволили выразиться ваши сосѣди, будущіе вьючные ослы. Во-первыхъ, что такое дачный мужъ? Это человѣкъ, который уѣзжаетъ въ Москву на службу или по торговому дѣлу въ девять часовъ утра и возвращается на дачу въ шесть часовъ вечера. Такъ-съ?

— Такъ.

— Великолѣпно. Возвращаюсь я въ шесть часовъ, хватаю полотенце и лечу со всѣхъ ногъ къ рѣченкѣ омыть свое запыленное и пропотѣвшее въ Москвѣ тѣло. Мнѣ кричатъ вслѣдъ: «Скорѣй, ради Бога, поворачивайся, супъ остынетъ»! Лечу, раздѣваюсь чуть не на ходу, бросаюсь въ воду, окунаюсь въ воду, окунаюсь раза три и бѣгу вонъ,—и поплавалъ бы съ удовольствіемъ, да нельзя: супъ остынетъ! Пирожки

подгорятъ! Бѣгу домой, буквально бѣгу, и за версту слышу крикъ тещи: «Что за человѣкъ такой? Куда ни пойдетъ, провалится»! Глотаю супъ подъ градомъ упрековъ за подгорѣвшіе пирожки, жую наскоро жаркое, чуть не давлюсь блинчикомъ, который превратился въ деревянный кружокъ, опять-таки благодаря тому, что я провалился на рѣкѣ, и лечу въ палисадникъ подъ тѣнь чахлыхъ акацій.

— Ну, думаю себѣ, теперь за чашкой кофе я отдохну и прочту газеты.

Сажусь на диванчикъ, протягиваю ноги, предвкушаю блаженство покоя и отдыха, глядь, сынъ бѣжитъ: «Папочка, сдѣлай мнѣ змѣй, пожалуйста!»—Иди къ мамашѣ. «А мамочка къ тебѣ послала».—Ну, послѣ, послѣ... видишь, я занятъ, дружочекъ.— «Сдѣлай змѣ-ѣ-ѣй»... Понимаете, начинаетъ орать во всю улицу. А съ террасы жена и теща въ два горла ревутъ:—«И это отецъ своего собственнаго ребенка? Никакого чувства къ своему сыну»... Тьфу! газеты летятъ къ бѣсу, чашка въ кусты. — Давай сюда бумагу и лучинки, скверный мальчишка!.. Склеилъ. Ступай. Только что взялся за газеты—дочь летитъ. «Папочка, покатай меня въ коляскѣ»! — Няня покатаетъ! — «А няня бѣлье стираетъ»! Опять стираетъ! Господи, да когда же это проклятая стирка кончится?

Господинъ съ корзиной съ такимъ отчаяніемъ поглядѣлъ на меня, что я даже отодвинулся.

— Послѣ, Маничка, покатаю... вотъ прочту газету и... и... покатаю! «А я сейчасъ хочу-у-у!» Оретъ. Понимаете, оретъ! А съ террасы опять ревъ въ два горла: — «И это отецъ своего собственнаго ребенка?—Дочь ласкается къ нему, а онъ, извергъ»... Газету къ бѣсу, дочь въ коляску и пошелъ скакать по рощѣ козломъ... Накатались, пріѣхали. Ну, думаешь, кончено: все исправилъ, какъ отецъ и человѣкъ, теперь можно и себѣ отдыхъ дать... Глядь, на террасѣ женина танта сидитъ. Пріѣхала навѣстить и даже погостить. Дама строгая и при томъ въ генеральскомъ чинѣ... садишься, занимаешь ее разговоромъ о томъ, что въ нынѣшнемъ году клубника поздно зацвѣла, а грибы, такъ тѣ слишкомъ ужъ рано изъ земли полѣзли... «А не сыграть ли, говоритъ, mon ami, намъ въ преферансъ по маленькой пулечку»? — Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство!—А самъ думаешь:—и за какимъ только бѣсомъ тебя, старую вѣдьму, къ намъ носитъ? Садимся втроемъ, я, танта и теща, по пятачку за сотню... Танта горячится, ремизится, пулька становится безконечной... посылаешь мыслями въ преисподнюю и чиновныхъ тантъ, и карты, и кончаешь пульку часа въ два ночи... изруганный за картами и обыгранный, съ тяжелою головой бросаешься въ постель и засыпаешь лихорадочнымъ сномъ... снятся тебѣ генеральши, тещи, карты, змѣи, — просыпаешься на какомъ-то разносчикѣ, съ ко-

торымъ во снѣ подрался, хватаешься за часы... батюшки, восемь часовъ! хватаешь полотенце, летишь какъ угорѣлый на рѣку, а въ головѣ одна мысль, какъ бы на поѣздъ не опоздать... мчишься обратно, глотаешь наскоро стаканъ горячаго чая, обжигаешь себѣ губы и носъ и запоминаешь приказанія и порученія, которыми тебя снабжаютъ и жена, и теща, и двѣ свояченицы, и нянька, и даже кухарка.

— Не забудь заѣхать къ портнихѣ!—Заѣду!—Не забудь перемѣнить башмаки! —Перемѣню!—Петичкѣ колясочку съ лошадками купи, завтра его рожденье!-—Куплю.

— А мнѣ, братецъ, мази отъ мозолей, а мнѣ гофреныя шпильки, а мнѣ, баринъ, французскаго ситчику помоднѣе десять аршинъ, а мнѣ, баринъ шарлотку привезите... который уже разъ вамъ наказываю!

Въ головѣ вотъ что-съ! Всѣ эти шпильки, шарлотки, ситчики и мази свалились въ одну кучу и перемѣшались.

Бѣжишь на поѣздъ, а жена съ тещей вдогонку: «Стой, стой»!

— Матушка, опоздаю! ей Богу, по шпаламъ побѣгу!

— Успѣешь! Забыла я тебѣ корсетъ отдать... завези мадамъ Аллинъ и вели его починить...

— А мнѣ очки у Салль и Вернье купите... номеръ одинъ съ вашими.

Хватаешь корсетъ и наддаешь... летишь на

станцію такъ, какъ-будто за тобой сотня голодныхъ волковъ гонится... въ вагонъ попадешь на ходу и до самой Москвы едва въ себя придешь отъ дачной гонки... Пріѣзжаешь въ Москву, ѣдешь на службу... тамъ дѣла, бумаги, а въ головѣ разныя портнихи, да корсеты съ шарлотками. Доходишь до того, что пишешь: «Его превосходительству директору желѣзной дороги мадамъ Минангуа»... Разъ даже подписался: «Статскій совѣтникъ Три пары башмаковъ и фунтъ зернистой икры».

Смотришь на часы: голубчики, три часа, а мнѣ въ двадцать пять мѣстъ заѣхать надо! Летишь сломя голову къ сапожнику, башмачнику, рыбнику, портнихѣ, зубодеру, парикмахеру, оптику и всю дорогу въ шею извозчика лупишь: милый, пошелъ! Голубчикъ, поторопись! Да поѣзжай ты рракалія, поскорѣй!

Ѣдешь мимо магазиновъ и вывѣски глотаешь... Чайный магазинъ попадается — не надо ли чаю? Кажется, не надо... мимо! Гастрономическій магазинъ, — кажется теща килекъ просила купить? Нѣтъ, не просила... пошелъ, извозчикъ, что каналья ротъ-то разѣваешь? Стой, стой! нотный магазинъ — свояченица два романса приказала купить... Влетаешь въ магазинъ, суешь приказчику записку: «Вотъ-съ, пожалуйте-съ!— «Два фунта копченой колбасы,— читаетъ тотъ,—три фунта изюму»...—Pardon, не та записка попалась... гдѣ она? И тутъ нѣтъ, и

тутъ... батюшки, потерялъ!.. Ей, ей потерялъ... стойте, вотъ, кажется.. «у лудильщика Иванова взять кофейникъ»... не то!.. Потерялъ... голубчикъ! Дайте два романса... не то «Обойми меня», не то «Отколоти меня»... дайте что-нибудь новомодное... берешь ужъ что даютъ... лучше что-нибудь привезти, чѣмъ ничего... иначе опять затянутъ пѣсню: «И это отецъ семейства! Этотъ извергъ»... Летаешь какъ мячикъ отъ портнихи къ бѣлошвейкѣ, отъ сапожника къ оптику, отъ лудильщика къ зубодеру... все, кажется, исполнилъ! Съ тебя потъ въ три ручья льетъ, хочется ѣсть, пить, спать, ругаться, кусаться, а поѣздъ мимо самаго носа ушелъ!.. Извозчикъ!..

Господинъ съ корзинкой вытеръ выступившій у него на лбу потъ и стукнулъ кулакомъ по колѣну.

Пшютики притихли. Они съ ужасомъ смотрѣли злосчастному дачному мужу прямо въ ротъ и внимательно слѣдили за его разсказомъ.

— Берешь извозчика, навьючиваешь его картонками, свертками, кульками, тонешь самъ въ этомъ хламѣ такъ, что только твоя голова, какъ красный пузырь, въ воздухѣ болтается... Пошелъ, голубчикъ, поскорѣй! Двугривенный на-чай прибавлю, только поторопись... опоздаемъ на четверть часа — бѣда! И супъ простынетъ, и пирожки подгорятъ, и триста тысячъ ругательствъ на твою голову посыпятся... Извозчикъ лупитъ, а ты за всѣмъ этимъ хламомъ во всѣ глаза гля-

дишь... какъ бы что не потерять, какъ бы это не обронить... «Какой ты отецъ семейства! Рохля»! А тутъ нищіе дорогой лѣзутъ... того гляди, канальи, вытащатъ еще что... Нищему что: стащитъ онъ какую-нибудь мазь отъ мозолей, слопаетъ ее, вмѣсто сала, а мнѣ дома гонка... «Какой ты отецъ семейства! Розиня!..» А извозчикъ лупитъ... Кого что интересуетъ: его двугривенный, а меня гонка... Ѣдешь и вспоминаешь: все ли купилъ? Табакъ нюхательный тещѣ купилъ, корсетъ женѣ починилъ... тьфу! не починилъ, а изъ починки взялъ, свояченицѣ гофреныя шпильки купилъ, нянькѣ платокъ купилъ, кухаркѣ ногу телятины взялъ... еще что? Какъ бы не забыть чего? Что жена наказывала еще? Перчатки въ чистку отдалъ, зубного порошка купилъ, изъ библіотеки для чтенія журналы взялъ... Извозчикъ, у тебя книги? — «Никакъ нѣтъ, баринъ, у меня сичасъ, значитъ кулекъ да бутыль съ керосиномъ!— «Какъ нѣтъ? Стой! Вытащили! Ахъ, разбойники! Тьфу! Пошелъ, извозчикъ! здѣсь книги... Крючокъ для башмаковъ купилъ, онъ у меня въ карманѣ, зубочистку тоже купилъ, кофейникъ въ ногахъ, Петѣ игрушку и дочкѣ какую-то дурацкую вертушку купилъ... валерьяновы капли куп... забылъ, ей-ей, забылъ!

Дачный мужъ сунулъ руку въ корзинку, перевернулъ узелокъ и съ отчаяніемъ бросился къ окну вагона.

— Извозчикъ, стой! Стой каналья!.. Валерьяновы капли забылъ...

Пшютики совсѣмъ съежились и прижались въ уголъ дивана отъ страха.

Я потянулъ за полу пальто злосчастнаго дачнаго мужа.

— Что вы? Что вы? Вѣдь мы въ Москву ѣдемъ!..

Дачный мужъ посмотрѣлъ на меня и оторвался отъ окна.

— Тьфу! Ошалѣлъ! Совсѣмъ ошалѣлъ!.. А вѣдь я, представьте, вообразилъ, что изъ Москвы ѣду!.. Ну, жизнь!

Онъ махнулъ рукой и запустилъ руку въ узелъ.

Поѣздъ подходилъ къ станціи.

Въ пользу голодающихъ.

Въ блѣдно-розовомъ будуарѣ, за кружевнымъ туалетнымъ столикомъ съ зеркаломъ, расписаннымъ по краямъ цвѣтами, сидѣла въ утреннемъ пеньюарѣ красивая брюнетка лѣтъ тридцати и лѣниво слѣдила за руками своей камеристки, убиравшей ея миніатюрную головку. Въ сосѣдней комнатѣ пробило двѣнадцать часовъ.

— Неужели двѣнадцать? — удивилась барыня.—Саша, кончай, пожалуйста, скорѣй.

— Сію минуту, сударыня, сію минуту.

— Александра Сергѣевна, можно войти? — раздался за портьерой мягкій баритонъ.

— Это вы, Борисъ Алексѣевичъ?—встрепенулась брюнетка.

— Къ вашимъ услугамъ...

Барыня откинулась на спинку кресла, придала глазамъ томное выраженіе и проговорила:

— Антре!

Въ будуаръ вошелъ молодой человѣкъ въ очкахъ, одѣтый во все черное, и остановился у порога.

— Быть-можетъ, я мѣшаю? — справился онъ

изъ вѣжливости, наклонивъ голову на лѣвое плечо.

— Идите, идите сюда...

Молодой человѣкъ чмокнулъ протянутую ему барыней ручку и справился о здоровьѣ.

— Мерси... какъ всегда... Садитесь... вотъ сюда!—зачастила та, окидывая томнымъ взглядомъ поджарую фигурку гостя.

Гость сѣлъ, поправилъ очки и превратился въ вопросительный знакъ.

— Саша, можете итти!—махнула ручкой барыня камеристкѣ. — Борисъ Алексѣевичъ, хотите чаю?

— Мерси...

— Саша, скажи-ка, чтобъ намъ подали чаю.

Камеристка вышла. Барыня посмотрѣла еще разъ на себя въ зеркало и повернулась вмѣстѣ съ кресломъ къ гостю.

— Гдѣ вы запропастились? Васъ нигдѣ не видать!

— Дѣла, — пожалъ въ отвѣтъ тотъ плечами.

— Ахъ, подите вы съ вашими дѣлами... надоѣли!—скорчила барыня гримаску,—а мнѣ кажется, что всѣ ваши дѣла больше на языкѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Спорить съ вами не могу!—улыбнулся тотъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почему васъ нигдѣ не видать?

— Серьезно, Александра Сергѣевна, много было дѣла, положительно никуда не показывался.

— Вы видѣли моего мужа?

— Сегодня. Вы желали меня видѣть?

— И очень... вы мнѣ нужны...

— Я весь въ вашемъ распоряженіи.

— Въ этомъ я и не сомнѣваюсь... Ахъ, Борисъ Алексѣевичъ, какое ужасное горе постигло насъ?

— Васъ?

— Ахъ, нѣтъ... вообще всѣхъ насъ... я говорю про этотъ голодъ, который... ну, вотъ еще на который теперь собираютъ пожертвованія.

— Ахъ, да. Бѣдствіе, дѣйствительно, великое...

— Бѣдные мужички! Знаете, мнѣ ихъ ужасно жаль... я вчера даже плакала, можете себѣ представить? Видите, глаза до сихъ поръ какъ будто опухшіе... Это отъ слезъ...

— У васъ чувствительное сердце, Александра Сергѣевна.

— Ахъ, не говорите! Я иной разъ просто даже не знаю, что мнѣ съ моимъ сердцемъ дѣлать: меня всякое горе, будь оно свое или чужое, ужасно трогаетъ... я расплачусь, разволнуюсь и... и... положительно дѣлаюсь больной...

— Надо щадить себя.

— Не могу. Понимаете: не могу... такое ужъ у меня сердце глупое... á propos: вы видѣли хлѣбъ, который теперь ѣдятъ голодные мужички?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Не видали? Ахъ, какая досада! Только вчера его выпросила у меня Анна Львовна,

чтобы показать Ольгѣ Андреевнѣ... мнѣ его привезъ мужъ, а ему доставилъ одинъ голодный мужичекъ... Хотите, я пошлю сейчасъ къ Аннѣ Львовнѣ?

— Не безпокойтесь, пожалуйста, увижу послѣ...

— Ужасно досадно! Мнѣ хотѣлось, чтобы вы именно сегодня видѣли; вы представить себѣ не можете, что это за хлѣбъ... черный, отвратительно черный и крѣпкій, какъ камень... они, эти голодные мужички, пекутъ его изъ цвѣтковъ... Знаете, такіе цвѣточки во ржи растутъ?

— Цвѣточки?

— Ну да, цвѣточки... какъ ихъ зовутъ, позвольте... ахъ, да! Васильки! Васильки!

— Вы ошибаетесь, Александра Сергѣевна.

— Неужели? Мнѣ мужъ, по крайней мѣрѣ, такъ говорилъ.

— Вы его не поняли. Я слышалъ, что въ голодные года крестьяне пекутъ хлѣбъ изъ лебеды, но чтобы пекли изъ васильковъ, въ первый разъ слышу.

— Такъ вы думаете, что изъ лебеды пекутъ?

— Увѣренъ даже.

— Все можетъ быть... знаете, столько разныхъ полевыхъ растеній, что не мудрено ихъ и перепутать... но дѣло не въ растеніяхъ, а въ томъ, что хлѣбъ дѣйствительно ужасный.

— Совершенно съ вами согласенъ...

— И мы должны, мы обязаны притти на помощь бѣднымъ мужичкамъ... нужно сдѣлать

такъ, чтобы мужички не ѣли такой скверный хлѣбъ...

— Общество уже откликнулось на это бѣдствіе. Пожертвованія текутъ каждый день.

— Ну, какія это пожертвованія? Рубль, три, пять...

— Всякій даетъ по мѣрѣ силъ и возможности...

— Ахъ, это не то... гроши, гроши и гроши... Нужно отдать себя этому дѣлу, работать...

— Я васъ не понимаю, дрова колоть прикажете?

— Вы смѣетесь? Мой мужъ тоже смѣется, но это еще не доказываетъ, что и онъ, и вы правы...

— Но позвольте, Александра Сергѣевна...

— Я не кончила. По моему мнѣнію, общество должно разбиться на кружки.

— Это для чего же-съ?

— А для того, чтобъ каждый кружокъ принесъ всѣ свои силы въ пользу бѣдствующихъ... Напримѣръ, нашъ кружокъ: я, вы, Анна Львовна, Ольга Андреевна, м-сье Зайчиковъ... ну, что мы можемъ дать въ пользу голодающихъ? Пятьдесятъ рублей каждый, не больше...

— И этого достаточно. Пять человѣкъ по десяти—это выходитъ уже пятьдесятъ рублей... сумма почтенная...

— Послушайте, вы сговорились съ мужемъ? Онъ тоже самое говоритъ...

— Это всякій скажетъ, Александра Сергѣевна...

— Напрасно. Мужчины всѣ ужасно близоруки! Пятьдесятъ рублей! Да знаете ли вы, что если мы захотимъ отдаться дѣлу всецѣло, мы дадимъ голоднымъ мужичкамъ въ пять разъ больше.

— Интересно знать, какимъ образомъ...

— Очень простымъ... Стоитъ только устроить что-нибудь: спектакль... танцовальный вечеръ съ сюрпризами... пикникъ, наконецъ,—и я увѣрена, что мы соберемъ пропасть денегъ...

— Сомнѣваюсь.

— Нѣтъ, Борисъ Алексѣевичъ, вы сегодня просто ужасны, только и дѣлате, что противорѣчите...

— Pardon, но...

— Я, конечно, не обратилась бы къ вамъ за помощью, если бъ мой мужъ не былъ тяжелъ на подъемъ... знаете, это ужъ наше общее несчастье: наши мужья годятся только для службы и больше ни на что...

— Я не отказываюсь, Александра Сергѣевна, помогать вамъ, но я все-таки хотѣлъ сказать...

— Пожалуйста! Не будемъ ссориться! Я, право, и не подозрѣвала, что вы такой пессимистъ... но я увѣрена въ успѣхѣ, заранѣе увѣрена...

— И прекрасно. Давай Богъ!

— Ну, вотъ, давно бы такъ! Вы думаете, это такъ трудно устроить? Пустяки! Только знаете, Борисъ Алексѣевичъ, нужно что-нибудь веселое придумать...

— Приказывайте, Александра Сергѣевна...

— Не устроить ли намъ пикникъ съ музыкой? На нашей дачѣ?

— Расходы будутъ велики... во-первыхъ, оркестръ что возьметъ, во-вторыхъ, экипажи, въ-третьихъ, ужинъ... На сколько вы человѣкъ разсчитываете?

— По крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ...

— Ну, вотъ видите... Каждый участвующій въ пикникѣ больше десяти рублей вамъ не дастъ.

— Больше и не надо... вѣдь это пятьсотъ рублей выйдетъ!

— Положимъ. А расходы въ какую сумму вы считаете?

— Ну, что же... я думаю, за глаза двѣсти рублей... положительно больше дѣвать некуда...

— Сочтемте лучше... Музыкѣ — пятьдесятъ рублей. Согласны?

— Да... разумѣется, нужно ужъ брать хорошій оркестръ...

— Затѣмъ экипажи. Двѣнадцать четырехмѣстныхъ экипажей, если считать только по 12 рублей, и то выйдетъ около полутораста рублей, плюсъ музыка—ровно выходитъ двѣсти рублей.

— Ваша ариѳметика ужасно противная!

— Теперь ужинъ съ виномъ. Возьмемъ разумѣется, хорошаго кондитера...

— Непремѣнно хорошаго, чтобъ всѣ остались довольны...

— Такъ. Какъ вы думаете, недорого это бу-

детъ, если мы заплатимъ ему съ проѣздомъ, сервировкой и всѣми атрибутами по шести рублей съ персоны?

— По моему мнѣнію, этого мало...

— Прибавимъ ему по рублю. Пятьдесятъ по семи—триста пятьдесятъ, плюсъ двѣсти—итогъ расходовъ оказывается суммою въ 550 рублей, т. е., другими словами говоря, съ голодающихъ приходится получать пятьдесятъ рублей.

— Вы смѣетесь?

— Нимало. Я вамъ показываю только цифры...

— Ничего нѣтъ хуже этой ариѳметики!.. А какъ бы мы повеселились... Въ такомъ случаѣ устроимъ танцовальный вечеръ?

— Нѣтъ мѣста, а снимать подъ вечеръ залъ—значитъ заплатить за одно помѣщеніе двѣсти-триста рублей...

— Знаете, Борисъ Алексѣевичъ, что я вамъ скажу: ужасно трудно сдѣлать что-нибудь въ пользу страждущаго брата!.. Ужасно! Остается, значитъ, спектакль?

— Да, но и спектакль тоже...

— Вы опять съ своей ариѳметикой? Нѣтъ ужъ, пожалуйста, за спектакль я ручаюсь головой...

— Устроимъ спектакль.

— За успѣхъ я ручаюсь... я поѣду сама къ товарищамъ мужа по службѣ и постараюсь продать билеты какъ можно дороже... Ну, что такое для нихъ десять рублей за кресло и для такой

высокой цѣли, какъ облегченіе страданій меньшаго брата?

— Не всѣ дадутъ по десяти рублей, Александра Сергѣевна.

— Мнѣ не дадутъ? Мнѣ? Это было бы интересно...

Гость пожалъ плечами и, въ видѣ согласія, наклонилъ голову.

— Итакъ, Борисъ Алексѣевичъ, это дѣло рѣшенное... мы устраиваемъ спектакль...

— Прекрасно-съ...

— И знаете, гдѣ мы устроимъ? У Анны Андреевны; у нихъ очень большая зала.

— Это такъ, но у нихъ приспособленій никакихъ нѣтъ: ни сцены, ни декорацій, ни занавѣса... не лучше ли снять одинъ изъ частныхъ театриковъ?

— И вы думаете, что я буду играть въ какой-нибудь Нѣмчиновкѣ? Ни за что!.. Будемъ играть у Анны Андреевны... а всѣ эти ваши тамъ... доски... декораціи... это мы устроимъ сами...

— Устройство будетъ стоить не малыхъ денегъ.

— Вы опять съ ариѳметикой! Борисъ Алексѣевичъ, это, наконецъ, скучно...

— Я считаю своей обязанностью предупредить васъ...

— Ахъ, оставьте!.. Доски на сцену мужъ купитъ... декораціи м-сье Зайчиковъ, а занавѣсъ

мы сошьемъ изъ простынь... Кстати, изъ какихъ пьесъ мы составимъ спектакль?

— Выборъ пьесъ я предоставляю вамъ... Мнѣ кажется, лучше всего поставить что-нибудь изъ легкой комедіи...

— Совершенно съ вами согласна... напримѣръ, «Горе отъ ума».

— Вы хотите ставить «Горе отъ ума»?

— А почему же нѣтъ? Разумѣется, не всю, а два акта: предпослѣдній и послѣдній...

— Все это прекрасно, Александра Сергѣевна, но только такая пьеса, какъ «Горе отъ ума», требуетъ хорошихъ актеровъ...

— Ахъ, полноте, отлично разыграемъ... я возьму роль Софьи, вы—Молчалина...

— Помилосердуйте, какой же я Молчалинъ?

— Вы? Восхитительный... какъ только вы вошли сюда, я рѣшила, что вы будете играть Молчалина... Ваша походка, ваши манеры удивительно подходятъ къ типу Молчалина.

— Гм... да? Вы находите? Мерси! — заерзалъ на стулѣ гость, краснѣя, какъ ракъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь: я говорю про васъ, какъ про актера! — спохватилась барыня,—да!.. Чацкаго сыграетъ Зайчиковъ.

— Зайчиковъ Чацкаго! Да у него всѣ манеры парикмахера съ Кузнецкаго моста...

— Ахъ, нѣтъ... Я съ вами не согласна... конечно, немножко вычуренъ, но это не бѣда... я видѣла столько плохихъ Чацкихъ, что однимъ

больше, однимъ меньше—не все ли равно? Фамусова будетъ играть мой мужъ...

— Вотъ роль, которую онъ дѣйствительно отлично сыграетъ!—ядовито улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить гость.— Всѣ эти привычки: распекать молодежь, преклоняться предъ чинами, ухаживать за горничными... pardon!

— Можете не продолжать: я это давно все знаю!—отпарировала спокойно ударъ барыня.— Остальныя роли разберутъ наши знакомые... а если не хватитъ, мы займемъ у любителей-актериковъ... ихъ теперь столько расплодилось, что за счастье сочтутъ играть въ нашемъ обществѣ. Затѣмъ надо поставить, что-нибудь интересное... на злобу дня и, разумѣется, веселенькое... наша публика это любитъ...

— Веселыхъ пьесъ много... можно выбрать очень хорошую...

— A propos: нѣтъ ли «голодной» пьесы?

— Какъ голодной? Я васъ плохо понимаю...

— Ну, вообще, нѣтъ ли такой пьесы, въ которой говорилось бы про голодъ? Это, знаете, заставило бы расчувствоваться зрителей и внести лишнюю лепту въ нашу «голодающую» кассу...

— Нѣтъ, такой нѣтъ, насколько я помню, да и какая же это веселая пьеса, въ которой говорится про голодъ?

— Ну, такъ, знаете... между прочимъ... къ концу... все весело, все весело и вдругъ моно-

логъ про голодъ. Знаете что? Мнѣ пришла въ голову блестящая мысль: закажемъ какому-нибудь литератору голодный монологъ?

— То-есть монологъ о голодѣ?

— Ну, да, это все равно... и знаете, это будетъ и оригинально, и для публики ново...

— Вы думаете?

— Убѣждена. Напримѣръ, кончается веселая пьеса... Чѣмъ вообще кончаются эти пьесы?

— Какая пьеса! Одна кончается потасовкой, другая—поцѣлуемъ...

— Ну, мы такихъ пьесъ ставить не будемъ. Всего лучше взять такую пьесу, которая оканчивается благословеніемъ отца двухъ любящихъ сердецъ...

— Есть и такія пьесы...

— Ну, вотъ видите, какъ это хорошо! Отецъ благословляетъ влюбленныхъ и говоритъ: «Будьте счастливы, дѣти, и помните, что мужички нѣкоторыхъ губерній ѣдятъ хлѣбъ изъ васильковъ».

— Изъ лебеды.

— Ну да, изъ лебеды... и такъ далѣе въ этомъ родѣ...

— Все это прекрасно, Александра Сергѣевна, но тѣмъ не менѣе... какъ бы это вамъ сказать... выйдетъ ни къ селу, ни къ городу.

— Пустяки! Мы преслѣдуемъ извѣстную цѣль и совсѣмъ не у мѣста разсуждать о средствахъ. Вы представьте себѣ только эту картину: благородный отецъ со слезами на глазахъ говоритъ

голодный монологъ, а мои Коко и Вава въ это время ходятъ по рядамъ съ тарелками «въ пользу голодающихъ».

— Никто ничего не дастъ.

— Ахъ, вы вѣчно спорите... а я вамъ говорю, что всѣ дадутъ... разумѣется, все зависитъ отъ благороднаго отца: если онъ съ чувствомъ прочитаетъ монологъ, всѣ невольно схватятся за...

— Шляпы-съ?

— За бумажники. Вотъ увидите. Кстати у васъ столько знакомыхъ изъ этихъ писакъ, закажите кому-нибудь изъ нихъ монологъ... затѣмъ мы поставимъ живыя картины... у меня отличныхъ два костюма есть для живыхъ картинъ... черное бархатное платье для «Маріи Стюартъ въ тюрьмѣ» и затѣмъ маскарадное домино для миѳологической картины «Елена у Париса»...

— Прекрасно... спектакль выйдетъ интереснымъ...

— Я увѣряю... пріѣзжайте сегодня же къ намъ вечеромъ и привозите пьесы... мы съ вами выберемъ, что ставить, и распредѣлимъ роли...

— Право, я не знаю, могу ли освободиться... вы не повѣрите, сколько у меня дѣла...

— А это развѣ не дѣло? Ахъ, вы, мужчины, мужчины! Какъ же мы, женщины, находимъ на все время?..

— Постараюсь, но обѣщать навѣрное не могу...

— Вы сердитесь на меня? — стрѣльнула барыня томными глазами въ гостя,—да?

— Помилуйте, могу ли я... къ тому же ровно никакого не было повода...

— Значитъ, вы вечеромъ у насъ? Мужъ уѣдетъ въ клубъ, а мы съ вами займемся благотворительными планами... Кстати: въ живой картинѣ «Елена у Париса» — Париса должны изображать вы...

— Мерси! — покраснѣлъ снова гость, — но, право, кажется, эта роль совсѣмъ ко мнѣ не подходитъ.

— И слышать не хочу. Вы—Парисъ и кончено... и такъ, до вечера?

— До вечера, Александра Сергѣевна...

Гость приложился съ чувствомъ къ ручкѣ и вышелъ изъ будуара. Брюнетка улыбнулась, посмотрѣвъ на себя въ зеркало, и, закинувъ руки за голову, проговорила лѣниво:

— Какъ иногда хорошо... дѣлать добро!..

Собаченка.

— Какая чудная сегодня погода, Маня, — говорила полная брюнетка, выходя съ подругой на улицу изъ подъѣзда громаднаго четырехъэтажнаго дома.

— Очень, — отвѣтила та, — и тепло, и нѣтъ вѣтра...

— Какъ ты хорошо сдѣлала, что зашла ко мнѣ. Мы сдѣлаемъ прекрасную прогулку. Я такъ устала за послѣдніе дни отъ возни съ больными ребятишками, что чувствую неодолимую потребность подышать чистымъ воздухомъ... Куда мы направимся?

— Куда хочешь, мнѣ положительно все равно, Таня. Я человѣкъ свободный.

— На Кузнецкій Мостъ развѣ? — остановилась въ раздумьѣ брюнетка.

— Пойдемъ на Кузнецкій, — согласилась подруга.

И пошли. Идутъ и болтаютъ. Болтаютъ положительно обо всемъ, что взбредетъ на женскій умъ, а на этотъ умъ, не въ обиду будь ему сказано, взбредаютъ сплошь и рядомъ такія ве-

щи, которыя никогда и не снились самымъ заправскимъ мудрецамъ. Попался на зубы Сидоръ Петровичъ—давай обтачивать Сидора Петровича. Попалась Катерина Ермиловна — достанется и Катеринѣ Ермиловнѣ. Встрѣтилась дама въ какой-то чудовищно-вычурной шляпкѣ—раскритиковали въ пухъ и прахъ шляпку, да попутно попало на орѣхи и самой обладательницѣ этой шляпки. И за дѣло: въ такомъ глупомъ кузовѣ не ходи и другихъ въ грѣхъ не вводи! Съ какого-то красиваго брюнета, пролетѣвшаго по улицѣ на парѣ, перескочили на мужей. Досталось и мужьямъ. Ибо, по женской логикѣ, всѣ мужья, взятые вмѣстѣ, и каждый въ отдѣльности, будь они хоть семи пядей во лбу, каковъ ужъ есть дамскій мизинецъ — и того они, безпутные, не стоятъ. Да что мизинецъ! Ноготка не заслуживаютъ! Потому что мужчина для того только и сотворенъ, чтобы дѣлать своимъ женамъ непріятности, а жены за это страдай. Бѣдныя! Перевѣшать бы всѣхъ этихъ проклятыхъ мужчинъ, да неловко какъ-то потомъ... безъ мужчинъ вдругъ... однѣ только дамы останутся: и разнять-то ихъ во время драки некому! Пусть ужъ живутъ лучше... Богъ съ ними... мы, женщины, добрыя... всякое животное жалѣемъ!.. Съ мужей перескочили на дѣтей, съ дѣтей на прислугу, съ прислуги на мясника... А въ магазинѣ шляпки выставлены. Ну, какъ не остановиться передъ шляпками? Остановились.

Покритиковали шляпки, посмѣялись надъ безвкусіемъ модистки и глупостью дамъ, раскупающихъ такія моветонныя шляпки, и отправились дальше.

— Послушайте, — остановилась вдругъ брюнетка, поворачиваясь назадъ, — вы наступаете мнѣ на платье.

Сзади никого не было.

Брюнетка посмотрѣла внизъ и увидала собаченку, которая терлась около ея ногъ.

Собаченка оказалась не мудрящей особью собачьяго рода. Небольшая ростомъ, съ остренькимъ рыльцемъ, по бокамъ котораго была посажена пара веселыхъ и добрыхъ глазъ, съ короткой, рыжевато-грязнаго цвѣта, шерстью на спинѣ и юмористическимъ хвостикомъ,—съ завитою въ колечко оконечностью, подобно усикамъ франта дурного тона.

— Тебѣ что тутъ надо? Пошла прочь! — замахнулась на нее брюнетка муфтой.

Собаченка отскочила на сажень въ сторону и усиленно замахала колечкомъ хвостика.

Дамы пошли.

Собаченка оскалила зубы и бросилась за ними.

— Странная собака, — проговорила брюнетка,—что ей отъ насъ надо?

— Да ровно ничего, — отвѣтила подруга, — отбилась, вѣроятно, отъ своей хозяйки и теперь принимаетъ за нее тебя.

— И собаченка - то гадкая... грязная, скверм-

ная... Послушайте, — повернулась брюнетка снова, — ахъ, это опять она! Пошла прочь, я тебя! Маня, да гони же собаку.

Дамы повернулись и замахали на собаченку муфтами. Собаченка принялась лаять.

— Она же на насъ и лаетъ... Этакая дрянь! Вотъ я тебя!.. Пошла прочь!.. Пошла!

Собаченка отбѣжала, поджала правую переднюю ногу и, обнюхавъ на ходу какую-то толстую даму, плывшую подъ руку съ офицеромъ, припустилась за нашими дамами.

— Она опять здѣсь! Это ужасно!—вспылила брюнетка, — вотъ привязалась! Уходи, дрянь! Я тебя! Пошла, пошла, пошла!

— Знаешь что, Таня,—дала совѣтъ подруга,— здѣсь большое движеніе, перебѣжимъ на ту сторону, можетъ-быть она и потеряетъ насъ изъ виду.

— Хорошо, но сперва отгонимъ проклятую собаку.

Отогнали и перескочили на другую сторону улицы.

— Что? Нѣтъ собаки?—справилась брюнетка.

— Бѣгаетъ по тротуару на той сторонѣ и ищетъ нашъ слѣдъ,—отвѣтила подруга.

— Пойдемъ скорѣе, авось она насъ потеряетъ. Этакая скверная собаченка... Я теперь ни о чемъ ни думать, ни говорить не могу... Оглянись, нѣтъ ее?

— Кажется, нѣтъ... Удивительно глупая собака!

— Идіотка какая-то, — согласилась брюнетка,—какъ это не узнать свою барыню!

— При томъ вѣдь мы ее гонимъ... Должна же она понять, наконецъ, что мы чужія ей.

— А еще говорятъ, что собака умное животное! Какой вздоръ!

— Да кто говоритъ-то, Таня? Мужчины вѣдь.

— Ахъ, и то! Мужчины всегда и во всемъ врутъ... Развѣ можно мужчинамъ вѣритъ? Никогда!

— А интересно, знаешь, посмотрѣть бы теперь на ту счастливицу, къ которой пристала эта гадкая собаченка, ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха,— засмѣялась было подруга брюнетки, но вдругъ остановилась. — Таня, смотри, бѣжитъ!

— Кто?

— Да собака за нами.

— Нашла-таки насъ, дрянь! Нѣтъ, это просто невыносимо! Я тебя! Пошла, пошла!

Дамы замахали снова муфточками на собаченку, которая начала уже взвизгивать отъ радости, что напала-таки, наконецъ, на настоящій слѣдъ и нашла кого ей нужно было.

Собаченка описала кругъ и, поворачивая поминутно голову назадъ, побѣжала впереди нашихъ дамъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросила брюнетка,—ясно, что она отъ насъ не отстанетъ ни на шагъ, Смотри, она наблюдаетъ, не ушли ли мы.

— Ну, и пусть ее бѣжитъ, Таня.

— Покорно тебя благодарю! Во-первыхъ, она трется около моихъ ногъ и мѣшаетъ мнѣ итти, а во-вторыхъ, одинъ ужъ ея гнусный видъ начинаетъ раздражать меня. И какая нахальная навязчивость... и какая хитрая, дрянь: бѣжитъ и оглядывается.

— Зайдемъ подъ ворота перваго попавшагося дома. Авось, насъ потеряетъ.

— Только надо въ то время юркнуть, когда она на насъ не смотритъ.

— Ну, конечно!.. Не смотритъ, не смотритъ! Бѣги скорѣй!

Дамы торопливо юркнули въ ворота и, остановившись у длинной черной доски, висѣвшей на стѣнѣ, стали читать фамиліи жильцовъ.

— Ты, Маня, читай, а я буду наблюдать за проклятой собаченкой. Не видя насъ, она, навѣрное, вернется назадъ.

— Отлично. И какъ только она пробѣжитъ ворота, мы перейдемъ скорѣе черезъ улицу и свернемъ въ переулокъ.

— Тише, бѣжитъ, бѣжитъ,—застыла брюнетка съ приподнятой рукой,—нюхаетъ и бѣжитъ.

— Пробѣжала мимо?

— Пробѣжала... Идемъ скорѣе... скорѣе, Маня.

Дамы выскочили изъ воротъ, перебѣжали улицу и свернули въ переулокъ.

— Уфъ! — остановилась брюнетка, — у меня даже сердце отъ этой бѣготни забилось... Про-

клятая собаченка! Я такихъ нахаловъ и не видывала.

— Со мной тоже ничего подобнаго не случалось. Ну, ошибется собака хозяиномъ, затѣмъ увидитъ свою ошибку и убѣжитъ, а эта и ухомъ не ведетъ. Какая-то бродяжка безпаспортная, а не собака... Ахъ!

— Что съ тобой?

— Нашла! Бѣжитъ! За нами бѣжитъ.

— Что же это такое!—вспылила брюнетка,—этому конца не будетъ! Постой, я ее проучу!

Дама схватила валявшійся конецъ палки и бросила въ собаченку, подкатившуюся къ ней подъ ноги.

Собаченка взвизгнула, отлетѣла въ сторону и принялась лаять.

— Какъ вамъ не стыдно, mesdames, такъ жестоко обращаться съ животнымъ! — выросла передъ ними фигура мужчины въ сконгсовой шубѣ.

— А вамъ какое дѣло, милостивый государь?—вспылила брюнетка.

— Мнѣ какое дѣло? Странный вопросъ! Я членъ общества покровительства животнымъ.

— Ну, если вы членъ животныхъ, такъ и повѣсьте эту дрянь себѣ на шею. Эта собака намъ проходу не даетъ... Да-съ! Привязалась къ намъ и всю нашу прогулку отравляетъ.

— Но позвольте...

— Ничего, милостивый государь, не позволю.

Если вы членъ животныхъ, берите эту дрянь и уходите отъ насъ прочь... Вотъ они, мужчины, Маня! Бѣдныхъ женщинъ преслѣдуетъ скверная собаченка, и онъ ихъ же упрекаетъ за то, что тѣ хотятъ отъ нея отвязаться... Берите вашу собаку, милостивый государь!

— Какая она моя? Съ чего вы взяли, сударыня? Но обращаться такъ безчеловѣчно и съ чужими животными запрещается закономъ.

— Ну, и цѣлуйтесь вы съ этой собакой по всѣмъ вашимъ законамъ, а насъ оставьте въ покоѣ... Маня, идемъ! Не угодно-ли, изъ-за какой-то собаченки подъ судъ попали! Оглянись, бѣжитъ?

— Кто? Членъ животныхъ?

— Да не членъ, — очень онъ намъ нуженъ, а собаченка несчастная.

— Бѣжитъ, Таня, бѣжитъ подлая.

— Погоди, ей навстрѣчу другая собаченка несется. Можетъ быть онѣ сцѣпятся грызться... Не сцѣпились?

— Не сцѣпились, но остановились и обнюхиваютъ другъ друга... Наша такъ занялась этимъ новымъ знакомствомъ, что, кажется, совсѣмъ про насъ забыла... Скорѣй въ магазинъ, Таня.

Дамы влетѣли въ магазинъ разныхъ дѣтскихъ принадлежностей и принялись разсматривать наваленныя ворохами на прилавкахъ разныя платьица и чулочки.

— Надо что-нибудь купить, — пробормотала

брюнетка,—этакая скверная собаченка... и нервы разстроила, и въ трату ввела... Маня, посмотри въ окно, не видать ее?

— Нѣтъ, не видно... Будемъ надѣяться, что наконецъ-то мы съ ней разстались...

Дамы заплатили деньги, взяли сверточекъ и вышли на улицу.

У самаго крыльца сидѣла «проклятая собаченка» и пристально смотрѣла на двери магазина.

Увидавъ выходившихъ дамъ, она взвизгнула, завертѣла отчаянно колечкомъ хвостика и бросилась къ нимъ съ радостнымъ лаемъ.

— Тьфу!—плюнула брюнетка, зеленѣя, — это просто наказаніе какое-то!

Купленный свертокъ полетѣлъ въ голову собаченки. Собаченка подпрыгнула козломъ, затѣмъ, схвативъ зубами свертокъ, побѣжала впереди дамъ.

— Покупка-то наша, покупка!—бросились за ней дамы,—мальчикъ, мальчикъ!—кричали они бѣжавшему мальчугану,—отними пожалуйста у собаченки свертокъ.

— А она кусается? — справился тотъ, останавливаясь.

— Да не кусается, отними скорѣй!

Мальчуганъ догналъ собаченку и схватилъ ее за хвостъ. Собаченка огрызнулась, выпустивъ изъ рта свертокъ, и вцѣпилась зубами въ полу пальтишка преслѣдователя. Мальчишка взвизг-

нулъ и стрѣлой понесся по переулку, собаченка ударилась за нимъ.

— Таня, скорѣй въ этотъ переулокъ сворачивай, — подняла на ходу свертокъ подруга брюнетки,—вотъ навязалась, проклятая!

— Во мнѣ отъ негодованія просто все трясется, — отвѣтила, чуть не плача, брюнетка,—я не понимаю, какъ не истребляютъ такихъ собакъ... Не видать ее?

— Не видно... Перейдемъ на ту сторону... Я удивляюсь, куда смотритъ наша Дума... Это ни на что не похоже: съ полчаса бѣгаемъ отъ бродячей собаки и никакъ убѣжать не можемъ.

— Я вся мокрая даже стала. Нѣтъ, что ей отъ насъ надо, желала бы знать?

— Ну, я-то почемъ знаю, привязалась и бѣжитъ сдуру. Странные ты, Таня, вопросы предлагаешь!

— Но вѣдь я разстроена, ты пойми.

— Я тоже разстроена... Бѣжитъ! Бѣжитъ!

— Гдѣ? Гдѣ?

— Неужели не видишь? По тротуару на той сторонѣ... или это не она, а другая?

— Она, проклятая, она!

— Вотъ ужъ справедлива поговорка: нашъ атласъ не идетъ отъ насъ.

— Я бы съ удовольствіемъ повѣсила или разстрѣляла этотъ атласъ. Тебѣ чего надо, скверная? А?—набросились дамы на подлетѣвшую съ визгомъ собаченку.

— Погоди, Таня, вонъ стоитъ городовой. Городовой, городовой! — выкрикнула подруга брюнетки.

— Что прикажите? — подошелъ тотъ къ кипѣвшимъ отъ негодованія барынямъ.

— Къ намъ пристала вотъ эта скверная собаченка и не даетъ проходу. Возьми ее подъ арестъ!

— Собаку-съ?—хлопнулъ тотъ отъ удивленія глазами.

— Ну, да, собаку. Она цѣлый часъ за нами бѣгаетъ, точно за своими родными, и не отстаетъ.

— Да вы бы ее пужнули. Вотъ я тебя, облѣзлую!—замахнулся на собаченку городовой.

Собаченка отскочила и сѣла посреди мостовой.

— Ты пойми, мы ее сколько разъ гоняли, а она все не уходитъ. Только что прогонимъ, глядимъ, черезъ пять минутъ она тутъ, какъ тутъ!.. Арестуй, сейчасъ же арестуй эту подлую собаку.

— Такого, барыня, у насъ приказу нѣту. Вотъ ежели бы къ вамъ господинъ какой съ глупымъ разговоромъ присталъ, да ежели бы вы претензію изъявили, я бы его сичасъ въ участокъ, а насчетъ собаки никакихъ правилъ нѣту... вотъ тоже ежели бы она васъ укусила, напримѣръ, я насчетъ всякихъ мѣръ обязанъ, а насчетъ собачьей глупости приказу нѣту.

— Таня, ну, что съ нимъ толковать. Видно намъ сегодня судьба такая съ провожатымъ гулять.

— Да не желаю я никакихъ провожатыхъ. Ты пойми, она, проклятая, все удовольствіе мнѣ испортила.

— Мнѣ тоже. Постой, наймемъ извозчика и уѣдемъ.

— Догонитъ. Непремѣнно догонитъ.

— А мы велимъ извозчику большой улицей ѣхать, гдѣ и движеніе большое... на наше счастье, можетъ быть, она насъ и потеряетъ.

— Съ нашимъ собачьимъ счастьемъ-то? Ни за что, проклятая, не потеряетъ.

— Попробуемъ.

— Да, надо попробовать. Она мнѣ всѣ нервы издергала... Извозчикъ! извозчикъ!

Къ барынямъ подкатилъ возница на сѣрой лошади въ щегольскихъ саночкахъ.

— Послушай, извозчикъ, — заговорила брюнетка, посматривая на собаченку, которая спокойно сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и съ любопытствомъ наблюдала сцену найма извозчика, — у тебя хорошая лошадь?

— Часъ до небу ѣзды, госпожа хорошая,— осклабился Ванюха, передвигая привычнымъ движеніемъ головы шапку съ затылка на лобъ.

— Можешь ты уѣхать отъ собаченки?

— Отъ собаки-съ? Отъ которой же это?

— Да вотъ что на мостовой сидитъ. Пристала къ намъ, проклятая, и не отстаетъ ни на шагъ.

— Мразь!—покосился возница на собаченку, —

издохнетъ пять разъ на дорогѣ, а не догонитъ... Тпру, сѣрый дуракъ! Куда прикажете-съ?

Дамы сказали и вскочили проворно въ сани. Извозчикъ посмотрѣлъ насмѣшливо на весело сидѣвшую собаченку и тронулъ вожжами сѣраго. Сѣрый взялъ, что называется, съ мѣста, мигомъ пролетѣлъ переулокъ и понесся по широкой улицѣ полнымъ «махомъ».

— Маня, оглянись, нѣтъ нашей подлой? — проговорила брюнетка, держась за кушакъ извозчика.

— Бѣжитъ, милая! Ахъ, какъ бѣжитъ! Догонитъ, догонитъ... сію минуту догонитъ...

Собаченка, дѣйствительно, поравнялась съ санями, пролетѣла ихъ, и понеслась рядомъ съ лошадью, неистово лая.

— Извозчикъ она тутъ,—крикнули дамы въ одинъ голосъ,—поѣзжай скорѣй!

— А я ее сичасъ кнутомъ, госпожи хорошія... ахъ, ты подлая!—выхватилъ онъ кнутъ и, взмахнувъ имъ надъ головой, окрестилъ вмѣсто собаки барынь.

— Стой! Стой! Стой! — завизжали дамы,—да какъ ты смѣешь, дуракъ! Что ты не видишь, оселъ? Меня по носу хлестнулъ.

— А меня по щекѣ... убирайся, болванъ!

Дамы съ разъяренными лицами выскочили изъ саней, швырнули растерянно улыбавшемуся возницѣ мелочь и шмыгнули въ переулокъ.

Собаченка, лаявшая съ пѣной у рта на сѣраго, бросила, наконецъ, это благородное занятіе и, понюхавъ слѣдъ, припустилась за барынями.

— Таня, а вѣдь собаченка-то бѣжитъ, — доложила брюнеткѣ подруга.

— Бѣжитъ, проклятая... бѣжитъ... и хоть бы что-нибудь въ рукахъ... Ахъ, какъ бы я ее огрѣла! — кипѣла негодованіемъ брюнетка.

— Я бы застрѣлила, если бъ у меня былъ револьверъ, — пылила ея подруга.

— Но такъ какъ у насъ ничего въ рукахъ нѣтъ, то и мы должны, чтобы избавиться отъ этой подлой собаченки, принять какія-нибудь мѣры... Маня, мы должны бѣжать...

— Какъ бѣжать? Куда бѣжать...

— Въ разныя стороны... ты прямо, а я направо. Собака растеряется и останется съ носомъ.

— Бѣжимъ, Таня!

Барыни подобрали подолы юбокъ и побѣжали въ разныя стороны. Собаченка посмотрѣла съ нескрываемымъ удивленіемъ то въ одну, то въ другую сторону, присѣла, почесала ногой за ухомъ, какъ чешетъ русскій мужикъ въ затылкѣ въ затруднительныя минуты жизни и припустилась съ лаемъ за брюнеткой.

А спустя полчаса прогулявшіяся подруги вихремъ влетѣли въ квартиру брюнетки, сбросили съ себя верхнее платье и, тяжело дыша, опустились на первые попавшіеся стулья.

— Что съ вами?—выскочилъ къ нимъ мужъ брюнетки, — Таня, что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ! Таня!

— Отстань...—едва прошептала та, — тамъ... собаченка... собаченка у дверей, проклятая!

Мужъ превратился въ вопросительный знакъ.

Въ потьмахъ.

Было часа три ночи, когда къ громадному многоэтажному дому, стоявшему на одной изъ большихъ улицъ, подъѣзжали сани ночного «ваньки». Въ саняхъ сидѣла неясная фигура въ шинели и цилиндрѣ и клевала носомъ. Извозчикъ подкатилъ къ ближнему подъѣзду и «тпрукнулъ». Кляча моментально замерла на мѣстѣ и фыркнула отъ полнаго удовольствія. Сѣдокъ стукнулся цилиндромъ въ спину извозчика и вышелъ изъ «забвенія».

— Пріѣхали? — справился онъ, поправляя съѣхавшій отъ поклона на затылокъ цилиндръ.

— Пріѣхали, баринъ!—отвѣтилъ возница, поворачиваясь къ сѣдоку: — домъ Мурашовъ сказали... вотъ этотъ самый домъ Мурашовъ и есть...

Сѣдокъ поднялъ голову кверху и, при свѣтѣ тускло мерцавшаго фонаря, сперва обозрѣлъ домъ, затѣмъ, не спѣша, вылѣзъ изъ саней и нетвердыми шагами направился къ подъѣзду.

— Баринъ, а деньги-то? — соскочилъ съ козелъ извозчикъ.

— Деньги? Ахъ, да! Забылъ, братецъ... пони-

маешь, изъ ума вонъ! — пробормоталъ тотъ, запуская руку въ карманъ брюкъ:—ф-фу!.. однако, этотъ проклятый коньякъ очень крѣпокъ... о-о-очень... да! Ты, любезный, кто?

— Извозчикъ, баринъ.

— Извозчикъ? Прощай, братъ... ты мнѣ больше не нуженъ... я домой пріѣхалъ...

— А деньги-то, сударь...

— Ахъ, да... деньги... сейчасъ... удивительно крѣпкій коньякъ... и откуда только Иванъ Петровичъ такого яда досталъ?.. Въ головѣ туманъ... въ глазахъ — туманъ... въ ногахъ ту-у-уманъ... Извозчикъ, ты здѣсь?

— Здѣсь, сударь...

— Голубчикъ, позвони, пожалуйста... звонка не найду... въ глазахъ туманъ, въ рукахъ тоже ту-уманъ...

— А деньги-то, баринъ!

— Нѣтъ денегъ. Понимаешь, и есть деньги, и нѣтъ денегъ... не найду... фу, чортъ! понимаешь, коньякъ... et voila tout!

— Да что-жъ я васъ даромъ, стало-быть, везъ...

— Дурракъ! Извозчикъ, ты дуракъ! Глупъ, какъ сорокъ извозчиковъ... я денегъ не найду, а онъ... дурракъ!.. Тебѣ сейчасъ швейцаръ отдастъ... Понимаешь?

— Понимаю, сударь...

— А говоришь: даромъ. Дурракъ, братецъ!.. Ты никогда этого не смѣй мнѣ говорить... А?

— Слушаю-съ, сударь, я подожду-съ.

— Разумѣется, подожди... Ахъ, какой ты извозчикъ, глу-упый человѣкъ... Звони еще!

Извозчикъ дернулъ за ручку звонка, чрезъ минуту двери подъѣзда отворились настежь, и на порогѣ выросла темная фигура швейцара.

— Сергѣй, ты?—справился баринъ въ цилиндрѣ, подбирая полы съѣхавшей съ плечъ шинели.

— Я-съ, Михаилъ Васильичъ!—отвѣтилъ тотъ, впуская барина.

— Отдай братецъ, извозчику... понимаешь, не найду никакъ денегъ.

— Слушаю-съ, не извольте безпокоиться... Сколько прикажете?

— Спроси у него... онъ лучше знаетъ... дуракъ! Ужасный дуракъ! Сергѣй, почему на лѣстницѣ темно, а? Почему лампы не горятъ?

— Помилте, Михаилъ Васильичъ, какія же теперь лампы?.. Четвертый часъ утра-съ...

— Неужели четвертый?

— Сичасъ три пробило-съ...

— Ай-яй-яй!.. А я, вообрази, все думалъ, что первый часъ...

— Прикажете посвѣтить-съ?

— Глупости... и такъ найду... отдай деньги дураку и спи... Сергѣй... спи!

Баринъ схватился правой рукой за перила лѣстницы и полѣзъ кверху.

— Спи, Сергѣй!—бормоталъ онъ, путаясь въ полахъ шинели:—тебѣ спать нужно... человѣкъ

труда, слѣдовательно... и мнѣ тоже спать нужно, и всѣмъ спать нужно... да!.. Сонъ удивительно подкрѣпляетъ человѣка... вотъ коньякъ совсѣмъ другое дѣло... разслабляетъ... въ головѣ туманъ, въ ногахъ туманъ... фу!.. Кто тутъ? а? Никого! Кажется, я наступилъ на что-то мягкое... такъ и есть: шерсть какая-то... мягкая шерсть... это или собака, или кошка... странно только, почему она не лаетъ? Амишка, Амишка!.. Тьфу! Да это моя шинель...

Баринъ поправилъ сползавшую съ него шинель и полѣзъ снова кверху.

— Никакъ кто-то храпитъ? Храпитъ! Понимаю: это Сергѣй въ своей каморкѣ... Удивительно русскій человѣкъ устроенъ... сію же минуту говорилъ и сію же минуту спитъ... Положимъ, теперь всѣ спятъ... и моя женушка спитъ, отлично спитъ, а все-таки я не хорошо поступаю: обѣщалъ ей вернуться домой въ первомъ часу, а теперь... четвертый... не хорошо! Свинство это! Подлость!.. Свинья вы, Михаилъ Васильевичъ! Допустимъ, она спитъ... но отъ звонка можетъ проснуться и спросить: «Миша, который часъ?» Что я ей скажу, позвольте васъ спросить, Михаилъ Васильичъ?—Четвертый, Шурочка... да?.. Нехорошо!.. Гадко!.. Положимъ, я былъ у пріятеля на именинахъ... завинтился... Но, все-таки, если я далъ слово, слѣдовательно... Опять площадка... которая? Третья или четвертая?.. Четвертая... именно четвертая... фу, дьявольщина!

Ужасно трудно послѣ именинъ итти кверху... и какой только это дуракъ живетъ въ третьемъ этажѣ?.. Позвольте, Михаилъ Васильичъ, да это вы, кажется, въ третьемъ этажѣ живете? Вы, разумѣется, вы! А коньякъ удивительно крѣпкій... Шурочка теперь и цѣловаться со мной не станетъ; она терпѣть не можетъ запаха коньяку, а затѣмъ сейчасъ же бранить примется за позднее возвращеніе... Хорошо, если бы она не проснулась отъ звонка, я постараюсь потише звонить, такъ чуть-чуть, а горничная и не услышитъ, впередъ знаю, не услышитъ; всѣ горничныя, я замѣтилъ, ужасно крѣпко спятъ, и чортъ ихъ знаетъ, почему онѣ такъ крѣпко спятъ. Опять на что-то мягкое наступилъ... Что такое? Ага! Резиновая калоша! Держу пари, что эта калоша принадлежитъ человѣку, который живетъ надо мной; онъ каждый вечеръ возвращается домой навеселѣ и, разумѣется, все теряетъ... Мнѣ жаль его бѣдную жену, такая красивая брюнетка и вдругъ мужъ калоши теряетъ, нехорошо! Вотъ вамъ семейная жизнь наканунѣ двадцатаго столѣтія! Положимъ, и я сегодня долженъ огорчить мою Шуру, но будемъ справедливы: со мной это рѣдко, очень рѣдко бываетъ, да. Я даже не помню, когда я такъ поздно возвращался домой. Положительно не помню... Позвольте, а вѣдь калоша-то моя, ахъ, чортъ ее возьми! И какимъ только образомъ она могла съ ноги слетѣть? А,

понимаю, я споткнулся, а она и того, слетѣла... Фу!.. Стой, никакъ дверь? Дверь! Наконецъ-то!

Баринъ поправилъ шинель, передвинулъ шляпу и сталъ шарить звонокъ.

— Нѣтъ, что я за оселъ!—воскликнулъ онъ вдругъ и плюнулъ на дверь,—совсѣмъ изъ ума вонъ, что у меня ключъ отъ двери, сама же Шурочка дала мнѣ его, чтобы я не будилъ звонкомъ ни ее, ни прислугу, и забылъ! Ужасный коньякъ! Всѣ мысли въ головѣ перепуталъ! Ключъ здѣсь, прекрасно, теперь надо найти скважинку... ну, вотъ, поди и найди ее, попробуй... Не угодно ли! Словно сквозь землю провалилась. Терпѣть не могу этихъ американскихъ замковъ: ключи дѣлаются такіе длинные, что въ карманъ не лѣзутъ, а скважины такія маленькія, что со свѣчей не найдешь... Тьфу! На мое несчастье, я даже папиросъ не курю... Кури я, въ карманѣ были бы спички, а теперь ни спичекъ, ни замочной скважины... Те-те-те, нашелъ! Вотъ она! Нѣтъ, братъ, теперь ты отъ меня не уйдешь... Дудки!..

Баринъ съ большими усиліями отперъ дверь и, минуту спустя, очутился въ темной передней.

— Фу! Наконецъ-то я дома! «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ»... Однако, чортъ возьми, темно, какъ въ желудкѣ. Сколько разъ я говорилъ горничной, чтобы зажигала на ночь лампадки — не тутъ-то было! Хоть колъ на головѣ теши!

Баринъ нащупалъ въ темнотѣ вѣшалку, повѣсилъ на нее шинель съ цилиндромъ и повернулъ въ дверь направо.

— Всѣ спятъ, — бормоталъ онъ, нащупывая руками стѣны и мебель,—«тихо на дорогѣ, дремлетъ все вокругъ...» тпру, тпру! Налетѣлъ на что-то. Надо какъ можно тише, а то проснется Шурка и такую задастъ головомойку на сонъ грядущій... Кажется, никто не проснулся отъ стука?.. Тишина и... и... мракъ! Завтра же задамъ чистку горничной, а Шуркѣ скажу, что пришелъ въ половинѣ перваго...

Баринъ прошелъ комнату, наткнулся на горшокъ цвѣтовъ и своротилъ налѣво.

— И за какимъ только чортомъ Шура этихъ цвѣтовъ на полу наставила? Ужасный безпорядокъ... и тутъ цвѣты... Ну, какъ не загремѣть и не разбудить весь домъ?.. Стой, никакъ дверь? Ага! Ну вотъ я и въ своемъ, кабинетѣ... раздѣнусь, напялю халатъ и—покойной ночи, Михаилъ Васильичъ!.. Позвольте, куда же мой диванъ дѣлся? Неужели Шура его отправила къ обойщику перебить? Вѣдь просилъ же я ее, чтобъ оставила его въ покоѣ, нѣтъ-таки, поставила на своемъ! Ахъ, женщины! Ну, на какомъ дьяволѣ я теперь, спать стану, а? Эти жены—ужасный народъ... всѣ ихъ дѣйствія направлены только къ тому, чтобъ дѣлать возможно больше непріятностей мужьямъ... Это что? Диванъ! Диванъ и есть! Только странно, онъ стоялъ у меня налѣво,

а... а теперь... нѣтъ, мнѣ просто не слѣдуетъ никогда коньякъ пить... это во-первыхъ... а во-вторыхъ сейчасъ раздѣнемся.

Баринъ съ усиліями совлекъ съ себя сюртучную пару, снялъ сапоги и отправился шарить халатъ.

— Я такъ и зналъ, — бормоталъ онъ, водя руками по голой стѣнѣ — не повѣсила Матрена халатъ на свое мѣсто... и всегда вѣдь такъ: скажешь одно, а дѣлаютъ другое... Что это? Кровать!.. Ахъ, чортъ!.. Значитъ, я въ спальню жены попалъ! А все это меня горшки съ цвѣтами спутали... въ кабинетъ нужно было направо итти, а я пошелъ налѣво... Спитъ моя Шурочка и не чувствуетъ, что ея Мишка по всему дому путается...

Баринъ нагнулся надъ изголовьемъ кровати и прислушался.

— И какъ тихо спитъ... я слышу ея ровное дыханіе и... и... какъ будто даже водкой пахнетъ... настоящей водкой,—повелъ онъ носомъ, — впрочемъ, это, можетъ-быть, отъ меня коньякомъ пахнетъ... разумѣется отъ меня... сколько мы его сегодня выпили—ужасъ!.. Спи, моя голубка, спи!.. Ужасно мнѣ ее хочется поцѣловать... я вѣдь очень нѣжный супругъ... очень... боюсь только, не проснулась бы... впрочемъ, я потихоньку... она такъ крѣпко спитъ, что навѣрное не услышитъ моего поцѣлуя... разумѣется, не проснется... гдѣ ей!..

Баринъ нагнулся надъ изголовьемъ и шарахнулся въ сторону. Подъ его губы попались усы и борода!..

— Мужчина! — прошепталъ онъ, бросаясь къ кровати:—и въ спальнѣ моей жены!.. Ахъ чортъ возьми, куда же я попалъ? Кровать совсѣмъ не наша! — изумился онъ, ощупывая кровать, съ которой вдругъ понесся внушительный храпъ. — Батюшки мои! Да вѣдь это я въ комнату горничной затесался... такъ и есть, къ Матренѣ... и кровать у ней такая, и мужъ съ бородой... то-то я слышу вдругъ водкой запахло... и я еще его, подлеца, поцѣловалъ... тьфу, мерзость какая!

Баринъ, неслышно ступая въноскахъ, нащупалъ дверь и свернулъ налѣво... На что-то наткнулся, что-то треснуло и покатилось по полу.

— Не туда опять... ахъ, проклятый коньякъ! Что онъ съ моей головой сдѣлалъ... и шумитъ, и гудитъ, и никакъ въ свой кабинетъ не попадешь... Постой, Михаилъ Васильевичъ, если ты будешь такъ продолжать, толку никакого не выйдетъ... будешь только ломать и бить и кружиться на одномъ мѣстѣ... надо оріентироваться... изъ комнаты Матрены ходъ въ кухню... но это не кухня, ибо я не слышу, какъ храпитъ кухарка Арина... а она храпитъ всегда... другой ходъ въ дѣтскую, слѣдовательно, я нахожусь въ дѣтской... ну, разумѣется въ дѣтской... наткнулся на игрушки, онѣ и полетѣли... теперь надо итти налѣво... такъ... иду... такъ... тутъ дверь должна

быть... а двери нѣту... Спрашивается, почему нѣтъ двери на своемъ мѣстѣ? Отвѣтъ простъ: я не въ дѣтской... гдѣ же-съ, позвольте васъ спросить? Надо шарить... ну, и задамъ же я завтра Матренѣ... сколько разъ я говорилъ ей, чтобъ на каждомъ столѣ лежали спички, и не добьюсь... отвратительнѣе нашей прислуги я ничего въ свѣтѣ не видалъ... ну, вотъ столъ... лампа... а спичекъ нѣтъ... нѣтъ и нѣтъ... Это что? Дверь! Наконецъ-то! Если это дѣйствительно дѣтская, значитъ, чтобы попасть въ свой кабинетъ, надо повернуть направо... а если не дѣтская? Фу, чортъ! Ужасно трудно послѣ коньяку на свой диванъ попасть!..

Баринъ поплелся по стѣнкѣ, ощупывая мебель, и попалъ руками въ драпировку.

— Кабинетъ! Наконецъ-то, братецъ, я тебя поймалъ, разбойника!.. Вотъ тутъ, налѣво, стоитъ мое кожаное кресло... то-есть я хочу сказать: стояло, потому что его теперь нѣтъ... нѣтъ и нѣтъ!.. Вмѣсто кресла стоитъ какая-то этажерка... положимъ, и въ кабинетѣ есть этажерка, но она стоитъ направо... развѣ прислуга переставила? Посмотримъ, что стоитъ направо... ди... диванъ... Господи, да когда же, наконецъ, я въ свой кабинетъ попаду... Но куда меня нелегкая занесла, однако... диванъ, платье... еще платье... юбка даже, кажется... фу!

До ушей барина донесся легкій свистъ и нѣжно-контральтовое похрапываніе.

Баринъ остановился, какъ вкопанный, и стиснулъ руками виски.

— И здѣсь кто-то спитъ! — прошепталъ онъ съ отчаяніемъ,—но кто? Кто? Фу, дьяволъ, какъ я глупъ!.. Да это спальня жены!.. Будь проклятъ этотъ коньякъ... разумѣется, это спальня Шурочки... и этажерка ея, и кушетка, и платье... ясно, мнѣ нужно было лѣвѣе забрать. Въ этихъ дьявольскихъ потемкахъ всѣ комнаты перепутаешь. И хоть бы одна спичка!

Баринъ сѣлъ на кушетку и схватился за голову.

— И спать хочется, и кабинетъ никакъ не найдешь. Не лечь ли здѣсь на кушеткѣ? Коротка, чортъ ее возьми совсѣмъ, ноги некуда протянуть... А хорошо бы... легъ бы это я и Шуркинымъ платьемъ закрылся... коротка кушетка! Однако, я того... весьма неблагоразумно поступилъ, что въ комнатѣ горничной свое платье снялъ. Шурочка Богъ знаетъ что подумаетъ. Положимъ, у Матрены мужъ, и какой еще... и водкой отъ него пахнетъ и храпитъ онъ какъ лошадь, а все-таки нехорошо... надо завтра утромъ предупредить Матрену. Да, Непремѣнно предупредить!

Баринъ всталъ съ дивана и прислушался.

— Въ первый разъ въ жизни слышу, что Шура храпитъ... удивительно! Пять лѣтъ женатъ и на шестомъ вдругъ такой сюрпризъ! Можетъ-быть это она съ огорченія. Обѣщалъ въ

первомъ часу притти и вмѣсто того въ четвертомъ! Шура! Ангелъ! Прости меня!

Баринъ потрясъ головой и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Виноватъ, Шура!.. То-есть не я виноватъ, а коньякъ виноватъ, и не коньякъ даже виноватъ, а виноватъ...

Баринъ не кончилъ. Онъ налетѣлъ на какое-то препятствіе и полетѣлъ, какъ срѣзанный колосъ на полъ.

— Чортъ! Дьяволъ! — выругался онъ шепотомъ, поднимаясь на колѣни.

— Гриша, это ты? — донесся изъ угла заспанный женскій голосъ.

— Гриша!—похолодѣлъ баринъ,—мерси! Это я-то, Миша, у ней Гриша!

— Гришукъ, это ты стучишь? — повторился окликъ.

— Гришукъ! — повторилъ, какъ эхо, несчастный мужъ, — я на именины, а она змѣя... Гришукъ! Это значитъ Григорій Александровичъ, учитель музыки!.. Вотъ она «Крейцерова-то соната» гдѣ!.. О, женщины! И какіе же всѣ ослы тѣ, что на васъ женятся!

— Гриша, ты? — снова раздался встревоженный женинъ голосъ.

— Я не Гриша, милостивая государыня! — поднялся, наконецъ, съ пола баринъ, идя впередъ и натыкаясь на какую-то мебель:—вы жестоко ошибаетесь, да-съ!.. И я ей вѣрилъ... я!

— Ахъ, воры!—пронзительно вскрикнули изъ угла.—Гриша, сюда! Воры! Воры! Воры!

Баринъ прижался къ стѣнкѣ и раскрылъ отъ изумленія ротъ. Женинъ голосъ раздавался въ квартирѣ, какъ колокольчикъ; гдѣ-то вспыхнулъ огонь, кто-то крикнулъ и забѣгалъ по комнатѣ, раскидывая второпяхъ мебель.

— Батюшки, да это я къ тещѣ въ комнату залѣзъ!—пробормоталъ баринъ, бросаясь впередъ и опрокидывая стулья.

Въ комнату ворвался длинный и узкій лучъ свѣта и чрезъ минуту злосчастный мужъ столкнулся лицомъ къ лицу съ бородатымъ мужчиной, державшимъ въ одной рукѣ свѣчку, а въ другой револьверъ.

— Ни съ мѣста, мошенникъ! — заревѣлъ бородачъ, направляя на ночного путанника револьверъ.

Путанникъ съежился, окинулъ взглядомъ комнату и со страху опустился на первое попавшееся кресло.

— Инженеръ изъ бель-этажа!—пробормоталъ онъ, безсмысленно уставясь на бородача.—Господи! Это, значитъ, я на цѣлый этажъ ошибся, въ чужую квартиру затесался Ахъ, какой скандалъ!

Баринъ закрылъ лицо руками и съежился въ комочекъ. Бородачъ застылъ въ угрожающей позѣ, а изъ угла, съ кровати, неслись истерическіе вопли перепуганной женщины.

Въ чужой роли.

— Митя, — говорила полная красивая брюнетка худощавому блондину, сидѣвшему въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. — Ты очень занятъ?

— И да, и нѣтъ, — откинулся тотъ на дугообразную спинку кресла. - Я тебѣ нуженъ, душа моя?

— Нуженъ.

— Очень?

— Пожалуй, что и очень, — усмѣхнулась та, натягивая на руки перчатки. — Мнѣ необходимо съѣздить на часъ къ портнихѣ, примѣрить платье.

— Ты хочешь, чтобы я отправился съ тобой въ качествѣ эксперта?

— Совсѣмъ нѣтъ. Пока мнѣ твоя экспертиза не нужна. Ты мнѣ нуженъ для другого, если только тебѣ можно будетъ оторваться отъ занятій на одинъ часъ.

— Разумѣется, можно.

— Да? Я очень рада. Посмотри, пожалуйста, пока я съѣзжу къ портнихѣ, за дѣтьми.

— За какими дѣтьми, Аничка?

— Ну, конечно же, за нашими: за Валичкой и Таничкой.

— А гдѣ же ихъ бонна?

— Поѣхала за новымъ паспортомъ.

— А горничная Маша?

— Машу я послала къ корсетницѣ за новымъ корсетомъ. Понимаешь, я бы ихъ съ удовольствіемъ взяла съ собой, но видишь, какая погода на дворѣ: долго ли простудить?

— Да, да, разумѣется, брать ихъ съ собой неблагоразумно. Поѣзжай, присмотрю.

— Они сейчасъ играютъ въ гостиной въ кубики. Если имъ надоѣдятъ кубики, займи ихъ чѣмъ-нибудь другимъ.

— Хорошо, хорошо. Это такіе пустяки. Положимъ, я съ дѣтьми никогда не занимался, но въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. Поѣзжай.

— Только, пожалуйста, Митя, ты ротъ не разѣвай... Дѣти — всегда и вездѣ дѣти. Сейчасъ они очень дружны, а черезъ минуту, глядишь, ужъ и рассорились.. Могутъ толкнуть другъ-друга, причинить боль.

— Знаю, душа моя, знаю. Самъ когда-то былъ въ ихъ возрастѣ...

— Я прошу тебя не спускать съ нихъ глазъ. А если тебѣ эта миссія не по силамъ, я лучше отложу свою поѣздку до завтра.

— Какіе пустяки! Поѣзжай, пожалуйста... Ты сама увидишь, какъ мы отлично устроимся въ твое отсутствіе.

Брюнетка застегнула на послѣднюю пуговицу перчатки и прошла въ гостиную, гдѣ на коврѣ разставляли кубики мальчикъ лѣтъ пяти и дѣвочка лѣтъ четырехъ.

— Ну, дѣтки, будьте паиньками,—нагнулась она къ нимъ для поцѣлуя, — я ѣду не надолго, а съ вами останется папа.

— Онъ будетъ съ нами иглать?— справилась у матери дѣвочка.

— Буду, Танекъ, буду... Иди, душа моя, съ Богомъ,—махнулъ блондинъ рукой женѣ.

— Выпусти меня только, вѣдь въ домѣ никого нѣтъ.

— А кухарка?

— Кухарку отпустила со двора. Вѣдь мы сегодня обѣдаемъ у сестры.

— Ахъ, да, и то!.. Ну, иди, иди!

— Только ты, пожалуйста, Митя, смотри за ними въ оба.

— Да, ужъ будь покойна. На какой - нибудь часъ ѣдетъ, а наставленій даетъ на цѣлую недѣлю.

Блондинъ выпустилъ въ дверь жену, щелкнулъ замкомъ и поспѣшилъ въ гостиную, откуда неслись раздраженныя нотки дѣвочки.

— Какъ? Уже ссора? Таня, въ чемъ дѣло?— присѣлъ онъ на коверъ.

— Я хочу лосадку съ баласкомъ изъ кубиковъ слозить,—немедленно пожаловалась та,—а Валя хочетъ пѣтуха съ кулицами...

— Ага! Валя, какъ же это ты, братъ, а? Ты мужчина и вдругъ не уступаешь дамѣ. Ты долженъ быть вѣжливымъ кавалеромъ.

— Да мы уже складывали лошадку съ барашкомъ, а пѣтуха съ курицами не складывали.

— Влесь... влесь... складывали, — протестовала дѣвочка.

— Анъ, не складывали, гусей мы складывали, а пѣтуха съ курицами нѣтъ.

— И пѣтуха складывали.

— Постойте, дѣтки, не спорьте... Сложимъ сперва лошадку, а потомъ пѣтушка...

— А я хочу пѣтуха съ курицами, — стоялъ на своемъ мальчуганъ.

— Ну, хорошо, сложимъ сперва пѣтушка съ курочками, а потомъ лошадку.

— А я хочу лосадку... Мама! Мама!

— Таня, не кричи, мамы нѣтъ, она уѣхала.

— Мама-а-а! — закуксилась дѣвочка, усердно растирая глазенки кулаченками.

— Молчи, Таня... Мы лошадку сложимъ... Давай складывать.

— А я не дамъ кубики, — твердо заявилъ мальчуганъ.

— Какъ не дашь? Да какъ ты смѣешь не дать, а?

— Кубики мои, мнѣ ихъ мама подарила.

— Ахъ, какой ты гадкій мальчикъ... ай, ай, ай какой!.. Не ожидалъ я этого отъ тебя, ей-ей не ожидалъ,—бормоталъ укоризненно папаша,—

я думалъ, ты умный, хорошій мальчикъ и любящій братъ, а ты... эгоистъ, братъ!

— А она зачѣмъ не хочетъ пѣтуха складывать?.. Лошадку мы складывали.

— Влесь, не складывали...

— Анъ складывали... ты врешь... ду-рра!

— Самъ дулакъ! Мама-а!..

— Опять ссориться? Перестаньте... Довольно! Точно порохъ въ васъ насыпанъ... бросьте кубики и играйте во что-нибудь другое, разъ они оказались яблокомъ раздора.

— Я не хочу больше съ такой спорщицей играть,—проговорилъ мальчуганъ, разбрасывая кубики по всей комнатѣ.

— И я съ тобой больсе не стану,—откликнулась дѣвочка.

— Какъ не станете? должны играть, пока мама не пріѣдетъ... играйте...

— Не стану играть съ такой дурой.

— И я не стану съ такимъ дулакомъ.

— Не ругаться. Сидите смирно и занимайтесь чѣмъ-нибудь... Не угодно ли? Отъ полу два вершка, а такъ и норовятъ вцѣпиться другъ въ друга... Валя, ты все-таки мужчина, дружочекъ, и поэтому самому долженъ быть благоразумнѣе Тани... Таня, во-первыхъ, дѣвочка, во-вторыхъ, гораздо моложе тебя... Ну, на кубикахъ не сошлись характеромъ, сойдитесь на чемъ-нибудь другомъ.

— Я хочу рисовать,—проговорилъ мальчикъ.

— И я тоже хочу лисовать,—проговорила дѣвочка.

— Ну, вотъ и прекрасно. Давно бы вамъ, дѣтки, заняться рисованіемъ. Прекрасное и тихое занятіе. Сиди и рисуй. Гдѣ ваши карандаши? Въ дѣтской? Пойдемте въ дѣтскую. Бумага есть? Гдѣ она? Тутъ? Ну, ну... садитесь, дѣтишки, къ столу... вотъ тебѣ, Таня, карандашъ и бумага, а вотъ и тебѣ, Валя, бумага и карандашъ... рисуйте, а я пока покурю...

— Ты намъ нарисуй, папа...

— Я? Да я и рисовать-то не умѣю.

— Не умѣешь, а маму отпускаешь...

— И мама ваша рисовать не умѣетъ.

— Анъ умѣетъ! Она намъ все рисуетъ, что мы хотимъ, а потомъ мы срисовываемъ.

— Да что вы изъ меня дурака-то играете? Не умѣетъ мама рисовать.

— Ахъ, какъ холосо мамочка лисуетъ!—заявила отцу дѣвочка.—Мама-а!

— Нѣту мамы, вамъ говорятъ...

— Папа, нарисуй,—приставалъ къ отцу мальчуганъ.

— Ну, хорошо, не кричите только... Какъ-нибудь попробую... Ну, что тебѣ нарисовать? Домикъ? Театръ?

— Нѣтъ, папа, ты мнѣ супъ нарисуй.

— Супъ? Какой супъ?

— Съ клецками, я очень клецки люблю.

— Валя, ты городишь глупости, супъ съ клецками нельзя нарисовать.

— Анъ можно!

— Право, вы отца за какого-то дурака считаете! Если я говорю, что нельзя, значитъ нѣтъ никакой физической возможности. Что такое супъ, глупый мальчикъ? Жидкость, вѣдь, такъ?

— Папа, нарисуй мнѣ супъ,—тянулъ «глупый» мальчикъ.

— Господи Боже мой, неужели бы я не нарисовалъ, хотя и не умѣю, если бъ было возможно... я тебѣ вотъ что нарисую, миску.

— Мама супъ рисовала, нарисуй мнѣ супъ.

— Тьфу! Хоть бы бонна, что ли, пришла поскорѣй... Вотъ видишь—это миска, видишь?—забѣгалъ карандашомъ по бумагѣ отецъ,—а это крышка, видишь?.. Ну, а подъ крышкой твой супъ съ клецками... Понялъ?

— Нарисуй мнѣ супъ,—затопоталъ ноженками любитель супа съ клецками.

— А вотъ я возьму розгу, да такой тебѣ нарисую супъ, негодный мальчишка,—заволновался отецъ,—до чего распустили ребятъ, Богъ знаетъ чего требуютъ отъ клецокъ... то-есть отъ супа... и не отъ супа... тьфу!

— Папа,—теребила его дѣвочка за рукавъ,—нарисуй мнѣ виногладъ.

— Виноградъ? Это не хитро... Ты что хнычешь, негодный мальчишка, а? Сейчасъ замолчи! Сію минуту!

— А-а-а...—заревѣлъ тотъ,—ма-ма-а-а.

— Замолчи, тебѣ говорятъ... Батюшки! хотьбы горничная пришла. Сладу съ ними нѣтъ. Валя! перестань, я нарисую тебѣ супъ, сію минуту нарисую, не ори только, пожалуйста, и не плачь... Ну, что хорошаго, ты разсуди, большой ты ужъ мальчикъ, а плачешь.

— Папа, налисуй мнѣ виногладъ,—тормошила отца дѣвочка.

— Сейчасъ, Танекъ. Я налью ему супу, то-есть нарисую, и за виноградъ примусь... Ну, какъ я ему супъ изображу? И дернула меня нелегкая въ роль няньки залѣзть. Не идетъ ли кто?—заглянулъ онъ въ окно,—нѣтъ, никого! Погоди, Таня, не могу же я для васъ разорваться. Что вы, въ самомъ дѣлѣ, нянька я вамъ достался, что ли? А? Сперва супъ, а потомъ клецки.

— Мнѣ виногладъ, папа.

— То-есть виноградъ. Да не реви ты, Валя, ради Бога! Вѣдь мамочка съ меня за васъ взыщетъ, ты посмотри на себя въ зеркало, на кого ты похожъ?

— Мама всегда мнѣ супъ рисовала-а-а-а,—не переставалъ ревѣть мальчуганъ.

— И дура, если рисовала. Только васъ испортила. Ну, какъ я этому болвану нарисую супъ? Валя, замолчи. Ну, развѣ мальчики плачутъ? Мальчики только дерутся. Боже, что я говорю? Поди сюда, дай я тебя поцѣлую, только не

проси ты у меня супу. Клянусь тебѣ душой, не умѣю я рисовать этотъ проклятый супъ съ клецками. Ты покажи мнѣ, какъ его рисовала мама.

— Она хорошо рисова-а-а-ла-а-а!

— И откуда у ней такія способности взялись? Постой! Вотъ видишь, этотъ кругъ—миска, въ которой находится супъ; эти волны—супъ, а эти черныя точки—клецки. Такъ, Валичка, да?

— Нарисуй мнѣ су-у-у-пъ, - тянулъ Валичка.

— Фу! Даже жарко стало!—полѣзъ отецъ въ карманъ за платкомъ.—Валя, ты просто скверный и капризный мальчишка. Отличный супъ тебѣ нарисовалъ и ты все недоволенъ. Таня, милая моя дѣвочка, будь судьей: хорошій я ему, негодяю, супъ нарисовалъ, или нѣтъ?

— Налисуй мнѣ виноградъ.

— Сію минуту нарисую, ты только скажи: похожъ мой супъ на маминъ или нѣтъ?

— Налисуй мнѣ виноградъ.

— Да нарисую же, говорю. Я тебя про супъ спрашиваю, такъ его мамочка рисовала или по другому какъ?

— Мама холосо лисовала. Папа, налисуй мнѣ виноградъ,—твердила свое дѣвочка, дергая поминутно за рукавъ отца.

— Тьфу! Да съ ними просто всякое соображеніе потеряешь! Къ портнихѣ шутъ понесъ! Не могла въ другое время поѣхать, бросила на мужа своихъ ревуновъ и удрала. Бабы прокля-

тыя! Ну, вотъ что я съ ними, идіотами, стану дѣлать? Реветъ, какъ голодный теленокъ, и знать никого не хочетъ. Я его и лаской, и угрозой,— ничего не дѣйствуетъ. Бонну отпустила тоже! Завтра-то не могла отпустить? Горничную за корсетомъ спровадила.

— Папа, налисуй мнѣ виногла-а-адъ,—перебила его дѣвочка.

— Отстань, сейчасъ, Валя! Да ты что же это, въ самомъ дѣлѣ, а? Долго ревѣть будешь? Вплоть до матери? Ну, вотъ тебѣ еще супъ. Ужъ если этотъ супъ нехорошъ—реви, знать тебя больше не хочу. Видишь, это миска, а это паръ отъ супа. Понимаешь, въ родѣ дыма. Хорошій супъ, право, Валичка, хорошій!

— А-а-а-а,—отшвырнулъ отъ себя Валичка новоиспеченный супъ.—Мама-а! Мамочка-а-а!

— Просто голова кубаремъ завертѣлась! Реви, Богъ съ тобой, реви! Нѣтъ у меня больше для тебя супа,—чуть не плакалъ отецъ,—и радъ бы сварить, да не умѣю. Ты что, Таня? Виноградъ тебѣ? Сейчасъ. Это такъ просто: нарисовалъ кружочки, соединилъ ихъ ниточками и виноградъ готовъ, настоящій крымскій виноградъ. Получи, Танекъ! Хорошъ?

— Ты мнѣ сладкій виноградъ налисуй,—отпихнула отцовскій виноградъ дѣвочка.

— Сладкій? А это какой же?

— Это кислый, мнѣ мамочка всегда сладкій лисовала.

— Господи Боже мой, что жъ это такое? Да, глупая ты дѣвочка, почему ты думаешь, что мой виноградъ кислый, а мамочкинъ сладкій? Пробовала ты эти винограды?

— Мамочка лисовала сладкій, не хочу я кислаго.

— Тьфу! Дрянь, я вижу, надо васъ обоихъ... Въ такихъ крошечныхъ созданіяхъ и столько глупыхъ претензій: одному отцовскій супъ не нравится, другой виноградъ.

— Хочу сла-а-а-дка-а-ай,—заревѣла въ свою очередь дѣвочка.

— Таня! Ангелочекъ! И ты туда же? Ну, Валя мальчишка, Валя глупъ, а ты, кажется, дѣвочка благоразумная, не плачь, Танечка, я тебѣ куклу куплю.

— Не надо мнѣ куклы, хочу виногла-а-адъ!

— О, Господи! Да если бъ я зналъ, какъ ваша дура мать виноградъ рисуетъ... Погоди, я покрупнѣе нарисую, крупный виноградъ всегда бываетъ сладкимъ... Вотъ, смотри, Таня, это сладкій виноградъ.

— Кислый, — махала рученками дѣвочка, — хочу сла-а-адка-а-ай!

— Клянусь тебѣ честью, сладкій, слаще этого винограда ничего на свѣтѣ нѣтъ, повѣрь ты отцу, Таничка... Ей Богу же сладкій...

— Хочу сладка-а-ай! Сла-адкай!—визжала дѣвочка.—Мама холосая, папка не холосій, кислый виноглад лисуетъ.

— А-а-а-а!—ревѣлъ мальчуганъ, уткнувшись носомъ въ ладони.—Мама-а! Ма-амочка-а-а!

— Что жъ это такое? Да я самъ разревусь! Ей-ей, сейчасъ разревусь! Таня, Танечка! Валя, Валечка! Не плачьте, давайте въ лошадки играть... Хотите, я васъ буду возить, дѣтки? Не доводите вы меня до отчаянія... Хоть бы кухарка пришла, шутъ ее дери,—никого! Валя! Таня! Ну, хотите я черезъ голову буду кувыркаться?

— Хочу супъ! Су-у-упъ!

— Виногла-а-адъ сла-адка-ай! — взвизгивали ребятишки, сбрасывая со стола и бумагу, и карандаши, и книжки.

Отецъ заткнулъ уши и опустился на стулъ.

А спустя четверть часа онъ съ мокрыми отъ слезъ глазами встрѣчалъ жену и говорилъ:

— Какъ тебѣ не стыдно, Аничка, столько времени ѣздить! Мы всѣ тутъ безъ тебя обревѣлись, и Валя, и Таня, и я, съ полчаса ревемъ и никакъ остановиться не можемъ, и никого: ни бонны, ни горничной, ни тебя, чортъ знаетъ что такое!

Жена только руками развела.

Школьный товарищъ.

Петръ Васильевичъ, вернувшись поздно со службы и пообѣдавъ на скорую руку, отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ, развалясь въ покойномъ креслѣ и уничтожая папиросу за папиросой.

Въ кабинетѣ было свѣтло, тепло и уютно. Со стѣнъ угрюмо смотрѣли портреты предковъ Петра Васильевича, заключенные въ старинныя бронзовыя рамы, въ каминѣ весело потрескивалъ уголь, отбрасывая красноватый блескъ на свѣтлое платье супруги Петра Васильевича, Анны Сергѣевны, которая сидѣла около мужа и вязала изъ шерсти какую-то неизбѣжную дамскую глупость.

На часахъ пробило семь.

Петръ Васильевичъ швырнулъ окурокъ папироски въ каминъ, зѣвнулъ и потянулся. Въ то же почти время въ передней звякнулъ звонокъ, и, минуту спустя, на порогѣ кабинета стояла горничная, вертя въ рукахъ визитную карточку.

— Васъ, баринъ, тамъ какой-то господинъ желаетъ видѣть,—проговорила она.

— Какой господинъ? Что ему надо? — приподнялся съ кресла Петръ Васильевичъ.

— Не могу знать-съ. Спросили: дома баринъ?—Дома, говорю.—Подите, говоритъ, и передайте ему карточку.

— Дайте сюда.

Петръ Васильевичъ взялъ карточку и прочиталъ вслухъ: «Андрей Германовичъ Ивановъ».

— Совсѣмъ незнакомая фамилія,—пожалъ онъ плечами.—Да что ему надо отъ меня?

— Не знаю-съ. Велѣли только передать карточку.

— Поди самъ и спроси, — посовѣтовала супруга, проворно работая костяными спицами.

— Сейчасъ иду... Вѣроятно какой-нибудь проситель,—рѣшилъ онъ, идя вслѣдъ за горничной и застегивая на всѣ пуговицы домашній пиджакъ, исправляющій должность халата.—Гдѣ онъ?

— Въ залѣ сидятъ-съ.

Петръ Васильевичъ вышелъ въ залу. Со стула поднялся высокій господинъ въ очкахъ, съ сильно облысѣвшею головой и жиденькою русою бородкой, и съ веселою улыбкой зашагалъ навстрѣчу хозяина.

— Петя, другъ, не узнаешь, — широко раскрылъ онъ объятія и такъ стиснулъ хозяина, что у того духъ захватывало, — не узнаешь?

— Кажется... Нѣтъ... не узнаю, — пробормоталъ Петръ Васильевичъ, вырываясь изъ неожиданныхъ объятій.

— Андрюшку Иванова забылъ? Хорошъ! Мерси! Ахъ, Петя, Петя! Коротка же у тебя память... Положимъ, и у меня не ахти какая, но у меня она плоха по особенному случаю: я ужасно разсѣянъ, а ты? Не ожидалъ!

— Я тоже иногда бываю разсѣянъ,— оправдывался Петръ Васильевичъ, всматриваясь усердно въ незнакомыя черты гостя.

— Впрочемъ, и то сказать, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались... Да неужели не узнаешь однокашника Андрюшку Иванова?

— Иванова?.. Постойте... Дѣйствительно, со мной учился Ивановъ...

— Онъ передъ тобой, старый дружище!—говорилъ радостно гость, крѣпко сжимая руку хозяина.

— Неужели это вы... т.-е. ты? Тогда ты былъ такимъ маленькимъ, кругленькимъ.

— А теперь сталъ длиннымъ и худымъ. Годы, дружище, годики!

— Да, годики... Двадцать лѣтъ прошло съ той поры, какъ мы съ тобой вкушали горькіе корни ученія.

— Двадцать два.

— Двадцать.

— Не спорь, другъ, у меня въ календарѣ записано. Я, знаешь, на свою память не надѣюсь и всѣ важныя событія записываю.

— Странно!.. Положимъ, я не записывалъ, но

я отлично помню, что я окончилъ курсъ въ пансіонѣ двадцать лѣтъ тому назадъ.

— Не стану спорить, можетъ-быть, я и описался. А ты, знаешь, почти все такой-же...

— Ну, положимъ, далеко не тотъ.

— Почти. Такіе же вылупленные глаза, тотъ же вздернутый носъ... Присюсюкиваешь теперь или нѣтъ?

— Какъ присюсюкиваю?

— Ну, какъ присюсюкиваютъ въ разговорѣ? Не знаешь?

— Да я никогда не присюсюкивалъ, съ чего это ты взялъ?

— Отлично сюсюкалъ.

— Ей-Богу же нѣтъ, неужели я себя не помню?.. Фёдоровъ, на сколько помню, у насъ дѣйствительно сюсюкалъ.

— Неужели я тебя съ Федоровымъ смѣшалъ? Весьма возможно... А я, знаешь, отъ кого твой адресъ узналъ? Отъ Гаврилова.

— Гавриловъ? Совсѣмъ не помню.

— Ну, какъ Гаврилова не помнить!.. Эхъ, ты!.. Его у насъ въ школѣ Матрешкой звали... Вспомнилъ?

— Акулькой звали я помню Переносова.

— Гаврилова, братъ. Однако, у тебя память-то того-съ, хуже моей во сто кратъ. Важною персоной сталъ. Да мнѣ шутъ его дери, важностью меня не удивишь.

— Не помню я Гаврилова что-то.

— Ну, какъ не помнить!.. Бѣлокуренькій такой, скромный, съ розовыми щечками...

— Вспоминаю, но только, кажется, ему совсѣмъ не Гавриловъ фамилія была.

— А какъ же?

— Не помню. Двадцать лѣтъ, братъ, согласись самъ...

— Двадцать два. Впрочемъ, это нисколько не мѣняетъ дѣла. По-моему, Гавриловъ. Хотя, откровенно говоря, спорить не могу. Можетъ-быть, и я ошибаюсь. Да нѣтъ, Гавриловъ. Въ вагонѣ его встрѣтилъ вчера, ну, и разговорились...

— Откуда онъ мой адресъ знаетъ, это удивительно!

— Не спросилъ. Я думалъ, онъ съ тобой видается.

— Ни разу не встрѣчался даже. Помню его отлично: бѣлокуренькій, наподобіе льна волосеньки, румяныя щечки, голубые глаза.

— Онъ самый, Гавриловъ! Неужели его потомъ ни разу не встрѣчалъ?

— Ни разу.

— Странно! Вѣроятно, онъ отъ кого-нибудь изъ вашихъ общихъ знакомыхъ твой адресъ знаетъ. А я, знаешь, изъ Кіева пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней по дѣлу.

— Такъ ты въ Кіевѣ живешь?

— Въ Кіевѣ. Я уже лѣтъ пятнадцать тамъ служу. Какъ узналъ отъ Гаврилова твой адресъ, такъ и рѣшилъ: первый же визитъ тебѣ... Ты женатъ?

— Давно уже. А ты?

— Еще спрашиваетъ! Весьма даже женатъ. Въ прошломъ году на третьей женился.

— Однако, братъ!

— Не везетъ мнѣ, другъ, въ женахъ, хоть ты что хочешь: первая утонула, вторая отъ чахотки умерла, а третья мѣсяцъ тому назадъ съ нѣмцемъ убѣжала.

— Отъ трехъ женъ—ни одной.

— Говорю, не везетъ. И дѣтей ни отъ одной не было, а у тебя?

— Есть двое.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный! Какъ мнѣ тебя жаль!

— Что же дѣлать, судьба такая. Да. Съ Андреевымъ еще хуже вышло. Андреева помнишь!

— Андреева?—вскинулъ хозяинъ глазами къ потолку.—Не помню, да у насъ, кажется, Андреева совсѣмъ не было.

— Ну, вотъ тебѣ и здравствуй! На одной женѣ только женатъ, а разсѣянности больше, чѣмъ у меня. Сутуловатый такой былъ, говорилъ басомъ и соловьемъ свисталъ.

— Соловьемъ! Постой? Перепеломъ у насъ дѣйствительно одинъ кричалъ, но только совсѣмъ не Андреевъ.

— Не спорь, Петрушка, Андреевъ! И не перепеломъ, а соловьемъ. Помнишь, еще воспитатель, изъ нѣмцевъ онъ былъ,—какъ фамилія ему

только забылъ,—обыскивалъ насъ и все просилъ: «Нахтигаль выпускайтъ на воль».

— Францъ Карловичъ? Какъ же, помню. Только вотъ насчетъ соловья ты перепуталъ. Перепеломъ кричалъ.

— Честное, благородное слово, соловьемъ. Это ты перепуталъ. Замѣчательно Андреевъ соловью подражалъ. Перепелъ что, перепелъ дрянь!

— Ну, Богъ съ ними и съ перепелами, и съ соловьями. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, я тебя познакомлю съ моей женой.

— Пойдемъ, дружище, посмотрю, какой у тебя вкусъ. Прежде, насколько помню, былъ недуренъ... хе-хе-хе!

Гость хлопнулъ по плечу хозяина и поспѣшилъ за нимъ въ кабинетъ.

— Аничка, позволь тебѣ представить моего однокашника, такъ сказать, школьнаго товарища Андрюшу Иванова,—проговорилъ Петръ Васильевичъ, вводя гостя въ свой кабинетъ,—моя жена Анна Сергѣевна.

— Очень рада,—протянула гостю руку хозяйка.

— Мнѣ, сударыня, тоже весьма пріятно,—расшаркался тотъ,—съ вашимъ Петькой мы давнишніе и закадычные пріятели. Чего, чего мы только съ нимъ ни вытворяли въ пансіонѣ!

— Ну, я-то, положимъ, очень скромно себя велъ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Ты-то скромничалъ? Сударыня, вы не вѣрь-

те ему, такихъ добродѣтелей за нимъ не водилось,—смѣялся гость.

— Я и не вѣрю,—смѣялась хозяйка,—я давно уже замѣтила за нимъ слабость прикидываться скромникомъ.

— Не кладите пальца въ ротъ этому скромнику, откуситъ... хе-хе-хе!

— Всѣ мужчины таковы. Хотите чаю? Вина?

— Стаканъ чаю выпью, а вина не пью.

— Принесите чаю,—приказала хозяйка горничной.—Вы, вѣроятно, давно не видались съ моимъ Петей?

— Со школьной скамьи, сударыня.

— То-то онъ и былъ въ недоумѣніи относительно вашей фамиліи.

— Память у Петьки плоха... У меня она швахъ, а у него вдвое швахъ... А знаешь, что я тебѣ скажу? Смотря на твою супругу, я прихожу къ очень лестному для тебя заключенію: у тебя постоянство во вкусахъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, твоя жена блондинка и дочь содержателя нашего пансіона тоже была блондинка... Какъ ее звали, я забылъ... Варенькой? Машенькой?

— Дочери у него не было, а была племянница.

— А я тебѣ говорю, дочь. Родная дочь, а не племянница, Сашенькой, кажется, ее звали?

— И вовсе не Сашенькой и не Машенькой,

а Зиночкой. А Зиночка приходилась нашему гиппопотаму племянницей.

— Дочерью, Петька, ей Богу, дочерью. Ужасно ты всѣ событія перепутываешь.

— И за этою Зиночкой, конечно, мой мужъ ухаживалъ?—улыбаясь, спросила хозяйка.

— И какъ еще, сударыня.

— Я ухаживалъ за Зиночкой? Да ты угорѣлъ, братъ,— замахалъ на гостя руками хозяинъ.— Митька Прописевъ за ней ухаживалъ, а не я... Онъ и письма отъ нея получалъ, и читалъ намъ въ классѣ...

— Митька Прописевъ? Не помню такого.

— Вихрястый такой и съ оттопыренными ушами, говорилъ басомъ и брилъ перочиннымъ ножикомъ усы.

— Не было такого. Присочинилъ ты, Петька, Митьку. Ей-Богу присочинилъ... Хе-хе-хе... Быль молодцу не укоръ, мало ли что съ нами было.

— Все это прекрасно, но я положительно никакого отношенія не имѣлъ къ Зиночкѣ.

— Врешь! Врешь! Ну, зачѣмъ это, дружище, для чего? Страха ради іудейска, что ль? Или изъ излишней скромности?

— Я сама удивляюсь, для чего лгать,—проговорила хозяйка, смотря испытующимъ взглядомъ на мужа.—Что было, то было.

— Совершенно справедливо, сударыня,—подхватилъ гость,—вѣдь вы его за Зинку не повѣ-

сите? Да и не за что. До васъ все это было. Ахъ, Петька, Петька! Фарисей ты пузатый!

— Я увѣряю тебя, что ты все перепуталъ.

— Не увѣряй; у меня, братъ, всѣ событія въ календарѣ записаны... Въ слѣдующій разъ, какъ пріѣду въ Москву, непремѣнно тебѣ свой памятный календарь привезу.

— Да что мнѣ твой глупый календарь, когда я и такъ отлично помню все, что я дѣлалъ?

— Значитъ, не помнишь, когда Зинкѣ какого-то Митьку подсовываешь... Ты и переписывался съ ней, ты и въ саду съ ней цѣловался.

— Я цѣловался? Я? Какая нахальная ложь!— заерзалъ хозяинъ въ креслѣ.

— Ты. Я, братъ, не умѣю лгать. Да и что такого въ томъ, что ты двадцать лѣтъ тому назадъ цѣловалъ какую-то дѣвчонку? Не правда ли, сударыня?

— Разумѣется... Но онъ меня увѣрялъ всегда, что положительно никого до меня не цѣловалъ,— съ ноткой раздраженія проговорила хозяйка.

— Онъ никого не цѣловалъ? Ха-ха-ха! Петька! Дружище! Вотъ ужъ я никакъ не ожидалъ, что ты будешь такимъ универсальнымъ лгуномъ. У меня три жены было, и я всѣмъ говорилъ правду...

— Убирайся! — сердито крикнулъ хозяинъ.— Я тебѣ говорю, что за Зиной я не только не ухаживалъ, но даже и встрѣчалъ-то ее рѣдко...

— Этакой вѣдь онъ у васъ упрямецъ. Уперся, какъ быкъ въ стѣну, и съ мѣста сдвинуться не хочетъ. И колечко ты отъ Зинки, скажешь, не получалъ на память, а? Какъ сейчасъ помню, оно было съ двумя бирюзками.

— Съ двумя бирюзками?—вскрикнула хозяйка. — Да онъ его мнѣ подарилъ, увѣривъ меня, что оно принадлежало его покойной матери.

— Матушкѣ? Ха-ха-ха! Ахъ, разбойникъ, Петька! — раскатился гость, хлопая по колѣну хозяина.—Покойницу приплелъ. И откуда у тебя вдругъ такой сочинительскій талантъ? За сочиненія въ школѣ ты всегда получалъ двойки...

— И опять врешь. Всегда пятерки...

— Ты, пятерки? Ну, сударыня, тутъ что-нибудь одно: или я съ ума сошелъ, или онъ путаетъ.

— Я и не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ путаетъ,— разрѣшила недоумѣніе гостя хозяйка,— я теперь ему ничего не повѣрю. И долго у него продолжался романъ?

— Одну только весну... Ха-ха-ха!... Но за то съ Таничкой Ручкиной онъ тянулъ канитель года полтора...

— Съ Ручкиной? Шутъ знаетъ что такое!— всталъ съ кресла Петръ Васильевичъ.

— Кто же это была Ручкина? — дрожащимъ голосомъ спросила хозяйка.

— Да сестра товарища нашего, Мишки Ручкина... Хе-хе-хе!.. Ахъ, Петька, Петька! Вы не

глядите на него, что онъ теперь мокрою курицей смотритъ... Первый Донъ-Жуанъ въ нашей школѣ былъ...

— Я Донъ-Жуанъ? Всему, братъ, есть мѣра, твоему вранью тоже. Шутъ знаетъ, что на меня наплелъ!

— Петька! Петька!

— А ты Андрюшка! Ручкину вдругъ навязалъ! Да у насъ ни одного Ручкина не училось...

— Ну, вотъ, поѣхалъ! Мишка Ручкинъ не учился?

— Нѣтъ.

— Косой?

— Ни косого, ни кривого, ни прямого, никакого. У васъ въ Кіевѣ, видно, всѣ такъ «москаля» возятъ!..

— Петька, свинья ты этакая, не горячись! Ты вспомни хорошенько событія: еще этотъ Ручкинъ однажды нашему инспектору Карлу Федоровичу калоши гвоздями къ полу приколотилъ... Забылъ?

— И забывать тутъ нечего. У насъ никогда инспектора Карла Федоровича и не было... Былъ сперва Андрей Григорьичъ, а затѣмъ Никодимъ Аѳанасьевичъ.

— Никодимъ? Никакого Никодима не было... и ты отлично помнишь, что былъ Никодимъ?

— Еще бы! У меня до сихъ поръ его фотографическая карточка сохраняется.

— Странно... очень странно, знаешь... а директора... нашего... звали какъ?

— Лукьянъ Семенычъ.

— Лукьянъ? А... а... не Петръ Александровичъ?

— Позвольте, — хлопнулъ себя по лбу хозяинъ,—да вы... въ какой школѣ учились?

— Вербицкаго.

— А я въ пансіонѣ Кремнева.

— Странно, знаете, очень странно!—поднялся гость съ кресла, застегивая сюртукъ на всѣ пуговицы. — Какъ же это такъ вдругъ... однокашники, такъ сказать, и въ разныхъ школахъ... Позвольте, вы Петръ Ивановичъ Дубилинъ?

— Петръ Васильевичъ Семеновъ... квартира Дубилина напротивъ моей.

— О... о! Очевидно, я перепуталъ двери... Виноватъ!

— Все перепутали: и двери, и воспоминанія,— расхохотался хозяинъ,—нехорошо-съ!

У гостя вытянулось лицо.

Ночью.

— Ты гдѣ же былъ до сихъ поръ?—спрашивала Василья Еремеича Шатунова молодая жена Анна Власьевна, встрѣчая его со свѣчей въ передней.

— А что?—справился тотъ, стряхивая съ плечъ енотовую шубу.

— Да то. Три мѣсяца какъ на мнѣ женился и вдругъ пропадать началъ...

— Дурочка, ты пойми, дѣла вѣдь.

— Это ночью-то дѣла?

— А ты какъ бы воображала? У меня вонъ сейчасъ два покупателя изъ Суздаля... два пуда хрѣну тебѣ въ подарокъ привезли.

— Ахъ, какая сладость! Я бы за такую надсмѣшку прямо имъ въ глаза плюнула.

— Ничего ты не понимаешь, а трещишь. Да лучше суздальскаго хрѣну во всей Европѣ нѣтъ. Хватишь его, такъ глаза вонъ вылѣзутъ. Такой ароматъ, что безъ покойника заплачешь...

— Ну, и ѣшь его самъ...

— И буду есть. Они отъ души его мнѣ презентовали, товару купили, такъ могу ли я противъ ихъ свиньей быть? Понятно, долженъ былъ пригласить къ Тѣстову обѣдать...

— До двѣнадцатаго часу ночи и обѣдалъ?

— Время, Анюта, просто не видать...

— И за два пуда хрѣну обѣдомъ угощалъ?

— Ну да вѣдь ты развѣ что смыслишь въ коммерческомъ дѣлѣ? При чемъ тутъ хрѣнъ тутъ главное—расположеніе...

— Ужъ очень ты расположился не кстати къ трактирамъ-то! на одной недѣлѣ третій разъ до полуночи пропадаешь...

— И въ пятый пропадешь, ежели того коммерческія дѣла потребуютъ. Покупатель-то у насъ какой: ты ему товаръ предлагаешь, а онъ и глядѣть на него не хочетъ. «Ты, говоритъ, сперва свое расположеніе докажи, потомъ ужъ и товаръ показывай!»... Ничего не подѣлаешь! Онъ въ Москву-то попадетъ, все одно, что изъ клѣтки вырвется. Поймалъ его, огорошилъ бутылками, ну, и продавай что хочешь...

— Эти сказки то ты мнѣ не разсказывай. Просто тебѣ дома со мной скучно...

— Мнѣ скучно? Ахъ, Аннушка, какъ человѣкъ при выборѣ жены ошибиться можетъ: думалъ, что ты умная, анъ вышла дура...

— Смотрѣлъ бы раньше, что бралъ...

— И я про то же, говорю; мнѣ бы въ очкахъ тебя выбирать, а я безъ очковъ ѣздилъ.

— Да ты мнѣ зубы-то не заговаривай, они у меня не болятъ.

— Я тебѣ дѣло, душечка, говорю...

— И я тебѣ тоже, душечка, дѣло говорю.

Какъ только тебя въ девять часовъ дома нѣтъ, я сичасъ же ночевать къ мамашѣ уѣзжаю. Понялъ? Вотъ тебѣ и весь разговоръ!

Молодая вильнула хвостомъ капота и пошла въ спальню.

— Ну, вотъ, поди же ты!—разсуждалъ Шатуновъ, слѣдуя за женой: — думалъ, кроткаго характера и вдругъ такіе протесты! Нарочно такую выбиралъ, чтобъ тихая да смирная была, а она вонъ какая смирная-то!.. Полная ошибка вышла!

Шатуновъ вошелъ въ спальню, сѣлъ на стулъ и закурилъ папироску.

— Вы что же это долго намѣрены папиросы-то свои раскуривать?—разсерженно спросила молодая.

— А что?

— А то, что спать пора, гуляка ночной!

Шатуновъ посмотрѣлъ на жену и усмѣхнулся. Усмѣхнулась и молодая.

— Дуракъ!—проговорила она.

— Дура!—разсмѣялся тотъ.—Анюта, ну чего ты вдругъ разъершилась?

— Пріѣзжай домой во-время.

— Слушаю-съ. Вотъ спихну съ рукъ покупателей,—въ шесть часовъ домой являться стану. Довольны-съ? А теперь, сердитая вы наша супруга, разскажите вы намъ слѣдующее: какъ вы нонѣшній день провели...

— Обыкновенно какъ,—была у мамаши...

— Ну, что теща наша какъ? Здравствуетъ?

— Больна лежитъ...

— Да не можетъ быть?

— То-есть, почему же не можетъ быть?

— Да я вчера ее утромъ обогналъ, въ Охотный она въ полномъ здоровьѣ ѣхала...

— А вотъ какъ пріѣхала изъ Охотнаго такъ и свалилась...

— Вотъ те на! Да что съ ней такое?

— Сегодня докторъ былъ и сказалъ, что у ней модная болѣзнь инфлюэнція...

— Ну, это не опасно...

— Не опасно, а все мнѣ непріятно: и мамаша нездорова, и тебя до полночи нѣтъ...

— Постой! Хочешь, она завтра будетъ здорова?

— Конечно, хочу...

— Такъ ты, Анюта, вотъ что сдѣлай! Поѣзжай завтра утромъ къ ней, ее возьми съ собой и вези на Москву рѣку.

— Ну?

— Пролуби-то на Москвѣ рѣкѣ есть?

— Есть... Ну?

— Ну-и... только ты захвати съ собой мужчину... а ежели двоихъ, такъ и того лучше... пусть теща напередъ дворника съ кучеромъ къ пролуби пошлетъ...

— Ну, хорошо... пошлетъ... а потомъ что?

— А потомъ, какъ привезли тещу къ пролуби, скажи мужчинкамъ, чтобъ они взяли тещу за руки или за ноги, это все одно, и окунули бы ее хорошенько... черезъ часъ здорова будетъ!

— Это тебя, я вижу, надо окунуть, чтобъ изъ тебя трактирный угаръ вышелъ...

— Погоди ты свою волынку-то заводить...

— И я-то, дура, уши развѣсила, какъ путнаго его слушаю...

— Да постой! Я тебѣ дѣло говорю. На дняхъ, такой спасительный случай съ однимъ рыбникомъ вышелъ. Захворалъ онъ этой расплюенціей и пошелъ къ садкамъ рыбу отбирать. Закружилась у него голова, онъ въ садокъ-то и втюрился. Что жъ ты думаешь,—къ вечеру здоровъ былъ...

— Отстань съ своими глупостями...

— Не вѣришь? Ну, поѣзжай ты завтра къ Москворѣцкому мосту...

— Никуда я не поѣду и слушать твои глупые совѣты не намѣрена.

— Ну, и плевать! Пущай тогда хвораетъ, мнѣ отъ этого убытка никакого... а по-моему одинъ разъ окунуть ничего не стоитъ: не слиняетъ и не растаетъ, а облегченіе будетъ...

— Отстань!.. А ты, чѣмъ глупости-то разныя говорить, лучше бы домой пораньше пріѣзжалъ.

— Опять сначала? Да въ тебя ужъ не расплюенція-ль эта самая вселилась?

— Ничего въ меня не вселилось, а если ты такъ продолжать станешь,—къ мамашѣ ночевать ѣздить стану...

— Слышалъ я это. Зря только стращаешь, никуда не уѣдешь...

— Анъ уѣду! Вотъ, ей Богу, уѣду, попробуй

только къ девяти часамъ не пріѣхать. Какъ въ девять тебя нѣту — прощай!.. А то на что это похоже въ самомъ дѣлѣ: домъ большой, я одна, да тутъ Богъ знаетъ что могутъ со мной сдѣлать: и убьютъ, и зарѣжутъ, и обворуютъ.

— Да кто?

— Жулики, вотъ кто!..

— Какимъ же это манеромъ?

— Очень простымъ. Узнаютъ, что тебя нѣтъ, я одна, прислуга спитъ внизу, ну, и заберутся...

— Ну, а потомъ?

— А потомъ... дуракъ ты и больше ничего! Ложись лучше спать!

— Погоди, дай папироску докурить. «Жулики заберутся». Скажетъ же какую несообразность! Во-первыхъ у воротъ дворникъ...

— И постоянно онъ спитъ...

— Положимъ, что этотъ грѣхъ съ нимъ бываетъ, ну, да вѣдь не всегда же... во-вторыхъ — Жучка завсегда лаетъ...

— Твоей Жучкѣ скоро сто лѣтъ будетъ... до того ослѣпла, что на своихъ лаетъ, а къ чужимъ ласкается...

— Ну, вотъ, погоди, я новую дворняжку куплю.

— Пока ты собираешься собаку купить, меня разъ десять убить могутъ...

— Непремѣнно, такъ вотъ придутъ къ тебѣ и убьютъ... сладость въ тебѣ особенная...

— Да вотъ съ тобой послѣ Тѣстова развѣ

можно разговаривать? Ты вотъ послушалъ бы, какіе сегодня у мамаши страхи разсказывали, такъ давно бы десять собакъ купилъ и новаго дворника взялъ...

— Кто разсказывалъ?

— Сестрица Таня разсказывала...

— Пугали тебя, значитъ, чтобъ я домой прямо изъ лавки ѣздилъ?

— Просто случаи происшествій разсказывала. Два случая на дняхъ было.

— Ну?

— Ну, вотъ же вотъ, у сосѣдей ихнихъ первый случай приключился. Мужъ-то уѣхалъ въ Питеръ по дѣлу, а жена одна осталась. Сидитъ она вечеромъ у себя въ гостиной и слышитъ, какъ будто кто подъ диваномъ вздыхаетъ.

— А она на диванѣ сидѣла?

— На диванѣ. Ни жива, ни мертва сдѣлалась, потому слышитъ, что человѣкъ вздыхаетъ.

— Вотъ исторія-то! Кошка оказалась?

— Совсѣмъ не кошка...

— Ну, такъ мужъ!.. Это бываетъ съ нѣкоторыми: выпьетъ лишнее, залѣзетъ подъ диванъ, да и воображаетъ, что въ Питеръ ѣдетъ...

— А ты не ври впередъ. Поднялась она съ мѣста-то и пошла вонъ... а сама виду не показываетъ... идетъ и пѣсню поетъ... вышла въ переднюю и кличетъ прислугу... Сбѣжалась та, а подъ диваномъ-то здоровенный мужчина лежитъ и спитъ...

— Если не вретъ твоя Таня, значитъ правда.

— Она отъ роду не врала. А другой случай въ томъ же родѣ вышелъ. Пріѣхала барыня изъ театра, а мужъ-то съ пріятелями въ клубъ ужинать поѣхалъ. Идетъ она съ горничной въ гостиную, и видитъ, что изъ-подъ дивана ноги въ сапогахъ торчатъ. Барыня сичасъ горничной приказъ: позови, говоритъ, ко мнѣ кучера съ дворникомъ сичасъ, мнѣ баринъ велѣлъ имъ приказаніе отдать! Горничная ушла, а барыня какъ ни въ чемъ не бывало къ себѣ въ спальню прошла. Сидитъ тамъ, дожидается дворника съ кучеромъ и поетъ...

— И эта поетъ? Вѣрно онѣ вмѣстѣ въ консерваторіи обучались...

— Тебѣ хорошо смѣяться-то, когда вы все по трактирамъ шляетесь, а каково барынѣ было?

— Чѣмъ же эта исторія кончилась?

— А тѣмъ, что пришли мужики и выволокли гостя изъ-подъ дивана. Вотъ съ какимъ ножищемъ залѣзъ! И оказался онъ пріятелемъ горничной. Хорошо еще, что барыня ноги увидала, а то укокошилъ бы ее на смерть...

— Смерти бы ей не миновать, это вѣрно! — разсмѣялся тотъ: — однако мнѣ съ твоихъ исторій спать захотѣлось...

— Ложись. Только меня Таня такъ этими жуликами напугала, что ежели бъ ты черезъ полчаса не пріѣхалъ, я къ мамашѣ бы уѣхала...

— Ужасная глупость. Одна баба наврала, а

другая въ сурьезъ приняла... Бываютъ, конечно, и такіе случаи, но рѣдко. Да попробуй ко мнѣ кто затесаться, я изъ него и дровъ и лучинъ нащеплю... Плюнь на эти анекдоты, Анюта, и ложись...

— Лечь то я лягу, только не лучше ли, Васенька, намъ спальню на ключъ запереть...

— Да будетъ тебѣ ахинею-то городить! У воротъ дворникъ, на дворѣ собаки... ложись, знай!..

— Загляни хоть подъ кровать-то, не лежитъ ли тамъ кто!

— Тьфу! Эта твоя Таня всю теперь мнѣ коммерцію испортила! Напугаютъ другъ друга и начнутъ мужей дома на замокъ запирать... Ложись и спи!.. Я тебя умной считалъ, и вдругъ такая глупость!..

Василій Еремѣичъ улегся спать, повернулся на бокъ, фукнулъ на свѣчку и закрылъ глаза. Въ спальнѣ воцарился полумракъ, въ которомъ, какъ звѣздочка въ небосклонѣ, потонула слабо мерцавшая лампадка, съ догоравшимъ фитилемъ. Василій Еремѣичъ открылъ на секунду глаза, посмотрѣлъ сонно на неясные контуры комода и снова закрылъ глаза.

«И выдумаютъ же бабы какую исторію, — проносилось у него въ цѣпенѣвшемъ мозгу: — жуликъ залѣзетъ! Да какъ онъ залѣзетъ! Кто его пуститъ? Ну, придетъ допустимъ, увидитъ, что лежитъ мужчина, и сичасъ же убѣжитъ! Дуры

бабы! Ужасныя дуры! То-есть, такихъ дуръ, я думаю, и въ Турціи нѣтъ... а почему въ Турціи бабы дуры? А? А шутъ ихъ знаетъ почему...? Ну, ихъ всѣхъ къ домовому... спать хочу!»

Василій Еремѣичъ чмокнулъ сладко губами и пустилъ легкій храпъ съ баритоннымъ оттѣнкомъ. Прошло нѣсколько минутъ. Василій Еремѣичъ, однако, проснулся отъ сильнаго толчка въ бокъ.

— А? что?—прохрипѣлъ онъ.

— Тише, Вася, ради Бога тише! — шептала жена дрожащимъ голосомъ:—подъ постелью кто-то ворочается...

— Кто тамъ ворочается?

— Тише, тебѣ говорятъ, дуракъ ты этакій. Говорили тебѣ давича посмотрѣть, не хотѣлъ, анъ вотъ теперь тамъ жулуки.

— Да съ чего ты взяла?—зашепталъ тотъ, невольно подчиняясь страху:—развѣ слышала что?

— Слышала, голубчикъ; проснулась я отъ страшнаго сна и вдругъ слышу, какъ кто-то повернулся внизу, батюшки мои, вытащитъ онъ сичасъ ножъ и пырнетъ насъ обоихъ...

— Постой, можетъ, кошка?

— Ни одной кошки и въ заводѣ у насъ нѣту... Ты вспомни хорошенечко...

— И то нѣту... Да, можетъ, ты ошиблась? А?

— А вотъ послушай самъ... Послушай!

Супруги затаили дыханіе и стали прислушиваться. Не прошло и минуты, какъ подъ кроватью что-то зашумѣло и крякнуло.

— Лѣзетъ! Ей Богу, Васинька, лѣзетъ! — залепетала супруга: — ой, убьетъ! Ой, смерть моя пришла!

— Постой, глупая! — трясся, какъ въ лихорадкѣ, Шатуновъ: — и когда-то онъ залѣзть успѣлъ... Постой, я кашляну, все-таки будетъ знать, что мы не спимъ... Кхм! кхм!

— Что? Не лѣзетъ?

— Притихъ... Знаешь что, Анюточка, я кашлять буду, а ты бѣги прислугу звать....

— Ни за что! Ни за что не пойду! А можетъ, у него въ гостиной товарищи дожидаются... Ты самъ пойди...

— Пошелъ бы, да чувствую, что онъ подо мной лежитъ... Какъ я только на полъ, онъ меня сичасъ—рразъ... Анюта! Ежели ты меня любишь, ступай пожалуйста...

— Вася, голубчикъ, вѣдь ты какъ клялся мнѣ въ любви... Ай, ворочается!..

— Ворочается и то... Батюшки мои, зажегъ бы я свѣчку, да спички теперь не найду...

— Пе зажигай! Онъ можетъ только этого и дожидается... Въ темнотѣ-то лучше съ нимъ справиться... начнетъ ножемъ пырять, а ты его сичасъ за руки...

— Вотъ дура-то! Хорошо, ежели онъ съ твоей стороны вылѣзетъ и тебя убивать будетъ, а какъ за меня примется...

— Такъ ты хочешь, чтобъ онъ меня убилъ! Вотъ она, твоя любовь-то, какая...

— Ничего я не желаю, а только ежели онъ съ твоей стороны вылѣзетъ, мнѣ сподручнѣй его ловить будетъ!

— Что ты орешь-то, что ты орешь-то, дуракъ этакій! Услышитъ онъ и вылѣзетъ съ моей стороны... Я это предчувствовала, что ты меня подъ убой подведешь... Мамаша! Милая! И зачѣмъ вы меня за такого жестокаго дурака замужъ выдали!

— Постой! Не хнычь, пожалуста... Вѣдь не убили еще... Опять заворочался, слышишь?

— Слышу! Господи! Что жъ это будетъ теперь со мной?

— Кхм!.. Кхм!.. Анюта... знаешь, будемъ лежать и прислугу звать...

— Спятъ теперь всѣ, не добудишься... ахъ, батюшки!... Мамашенька, голубушка, не увижу я тебя теперь!

— Постой! Я ему сичасъ крикну...

— Не кричи, сдѣлай милость, — сичасъ ножемъ пырнетъ...

— Не всю же ночь на жуликѣ сидѣть, дура!.. Фу, меня инда въ дрожь!.. Кхм! Эй, ты... господинъ жуликъ! У меня, братъ, подъ подушкой левольверъ... Слышишь?

— Васенька, онъ притаился... не боится онъ твоего пистолета...

— Давай прислугу орать, Семе-е-енъ...

— Ари-и-ина!..

— Семе-е-енъ! — завопили супруги благимъ матомъ,—никого! Спятъ бестіи!

— Ихъ теперь пушкой не разбудишь... Васенька, опять шевелится!.. Лѣзетъ! Ой, лѣзетъ!..

Шатуновъ, какъ ошпаренный сорвался съ постели, зацѣпился за коверъ и грохнулся на полъ.

— Караулъ, смерть моя!—завопила супруга.

— Се-еменъ! Се-еменъ! — оралъ хозяинъ, съ перепуга шаря дверь по стульямъ:—стой, спички!

Спальня освѣтилась. Василій Еремѣичъ зажегъ прыгавшей рукой свѣчку и осмотрѣлся.

— Анюта... никого нѣтъ...

— А подъ кроватью-то... подъ кроватью-то...

— Эй ты... вылѣзай... господинъ жуликъ!

Василій Еремѣичъ нагнулся подъ кроватъ и плюнулъ.

— Ахъ, шельма!—выругался онъ:—убѣжалъ!..

— Кто? Жуликъ?

— Какой тамъ къ лѣшему жуликъ... мышенокъ сичасъ изъ моего сапога юркнулъ... тьфу!..

Супруги уставились другъ на друга и, тяжело дыша отъ испуга и волненія, захлопали глазами...

Картинки съ натуры.

Только-что пришелъ утренній поѣздъ Рязанской желѣзной дороги и вывалилъ всѣхъ пассажировъ на платформы. Пассажиры, толкаясь и спѣша, выходили въ двери вокзала, и, какъ муравьи, расползались по Москвѣ. Изъ воротъ вокзала вышла среднихъ лѣтъ баба, въ дубленкѣ, лаптяхъ и пестромъ шерстяномъ платкѣ. Поглядѣла она направо, налѣво и остановилась въ нерѣшительности. Мимо нея шла публика и торговалась на ходу съ извозчиками.

— Баринъ, а баринъ! Сдѣлай Божескую милость! — обратилась она къ шедшему господину въ цилиндрѣ, — прочти ты мнѣ адресъ...

— Какой тамъ еще адресъ? — остановился тотъ съ неудовольствіемъ.

— Мужнинъ... Прохора, стало-быть, мово... въ Москвѣ-то я впервой, касатикъ, ну, и не знаю ево адресу-то... — говорила баба, вытаскивая изъ-за пазухи засаленный лоскутокъ бумажки, — пишетъ: пріѣзжай, нездоровъ дюже.... и самъ-

то онъ первый годъ только въ Москву пошелъ... въ дворникахъ, стало-быть, служитъ... у купца..

— По-окровка, домъ купца Пустошкина,— прочиталъ баринъ.

— Такъ, такъ... И писарь волостной такъ мнѣ сказывалъ: на Мохровкѣ, гытъ, твой мужъ живетъ...

— Не на Мохровкѣ, а на Покровкѣ... Поняла? На По-окро-вкѣ... Праздникъ такой есть: Покровъ... Знаешь?

— Знаю, касатикъ мой, знаю... сичасъ Успленье... Рисположеніе...

— Ну, вотъ...

— А игдѣ-жъ эта вулица-то будетъ?.. Укажи ты мнѣ, бабѣ глу-упа-а-ай...

— А вотъ иди сейчасъ подъ мостъ... Видишь мостъ-то?

— Вижу, касатикъ, вижу... Рѣчка-то, стало-быть, пересохла...

— А, дура! Никакой тутъ рѣчки никогда не бывало! Такъ, слушай: пройдешь подъ мостъ, и все держи влѣво... все влѣво держи, дойдешь до Красныхъ воротъ... большія такія красныя ворота...

— Купеческія, значитъ, касатикъ...

— Да, не купеческія, а... казенныя... придешь къ нимъ, и сейчасъ отъ нихъ влѣво по Садовой, Поняла?

— Поняла, касатикъ, поняла...

— Ну, вотъ... Пойдешь по Садовой и придешь къ перекрестку... Поняла?

— Поняла, касатикъ, и вотъ какъ поняла...

— Ну, а перекрестокъ этотъ Покровка самая и есть... тамъ спросишь у городового, гдѣ домъ купца Пустошкина... Поняла?

— Поняла... все значитъ влѣво, все влѣво, и вдругъ тебѣ сичасъ городовой...

— Да не городовой, ду-ура, а перекрестокъ... ну, тамъ и спросишь!..

— Спасибо тебѣ, родной, научилъ ты меня, бабу глупую... вѣдь я здѣсь все одно, что въ темномъ лѣсу... ни тебѣ вправо взять, ни тебѣ влѣво...

Баринъ зашагалъ въ свою сторону, баба, сунувъ записку за пазуху, побрела къ мосту.

Черезъ полчаса баба стояла у Мясницкихъ воротъ и спрашивала у какого-то полушубка.

— Касатикъ, скажи ты мнѣ сдѣлай милость, игдѣ у васъ тутъ Желтыя ворота?

Полушубокъ посмотрѣлъ на бабу и сплюнулъ.

— Рязанская?—спросилъ онъ ее серьезно.

— Рязанская, касатикъ... Рязанская... шешнадцать верстъ мы отъ Рязани...

— Сичасъ видать, что дура... Желтыя ворота тебѣ нужно?

— Желтыя, касатикъ... желтыя...

— Вотъ желтыхъ-то и нѣтъ... Красныя ворота не хочешь-ли?

— Тьфу! Дура я безпамятная! Красныя, милый, мнѣ и нужны... покажи, сдѣлай милость...

— Поверни затылокъ и лупи прямо... все прямо, а тамъ вправо забери... Поняла?

— Поняла, касатикъ, спасибо тебѣ на указаніи... впервой я въ Москвѣ-то, такъ все одно, что въ темномъ лѣсу... ну, городъ! Совсѣмъ даже и на Рязань не схожъ... и какъ я только вороты-то прошла? Баринъ какъ сказалъ: забирай лѣвѣй, все лѣвѣй забирай...

Бормочетъ баба и все лѣвѣй забираетъ: забирала, забирала, да къ Сухаревой башнѣ и попала...

— Вотъ они, вороты-то! — обрадовалась баба и стала городового высматривать... Видитъ баба, ходитъ кавалеръ и все извозчиковъ «пужаетъ»...

— Безпремѣнно это самое казенное начальство и есть! — рѣшила она и подошла, кланяясь, къ городовому:

— Касатикъ, укажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

— По какому дѣлу! — съежилъ тотъ начальственно брови.

— Андресъ вотъ тутъ! — полѣзла баба за пазуху и достала бумажку: — мужа ищу, родимый... тутъ и вулица прописана и домъ...

Городовой прочиталъ «андресъ», повернулъ бабу затылкомъ къ Сухаревкѣ и сказалъ:

— Прямо ступай! Все прямо, тетка, иди... пройдешь Красныя ворота, чеши по Садовой...

Какъ къ перекрестку придешь, тутъ тебѣ и Покровка будетъ...

Поклонилась баба городовому и поплелась... Идетъ баба и думаетъ: «Господи! Хушь-бы поскорѣй мнѣ свово Прохора-то найтить...» Идетъ баба и видитъ: направо деревья, и налѣво деревья... Садовая, значитъ!—соображаетъ и лупитъ прямо безъ всякаго сумленія... только вдругъ видитъ мостъ...

«Ровно бы про мостъ-отъ мнѣ говорено не было?» призадумалась она и остановила какую-то барыню.

— Барыня! Милая! Скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, какой сичасъ эвто мостъ будетъ?

— Высокій, голубушка, а что?

— Да андресъ вотъ тутъ у меня... Господи! Царица небесная! Куды же я его дѣвала? Ай, горе мое горькое! Обронила я андресъ-то, родимая!.. Какъ же я теперича Прохора-то свово сыщу! Барыня, голубь сизокрылый! Укажи ты ты мнѣ, игдѣ Прохоръ-отъ мой живетъ?

Сжалилась барыня надъ бабой и остановилась.

— Какъ же это ты адресъ-то потеряла?

— И не знаю, и не вѣдаю! Ахъ, грѣхи мои тяжкіе!.. Ну, что я теперича дѣлать-то буду?

— Постой, ты не помнишь, на какой улицѣ твой Прохоръ-то живетъ...

— Вулица-то! Какъ ее... ахъ, ты память моя постылая!.. Всю какъ есть дома свекры выко-

лотили!.. Дай Богъ памяти... праздникъ еще такой есть... большой праздникъ касатка!..

— Рождество? Не Рождественка-ли?..

— Она!.. Она!.. Ай, не она? Нѣтъ, касатка, совсѣмъ другая вулица... большой праздникъ такой есть...

— Погоди! — пустилась догадываться добрая барыня:—не Воздвиженка-ли? Или Знаменка?

— Знаменка, касатка моя, Знаменка и есть!.. И какъ это я позабыть могла? Ахъ, ты Господи!.. Знаменка, это точно что... написать бы мнѣ вулицу-то, а то сызнова забуду...

— А домъ-то помнишь чей?

— Домъ Кубышкинъ будетъ, это я запомнила... Кубышкинъ домъ, касатка... разскажи ты мнѣ потолковѣе, какъ попасть-то на Знаменку-то...

Толковала, толковала барыня бабѣ и ушла. Пошла моя баба искать своего Прохора на Знаменку. Дорогой попала на Петровку, побывала въ двухъ-трехъ Успенскихъ переулкахъ и только къ вечерни попала на Знаменку... и тутъ радости мало: у кого не спроситъ, нѣтъ дома Кубышкина... даже схожаго ничего... взвыла баба и руками объ полы ударила.

— Ну, и Москва же ваша прокаженная! Пропасть въ ей каждому человѣку можно!..

Черезъ часъ она шла по какому-то переулку и крестилась на главы церкви.

— Касатикъ! Родимый! Не у васъ ли тутъ

домъ Кадушкинъ находится?—остановилась она у щеголеватаго дворника, сидѣвшаго у воротъ.

— Это вамъ, мадамъ, для чего-же-съ?—скосилъ тотъ глаза.

— Мужа ищу, родной...

— Настоящаго, стало-быть, али такъ?

Плюнула баба и пошла дальше. Спросила у другого, а тотъ, не говоря худого слова:

— Пойдемъ,—говоритъ,—парочку пивца разопьемъ! Меня Никаноромъ зовутъ, такъ все значитъ, едино... въ одинъ день съ твоимъ Прохоромъ именинники...

Спросила баба у третьяго и возрадовалась.

— Кадушкина! Не Подушкина ли домъ?—спрашиваетъ дворникъ бабу.

— Подушкинъ, милый, Подушкинъ!—ухватилась баба, радостно взвизгивая.

— Насупротивъ иди! Вонъ, видишь тулупъ сидитъ!..

Перешла баба, не чуя ногъ, улицу и прямо къ тулупу.

— Касатикъ! Не у васъ ли мой мужъ живетъ въ дворникахъ? Прохоромъ его звать...

— Такого у насъ нѣту...

— Есть, голубь, есть!.. Занедужилъ онъ съ недѣлю тому...

— Вотъ, дура, говорятъ тебѣ, что Прохора нѣту!.. Ежели хочешь, я тебѣ сичасъ Семена вышлю...

Потопталась баба у воротъ, махнула рукой, и пошла дальше искать своего Прохора.

Поздно ночью, въ глухой улицѣ, баба сидѣла на тумбѣ и причитала: «Прохоръ! Касатикъ! Да куды же ты провалился-то!.. Подкосились мои ноженьки, опустились рученки! Вся душенька моя запеклась отъ устали!.. Прохоръ! Голубчикъ! Слышишь ли ты свою бабу глупую?!»

Въ отвѣтъ глупой бабѣ несся съ купеческаго двора лай откормленныхъ собакъ, да густой храпъ дежурнаго дворника, прикурнувшаго въ тепломъ тулупѣ на крыльцѣ своего хозяина.

Котенокъ.

— А не могу ли я попросить васъ, добрѣйшій мой, потѣсниться немножко?

Съ такими словами обратился ко мнѣ внушительныхъ размѣровъ толстякъ лѣтъ шестидесяти, съ великолѣпною дубинкой въ рукахъ, вмѣсто палки.

Дѣло было подъ вечеръ. Я сидѣлъ на бульварѣ и глазѣлъ на сновавшую мимо меня публику, выползавшую послѣ зимней спячки на свѣжій воздухъ провѣтрить и себя и свои весенніе костюмы.

Я «потѣснился», прижавшись къ какому-то сѣропѣгому франтику въ ярко-желтыхъ перчаткахъ, и далъ мѣсто толстяку.

Толстякъ усѣлся, процѣдивъ сквозь зубы «мерси», и, затѣмъ, снявъ свой котелокъ, тщательно вытеръ вспотѣвшую лысину платкомъ.

— Жарко-съ!—какъ будто извиняясь передо мной въ своихъ дѣйствіяхъ, проговорилъ онъ.

— Тепло,—отвѣтилъ я,—весна стоитъ превосходная...

— Май, настоящій май!—покрылъ сосѣдъ голову, повертываясь ко мнѣ.—Публика-то какъ теплу обрадовалась, всѣ точно тараканы изъ-за печки выползли... хе-хе-хе... пріятно, знаете, подышать чистымъ воздухомъ... фу-у!

Толстякъ вобралъ въ себя воздухъ и фукнулъ отъ полноты блаженства.

— Курите? – справился онъ у меня, наклоняя голову на плечо.

— Курю.

— Одолжите, добрѣйшій мой, спичку... Надѣлъ, понимаете ли, весеннее пальто и забылъ положить въ карманъ спички...

Толстякъ закурилъ сигаретку, помахалъ на себя рукой дымокъ, потянулъ его носомъ и, видимо, оставшись довольнымъ ароматомъ сигаретки, принялся разсматривать сидѣвшихъ на нашей скамейкѣ: сѣропѣгаго франта, пожилую барыню съ прелестною собаченкой на рукахъ, студента, разсказывавшаго, вѣроятно, очень смѣшные анекдоты барышнѣ съ полнымъ, глуповатымъ лицомъ, отъ которыхъ барышня визжала чуть не на весь бульваръ, и гимназиста съ отчаянно закрученными усами.

— Любопытный экземпляръ! — проговорилъ онъ, кивнувъ головой на барыню съ собачкой.

— Да, собачка интересная,—согласился я.

— Я про барыню говорю, добрѣйшій мой, а не про собачку. Старая дѣва или вдовица бездѣтная...

— Вы думаете?

— Увѣренъ-съ. Женщина, у которой дѣти есть, не потащитъ собаченку на бульваръ прогуливать. По обращенію же сей дамы съ собачкой убѣжденъ даже, что оная дама—старая дѣвица. Видите, какихъ она сентиментовъ на тварь напутала: и бантиковъ, и ленточекъ, и ошейничковъ... На такіе сентименты способны лишь старыя дѣвицы изъ бывшихъ институтокъ. Смотрите, съ какою нѣжностью она гладитъ и ласкаетъ собаченку, съ какою чисто институтскою заботливостью прикрываетъ ее платкомъ... просто, по-моему, это глупо!

— Блаженъ, иже и скоты милуетъ...

— Блаженъ-то, блаженъ, да только не всякаго скота можно миловать... по опыту говорю, добрѣйшій мой... да-съ! Ты думаешь такъ: тварь безсловесная, какъ не пригрѣть, анъ, глядь, эта тварь послѣ тебѣ такого натворитъ, что ты всю жизнь ее будешь помнить... Вы охотникъ до собакъ?

— Нѣтъ.

— А до кошекъ?

— И къ кошкамъ охоты не имѣю.

— И хорошо, добрѣйшій мой, дѣлаете!.. Со мной въ молодости какой кошачій инцидентъ приключился... Если у васъ есть время, разскажу съ удовольствіемъ.

— Очень буду радъ.

— Знаете, подъ старость невольно дѣлаешься

болтливымъ. Интересовъ-то прежнихъ, чѣмъ въ молодости жилъ, нѣтъ, ну, и болтаешь, чтобы какъ-нибудь да время убить...

Толстякъ затянулся, снялъ осторожно съ сигаретки пепелъ и облокотился на спинку скамейки.

— Тридцать пять лѣтъ тому назадъ,—началъ онъ,—мнѣ было не болѣе и не менѣе, какъ ровно двадцать три года. Жилъ я въ то время въ губернскомъ городѣ N-скѣ, въ качествѣ конторщика у богатаго купца Сивухина, и былъ, что называется, на самой крышѣ блаженства по слѣдующимъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, хозяинъ мой простой, но справедливый въ высшей степени человѣкъ, цѣнилъ мои труды по достоинству,—черта, если вы не знакомы съ купеческимъ міромъ,—въ купцѣ, даже и въ нынѣшнее, цивилизованное время, весьма рѣдкая; во-вторыхъ, его дочка, черноглазая Глашенька, была очень неравнодушна и къ моимъ комплиментамъ, и къ моему нѣжно-голубого цвѣта галстуку. Барышня она была, хотя по уму и недалекая, но съ большимъ характеромъ. На ухаживанья нашихъ губернскихъ модниковъ она мало обращала вниманія, но отъ моихъ комплиментовъ при встрѣчахъ таяла и огнемъ пылала; а встрѣчался съ ней я на дню разъ по десяти, невзирая на то, что жилъ на отдѣльной квартирѣ. Про меня же и говорить нечего: влюбленъ былъ въ сію дѣвицу такъ, какъ только могутъ влюбляться двад-

цатитрехлѣтніе юнцы: и ночи не спалъ, все мечтая о ней, и стишки кропалъ нескладные, но весьма пылкіе, и въ книгахъ хозяйскихъ, вмѣсто «продано сто пудовъ шерсти», писалъ: «Глаша, ангелъ дорогой, унесла ты мой покой»... Словомъ, платилъ дань молодости и ходилъ дуракъ-дуракомъ... Объяснить же ей мои чувства робость проклятая препятствовала. Чувствуешь самъ, что не противенъ ей и говоритъ со мной она охотнѣе, чѣмъ съ другими, и ватрушку сунетъ въ карманъ, и галстукъ тебѣ перевяжетъ, а сказать насчетъ любви слово языкъ не поворачивается... Рѣшишься иной разъ, возьмешь ее за руку и скажешь: «Глафира Андреевна!» Она сейчасъ: «Что вы, Сергѣй Петровичъ?» И глазищи свои бархатные въ тебя уставитъ... Посмотришь, посмотришь на нее да и выпалишь: «До свиданья-съ!»... Хочешь сказать «будьте моей женой», а выходитъ и самъ не знаешь что! Относительно согласія Сивухина я не сомнѣвался: онъ сколько разъ при мнѣ моему идолу говорилъ: «Глафира! выбирай себѣ мужа по сердцу, чтобы на совѣсть былъ, а я препятствовать не стану!..» Только вотъ ей-то я никакъ не могъ настоящаго слова сказать, робость эта, я такъ думаю, отъ моего сиротства ко мнѣ привязалась; еще и семи лѣтъ мнѣ не было, какъ умерли мои родители холерой, и пошелъ я съ этихъ поръ по чужимъ угламъ тыкаться, да всякіе подзатыльники, да побои переносить. Хорошо-съ! Такъ у насъ амуры

и тянулись цѣлыхъ два года: я Глашенькѣ ручку пожму, да комплиментъ скажу, а она мнѣ галстукъ перевяжетъ, да что-нибудь съѣдобное сунетъ... Только разъ иду я съ квартиры на службу, мечтая о Глашенькѣ, смотрю, народъ столпился. Происшествіе, знаете ли, особой важности случилось: ѣхалъ мужикъ по улицѣ, въ телѣгѣ, а у него ось возьми, да и переломись пополамъ. Мужичку-то горе, а публикѣ удовольствіе, все-таки даровое развлеченіе. Остановился и я. Нельзя, народъ стоитъ, какъ же тебѣ не остановиться! Стою и смотрю, какъ мужикъ ось связываетъ. Только вдругъ слышу, что кто-то около моихъ ногъ трется. Нагнулся—котенокъ! Самъ весь черненькій, а мордочка и самыя ступни ногъ бѣленькія. Трется онъ возлѣ меня, хвостъ этакъ пушистый, трубой, и мяукаетъ. Взялъ его на руки, мурлычетъ и руки лижетъ. Спрашиваю у публики: господа, чей котенокъ?.. Молчатъ, только одинъ мастеровой для смѣху заявилъ, что котенокъ этотъ «должно-быть кошкинъ».

Понесъ я этого котенка съ собой, иду, а самъ думаю: «Подарю я этого котенка Глашенькѣ, у ней никогда такого красавца не было!..»

Принесъ и прямо къ ней: «Позвольте, говорю, вамъ сюрпризъ преподнести...»

Она его сейчасъ на руки и цѣловать принялась: «ахъ какой душка! Ахъ, какой красавецъ!..» И молока-то ему подъ носъ суетъ, и говядину...

котенокъ мой просто ошалѣлъ отъ такого гостепріимства...

Отправился я въ контору и засѣлъ за свои «дебеты» съ «кредитами». Пишу, а самъ мечтаю: «Непремѣнно сегодня же объяснюсь ей въ любви... будь, что будетъ... начну какъ-нибудь съ котенка, что вотъ, молъ, онъ сирота и я сирота... одного сироту вы пригрѣли, пригрѣйте и другого...»

Мечтаю это я и не вижу, что въ контору самъ влетѣлъ. Посмотрѣлъ я на него, да такъ и сѣлъ на стулъ, лица просто на хозяинѣ нѣтъ... Губы трясутся, руки трясутся, а глаза словно бѣлки въ колесѣ прыгаютъ.

— Разбойникъ,—кричитъ,—что ты со мной сдѣлалъ?!

Я ни живъ, ни мертвъ сижу. Ничего не понимаю. Вижу, что онъ на меня съ кулаками лѣзетъ, а за что понять не могу.

— Гдѣ ты взялъ котенка? Гдѣ?

— На улицѣ, поймалъ-съ...

— Вонъ! Сію минуту вонъ! Съ глазъ моихъ долой! Или я тебѣ всю голову размозжу!..

Вылетѣлъ я изъ конторы, какъ дуракъ, надѣлъ, понимаете-ли, картузъ и сѣлъ у воротъ. Господи, думаю, ужъ не пришелъ ли хозяинъ котенка, да не отколотилъ ли сгоряча моего хозяина?.. Все можетъ случиться, погорячились да и подрались. Смотрю, къ воротамъ кухарка Маланья бѣжитъ. Я къ ней.

— Маланьюшка,—говорю,—разъясни ты мнѣ,

ради Создателя, въ чемъ я передъ хозяиномъ провинился.—А она мнѣ изъ фартука котенка суетъ да рукой машетъ.

— Уходи, покеда цѣлъ, всѣ кости тебѣ переломаетъ.

Сунула мнѣ котенка, да и была такова. Взялъ я котенка, сударь ты мой, и пошелъ домой.

«Завтра же все объяснится», думаю.

И дѣйствительно, объяснилось. На другой же день, утромъ, прислалъ мнѣ Сивухинъ съ приказчикомъ расчетъ и строгій наказъ, чтобъ я ему ни въ вѣки вѣковъ на глаза не попадался.

Вышла же такая оказія: играла это Глашенька съ котенкомъ на всѣ лады да сдуру и вздумай пощекотать его брюшко своимъ носомъ. Видали, можетъ-быть, какъ матери съ своими маленькими дѣтьми возятся? Положатъ ребенка на подушку и спрячутъ свое лицо у него на грудкѣ; ребенку это кажется забавно, онъ и начнетъ смѣяться, да своими рученками путать волоса у матери. А котенокъ мой отъ такой щекотки сталъ царапать лапками лицо у Глашеньки, да лѣвый глазъ и ободралъ по глупости. Навѣки, можно сказать, изуродовалъ. Пять докторовъ было, а глазъ спасти не могли. Окривѣла!

Можете вы представить мое положеніе: и любимую дѣвушку, и мѣсто хорошее—все сразу потерялъ. Цѣлую недѣлю изъ дому не выходилъ. Тоска одолѣла. А котенокъ мой, какъ ни въ чемъ не бывало, такіе курбеты для моего раз-

влеченія выкидываетъ, что, кажется, мертвый, и тотъ бы расхохотался.

Выбросилъ я его за дверь—всю ночь промяукалъ. Жалко стало, впустилъ. Ну, чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, думаю, тварь виновата, что съ ней большая дура вздумала играть по-дурацки?

И кухарка моя тоже самое твердитъ: «Съ животной надо умѣючи обращаться, а котенокъ животная рѣзвая, за нимъ гляди, да гляди».

И дѣйствительно: началъ мой котенокъ бѣдокурить. На столъ влетитъ—чашка долой летитъ; въ кухню попадетъ—у кухарки либо супъ, либо молоко прольетъ. Я его за уши оттреплю, кухарка хворостиной отваляетъ—съ него все какъ съ гуся вода. Ты только его отстегалъ, а онъ, смотришь, поскакалъ за какой-нибудь мушкой и трескъ поднялъ... либо чашка, либо тарелка въ дребезги.

Отдалъ я его одному мужику въ деревню, такъ что вы думаете? Черезъ двое сутокъ домой прибѣжалъ. Слышу, ночью мяучитъ. Отворилъ дверь, глядь—мой котенокъ. Худой, да голодный, такъ все съ жадностью и хватаетъ. Напился, наѣлся и пошелъ опять посуду колотить.

Поступилъ я на другое мѣсто. Любовь же свою изъ головы вонъ выкинулъ, потому ни самъ Сивухинъ, ни Глашенька и видѣть меня не пожелали, опротивилъ я имъ обоимъ черезъ котенка. А котенокъ мой чѣмъ дальше, тѣмъ хуже сталъ дѣлаться. Поменьше былъ, такъ у

меня бѣдокурилъ, а подросъ и сосѣдямъ сталъ давать себя знать. Каждый Божій день непріятности. Придешь домой—сосѣдка, жена чиновника, ругаться пришла. Сыну, вишь, ее мой котенокъ до крови руку расцарапалъ. Моя кухарка сейчасъ котенка розгой. А онъ на другой день къ архитектору въ погребъ залѣзъ и всю сметану съѣлъ.

— Занеси ты его, Маланья, говорю, куда-нибудь подальше, а то просто отъ него ни минуты покоя нѣтъ.

— Занести-то, говоритъ, я его занесу, только вѣдь онъ, каторжный, опять прибѣжитъ...

— А ты его подальше куда-нибудь... да глаза-то ему завяжи, вотъ онъ и не найдетъ.

Хорошо, занесла за городъ на огороды и огородниковымъ дѣтямъ подарила.

Прихожу я домой, а Маланьи еще нѣтъ. Только вижу, идетъ довольная такая.

— Ну,—говоритъ,—сбыла, теперича не придетъ ни во вѣки вѣковъ.

Разсказала все мнѣ какъ слѣдуетъ и пошла въ кухню обѣдать мнѣ собирать. Только слышу вдругъ голосъ Маланьи: «Ахъ, проклятущій! Да ты здѣсь?!»

Выскочилъ я въ кухню, а мой сиротинка сидитъ въ кухнѣ на окнѣ и облизывается.

Что ты съ нимъ станешь дѣлать? Плюнули и покорились...

А на другой день забрался онъ черезъ улицу

къ купцу одному и двухъ канареекъ придушилъ. Купецъ меня чуть-чуть было не убилъ за это.

А чѣмъ я виноватъ, позвольте васъ спросить? Котенокъ живетъ у меня,—это вѣрно, но живетъ насильно, потому никакъ я отъ него избавиться не могу... а убить его — руки не поднимаются, пускай ужъ кто-нибудь другой его укокошитъ, только не я!.. А другимъ-то онъ, сударь ты мой, и въ руки ни за что не дастся... такая продувная бестія была, что всѣ удивлялись даже... ужъ какъ его стерегли, да ловили, – ничего изъ этого не выходило... и кипяткомъ-то его ошпарили, и ногу такъ подбили, что онъ на трехъ сталъ скакать, а все въ руки не попадался...

Каждый день меня ходятъ ругать обыватели за его проказы, котенка поймать не могутъ. Опротивѣлъ онъ мнѣ хуже горькой рѣдьки, швырнешь въ него чѣмъ ни попало, забьется въ уголъ или подъ кровать, ни гу-гу... только изъ комнаты, глядь, что-нибудь да ужъ натворилъ: либо табакъ разсыпетъ, либо трубку разобьетъ.

Подъ конецъ ужъ онъ меня изъ терпѣнія вывелъ.

Прихожу какъ-то со службы домой, а меня бутарь дожидается.

— Пожалте,—говоритъ,—къ городничему...

— Что такое?—спрашиваю,—навѣрно изъ-за котенка?

— Такъ точно, изъ-за него.

Прихожу. Сидитъ въ залѣ городничій съ какою-то барыней и трубку куритъ.

— Ты, говоритъ, молодой человѣкъ, чѣмъ же это занимаешься, а? Разбойниковъ у себя укрываешь?

— Какихъ,—спрашиваю,— ваше высокородіе, разбойниковъ?

— А такихъ,—говоритъ,—что твой котенокъ у генеральши Тюфяевой ученаго попугая зарѣзалъ, двадцать словъ французскихъ зналъ, да десять аглицкихъ... двѣсти рублей ассигнаціями она за него заплатила...

Вертѣлся, вертѣлся я, а ничего не подѣлаешь: пришлось заплатить генеральшѣ за попугая.

Пришелъ я домой страшно злой. Ну думаю, шабашъ, больше тебѣ, анаѳемѣ, со мной такихъ штукъ не выкидывать.

— Маланья,—говорю,—я его, бестію, утоплю!

— Утопи. Безпремѣнно утопи, потому отъ него добромъ не отдѣлаешься... всю тебѣ нутренность своимъ поведеніемъ испортитъ...

Дождался я, сударь ты мой, ночи, взялъ подъ пальто котенка и отправился на мостъ.

А рѣка у насъ, я вамъ доложу, широкая да быстрая и для утопленія весьма сподручная: люди часто тонули; попадутъ въ быстрину и шабашъ...

Пришелъ я на мостъ — ни души. Вынулъ я своего разбойника изъ-подъ полы, зажмурился, да и швырнулъ за перила... Только «мяу» раз-

далось въ воздухѣ, да плескъ этакій, когда онъ шлепнулся въ воду...

Вѣрите ли, хоть и утопилъ я тварь, а на душѣ какъ-то легко стало: ужъ очень онъ насолилъ мнѣ своими похожденіями.

Иду это я съ моста, а мнѣ навстрѣчу бутарь.

— Ты,—говоритъ,—кто такой?

— Видишь, обыватель.

— Обуватель-то, обуватель, но, только какое же ты имѣешь полное право дѣтей топить?

— Какихъ дѣтей? Что ты ошалѣлъ, что ли?

— А такихъ, новорожденныхъ... я, братъ, своими ушами слышалъ, какъ онъ запищалъ...

Я туда, сюда – поволокли въ кварталъ. Доложилъ бутарь квартальному о происшествіи, тотъ меня сейчасъ на допросъ.

— Чѣмъ занимаешься и чей именно ребенокъ?

— Какой ребенокъ, ваше благородіе?

— А вотъ котораго утопилъ сейчасъ. Сидоренко, шарятъ въ рѣкѣ баграми-то?

— Шарятъ, ваше благородіе...

— Ниже надо шарить, здѣшняя быстрина далеко младенца унесетъ... сказывай, братъ, какихъ недѣль младенецъ былъ?

— Никакого младенца я не топилъ, ваше благородіе, а утопилъ собственнаго котенка...

— Разсказывай сказки-то!

Сталъ я ему клясться всѣми святыми, что котенка утопилъ, не вѣритъ.

— А вотъ мы,—говоритъ,—сейчасъ въ твоей квартирѣ дознаніе произведемъ.

Забралъ онъ меня, письмоводителя, да двухъ бутарей, и пошли мы всею гурьбой ко мнѣ.

Пришли. Бутаря обыскъ стали производить, а квартальный Маланью допрашивать. Та, извѣстно, то же самое показываетъ: котенка, молъ, носилъ топить...

— Котенка? А какой онъ изъ себя былъ? Черный съ бѣлою мордочкой?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Чудесно, такъ ты, братецъ, котенка утопилъ?

— Котенка.

— Великолѣпно. А это какой же котенокъ на лежанкѣ сидитъ? а?

Посмотрѣлъ я на лежанку, да такъ и обмеръ. Сидитъ не лежанкѣ мой проклятущій котенокъ и лапой этакъ, понимаете, гостей замываетъ... выплылъ, каторжный!..

— Въ кутузку ихъ обоихъ!

И засадили... вѣрите ли: цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ, пока слѣдствіе производилось.

Конечно, выпустили, да только вся моя карьера испорчена была. Купцы отъ меня какъ отъ арестанта отворачивались, а на улицу просто показаться нельзя было, вслухъ кричали: «Вонъ, говоритъ, идетъ молодецъ, который ребенка въ рѣкѣ утопилъ!»

Собралъ я свои гроши, плюнулъ, да и мах-

нулъ въ Москву... тридцать пять лѣтъ съ той поры здѣсь живу, а котенка забыть не могу... Какъ увижу какое-нибудь животное, сейчасъ и вспомню.

Да-съ! Вотъ вамъ и блаженъ, иже скоты милуетъ! Какого тоже скота помилуешь! Хе-хе-хе...

Толстякъ засмѣялся, пыхнулъ въ меня дымомъ сигаретки и поднялся со скамейки.

Сюрпризъ.

— Ну, ангелъ мой, Анна Ивановна, цѣлуй меня прямо въ губы... заслужилъ, ей-ей заслужилъ!—говорилъ, распускаясь весь въ радостную улыбку, Иванъ Ивановичъ Воробейчиковъ, возвратясь къ вечеру домой.

— А ты сперва скажи, за что? — отпихнула та пухлой ладонью вытянутыя для поцѣлуя губы супруга.—Ты гдѣ былъ-то?— спросила она.

— Я? Угадай! Ни за что не угадаешь... держу какое хочешь пари... Идетъ? Если угадаешь, я плачу тебѣ фунтъ конфектъ; не угадаешь — ты мнѣ даешь пять поцѣлуевъ; но только самыхъ добросовѣстныхъ и прямо въ губы.

— Мы съ тобой не такъ уже молоды, чтобъ поцѣлуи могли доставлять намъ удовольствіе,— это разъ, а во-вторыхъ — угадать гдѣ ты былъ совсѣмъ не трудно по твоей развязности... ты былъ тамъ, гдѣ была мадера.

— Мадера была, ангелъ мой, это неопровержимо, но гдѣ мадера была—вотъ вопросъ!

— Разумѣется тамъ, гдѣ ты былъ...

Иванъ Ивановичъ озадачился, подумалъ съ минуту и расхохотался.

— Хе-хе-хе... а знаешь, мамулечка, что я тебѣ скажу... тебѣ бы адвокатомъ быть... ей-ей... ужъ если ты меня сичасъ сбила съ толку, прокурора и подавно бы вышибла изъ сѣдла... хе-хе-хе... большой казуистическій талантъ въ тебѣ погибъ.

Иванъ Ивановичъ подсѣлъ къ женѣ и взялъ ее за руку.

— Мамуся!—началъ онъ торжественно,— недѣлю тому назадъ ты мнѣ сказала слѣдующее: «Иванъ Ивановичъ, пора бы намъ позаботиться о дачѣ», на это я тебѣ отвѣтилъ такъ: «Отлично, ангелъ мой, въ первый же свободный и ясный день мы отправимся въ Богородское и наймемъ дачу».

— Да, но я уже передумала... мнѣ Богородское надоѣло.

— Такая прекрасная дачная мѣстность надоѣла? Да лучше этой мѣстности и не придумаешь... и воздухъ, и лѣсь, и... Тироль, настоящій Тироль...

— Все равно. Тамъ такая пропасть дачниковъ...

— Ошибаешься, ангелъ мой, нынѣшнее лѣто тамъ половина дачъ запустуетъ.

— Тѣмъ хуже, значитъ, общества не будетъ.

— Успокойся, къ концу мая всѣ дачи займутъ, даю тебѣ честное слово...

— И затѣмъ—этотъ вѣчный шумъ и гамъ...

— Мамуся, ты клевещешь на Богородское...

да такой идеально-кладбищенской тишины ты нигдѣ не найдешь... Клянусь всѣми лосями Лосиннаго острова... это... это не дачи, а просто Пятницкое кладбище...

— Значитъ, ты былъ въ Богородскомъ сегодня?

— Былъ, ангелъ мой, весьма даже былъ... и чтобъ сдѣлать тебѣ пріятный сюрпризъ снялъ дачу.

— Покорно васъ благодарю... воображаю что ты нанялъ!

— Дворецъ, мамуся, а не дача! Мнѣ всѣ завидовали: и Петръ Ивановичъ, и Сергѣй Сергѣичъ, и Андрей Лукичъ... Это не дача, говорятъ, а чистое Монрепо...

— Значитъ, и они съ тобой ѣздили?

— А какъ же, ангелъ мой... у нихъ тоже прекрасныя супруги, какъ же не сдѣлать имъ сюрпризъ?

— И навѣрное, рядомъ всѣ дачи сняли?

— Почти... Сергѣй Сергѣичъ рядомъ, а Андрей Лукичъ съ Петромъ Иванычемъ черезъ дорогу.

— Я такъ это и знала... значитъ, если у насъ винтъ въ воскресенье, у Андрея Лукича въ понедѣльникъ?

— Въ понедѣльникъ, ангелъ мой, у Петра Ивановича, а у Андрея Лукича во вторникъ...

— И каждый Божій день винтъ?

— Ну, гдѣ же каждый день, мамулечка?.. Мы дали честное слово другъ другу, что въ суб-

боту винта у насъ не будетъ... это рѣшено... субботу мы посвящаемъ другимъ занятіямъ... напримѣръ, отдыху или прогулкѣ въ не столь отдаленныя окрестности...

— Такъ въ субботу вы не будете винтить!— язвительно воскликнула Анна Ивановна, поднимаясь съ кресла.

— Поклялись, ангелъ мой...

— Иванъ Иванычъ, я въ Богородское на дачу не ѣду!

— То-есть какъ же это, мумулечка?.. — жалобно протянулъ Иванъ Иванычъ.

— Да такъ, не поѣду и кончено. Можете ѣхать съ своими винтерами одни.

— Но, ангелочекъ, какъ же это такъ... за что же... и дачу я снялъ, и задатку вбухалъ...

— Сколько же вы задатка дали?

— Видишь ли... только ты не сердись, ангелъ мой, собственно говоря, не много, но какъ будто бы и порядочно...

— Сколько, мямля вы несчастная?

— Сто рублей, мамусичка.

— Дуракъ!

Анна Ивановна пробѣжалась по комнатѣ и снова сѣла.

— И кто васъ проситъ нанимать, спрашивается? Кто?

— Да вѣдь ты же сама говорила.

— Я говорила, я и найму... Сто рублей на вѣтеръ бросить! Господи! Создастъ же Господь

такое несчастное тѣсто, какъ мой муженекъ!.. Сколько комнатъ-то въ дачѣ?

— Комнатъ? Много, очень много комнатъ, ангелочекъ.

— Да сколько?

— А вотъ считай: первая, разумѣется, передняя—это разъ.

— Ты съ террасы считай, а не съ задняго крыльца.

— Изволь, мамуся, для тебя я откуда хочешь начну считать, хоть съ крыши, только ты не сердись и не волнуйся, дача превосходная, ты мнѣ не разъ за нее спасибо скажешь... Клянусь тебѣ большимъ шлемомъ на безкозыряхъ.

— Терраса большая?

— Гррромадная! Отсюда и до... до... вообще террасой останешься довольна.

— Ахъ ты, Господи! Да какъ велика она? Ну, будетъ до нашей столовой?

— Экъ ты хватила, до столовой! Что это за терраса до столовой! Я думаю, что отсюда до дѣтской хватитъ.

— Хватитъ ли до дѣтской — я сомнѣваюсь, но что ты хватилъ—въ этомъ я увѣрена.

— Я тебя увѣряю, ангелъ мой, что до дѣтской... разумѣется, на глазомѣръ, да вотъ какъ: мы винтили на террасѣ...

— Ну?

— Ну, и ничего... намъ тѣсно не было...

вообще свободно... мужикъ-хозяинъ проходилъ отлично, даже не задѣвая.

— Понимаю. Терраса, значитъ, никуда не годится.

— Мамуся! Ну, какъ ты можешь говорить, не видавъ ее своими глазами? Ты посмотри сперва!

— Хорошо. Идемъ въ дачу съ террасы... Первая комната какая?

— Обыкновенно, какія комнаты бываютъ, деревянная комната, а оклеена обоями.

— Велика ли, я тебя спрашиваю?

— Большая!.. Еще я удивлялся, помню, «Ахъ, говорилъ какая большая комната!»

— Дальше?

— А дальше... принесъ мужикъ ломберный столъ... Ну, Петръ Иванычъ и говоритъ...

— Я тебя про комнаты спрашиваю.

— Пардонъ, мамулечка!.. дальше—тоже комнаты... направо или налѣво итти?

— Куда хочешь.

— Нѣтъ, ты скажи сама... зачѣмъ же я тебѣ буду дѣлать непріятное?

— Иди налѣво.

— Хорошо. Иду, иду это я налѣво... тутъ комната... да! дѣйствительно комната и окно есть... еще я стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ нашъ пейзанъ съ своей хозяйкой ломберный столъ тащили... пейзанка спереди, а пейзанъ сзади.

— Значитъ, маленькая комнатка! Дальше.

— Дальше... тоже комната... постой, это я, кажется, влѣво пошелъ? Такъ?

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой!

— Мамусечка, дай вспомнить, какъ слѣдуетъ,—ну, да, конечно, комната. Отличная такая комната, еще Андрей Лукичъ совѣтовалъ въ ней нашу спальню устроить, потому изъ нея видъ великолѣпный, сперва огородъ, потомъ трактиръ...

— Хорошенькій видъ, нечего сказать!

— Не правда ли, ангелъ мой? Я самъ думаю, что веселенькій.

— Дальше.

— Потомъ... погоди; гдѣ мы сейчасъ съ тобой находимся? Въ спальнѣ... Такъ?

— Ну, въ спальнѣ. Дальше!

— Ангелъ мой, не торопи ты меня, ради Бога, я все могу перепутать и представить нашу дачу въ превратномъ видѣ. Мы отъ Богородскаго, напримѣръ, вплоть до заставы пѣшкомъ шли, а почему? Дуракъ кучеръ задергалъ правую лошадь, она и остановилась—ни взадъ, ни впередъ... онъ ее кнутомъ, мы ее тросточками—стала и ни съ мѣста, а все оттого, что задергалъ, такъ и ты... собьешь своими понуканьями, я и перезабуду все... Да! теперь мы въ спальнѣ, ангелъ мой...

— Дальше.

— Дальше, кажется, итти некуда.

— Какъ некуда? Это и все? Да это курятникъ, а не дача...

— Постой, постой... ахъ, какъ ты торопишься,

мамуся!.. Я почему говорю, что дальше итти некуда, потому что дальше стѣна... Поняла? Ergo, надо поворотить назадъ и забрать вправо...

— Значитъ, налѣво двѣ комнаты?..

— Какъ двѣ? Больше! постой... или это вправо больше?

— И онъ еще дачу нанималъ!

— Погоди... дай мнѣ оріентироваться, какъ слѣдуетъ... а главное, не гони ты меня, какъ скаковую лошадь... я хоть и сдѣлалъ тебѣ дачей сюрпризъ, но скакать на призъ не могу... Хе-хе-хе... надо записать эту остроту для Андрея Лукича... онъ всякую дрянь для какого-то журнальчика юмористическаго собираетъ... Мамуся, отправимся, мой ангелъ, правой стороной... Во-первыхъ—большая комната съ видомъ въ садъ... въ саду бесѣдка и довольно просторная, такъ что ломберный столъ уставляется безъ всякихъ помѣхъ, мы дѣлали пробу, это комната для дѣтей...

— Мерси! Это, значитъ, вы будете орать и ругаться надъ ихъ ушами и не давать имъ спать?

— Ну, когда же мы оремъ и ругаемся, мой ангелъ? Это бываетъ очень рѣдко, въ видѣ исключенія. Сегодня, напримѣръ, мы поспорили — это дѣйствительно, и поспорили довольно горячо, такъ что пейзане послали было за урядникомъ.

— Этого только недоставало! Ахъ, несчастные винтеры!

— Успокойся, мамусичка, все обошлось бла-

гополучно... мы дали пейзанамъ на водку и объяснили имъ, что все дѣло вышло изъ-за неправильнаго хода Петра Иваныча... я отъ него требовалъ выхода съ трефъ, а онъ, идіотъ этакій, бухнулъ съ бубновки...

— Но откуда же вы пейзанъ набрали?

— Кто ихъ набиралъ, ангелъ мой, сами на нашъ разговоръ сбѣжались... нѣтъ, ты представить себѣ не можешь, до чего невѣжественны наши мужики... они вообразили, что мы другъ друга рѣзать хотимъ... Да! Тысячу, милліонъ разъ правы тѣ, которые говорятъ, что нашему пейзану нужны коронки и коронки... тьфу! не то... не то... я хотѣлъ сказать: школы, школы и школы! Для дѣтей эта комната будетъ самая подходящая, это и Петръ Иванычъ говоритъ... кстати, онъ въ этой дѣтской себѣ затылокъ расшибъ... представь, сталъ онъ на одну половицу, а она возьми, да и провались.

— Хорошенькая дѣтская! Да ты что же своихъ дѣтей изувѣчить на этой проклятой дачѣ хочешь?

— Мамуся, къ чему такія громкія фразы? Пейзанъ пришьетъ доску гвоздемъ, и половица будетъ утверждена незыблемо... вотъ сосѣдняя съ дѣтской комната не совсѣмъ удобна и полъ у ней горой устроенъ, то-есть собственно говоря не устроенъ, а сѣлъ одною стороной... дѣти, впрочемъ, за эту комнату мнѣ спасибо скажутъ, будутъ въ ней кататься, какъ на льду.

— И разбивать себѣ носы объ стѣну? Нужно же быть дуракомъ до такой степени... Какія-то горы съ Дѣвичьяго поля у себя на дачѣ завелъ.

— Не я, мамуся, а пейзанъ... понимаешь, пейзанъ...

— А кто снялъ дачу? Кто? Ты, уродъ, ты!.. Комната, въ которой только можно кататься, это Богъ знаетъ, что такое... и сто рублей задатку далъ! Тьфу!

Анна Ивановна снова сорвалась съ кресла и забѣгала по комнатѣ.

— Ну, еще съ этимъ можно кое-какъ помириться... въ этой комнатѣ я поставлю гардеробъ и сундуки.

— Нельзя, ангелъ мой,—вздохнулъ пискливо Иванъ Ивановичъ,—мы стулъ для пробы поставили, и тотъ съѣхалъ... то-есть, такъ-таки вотъ взялъ и поѣхалъ... для катанья эта комната великолѣпна, а для гардеробовъ, да сундуковъ никакъ не годится...

— Чудовище! И это дворецъ по-твоему? Не поѣду я, ни за что не поѣду!

— Ангелъ мой... Аничка... Конечно, я виноватъ отчасти... только отчасти... ибо одна комната въ счетъ итти не можетъ...

— А комната для прислуги есть?

— Сколько хочешь!.. То-есть, собственно говоря, прислуга отлично будетъ спать въ сараѣ.

— Значитъ, комнаты нѣтъ? А въ мезонинѣ сколько комнатъ?

— Въ мезонинѣ? Пропасть!

— Пропасти тамъ быть не можетъ... я васъ спрашиваю, сколько въ мезонинѣ комнатъ?

— Мамуся, плюнь ты на мезонинъ... мезонинъ—мезонинъ и есть, ну его!

— Значитъ, ты тамъ не былъ и не знаешь, что тамъ есть?

— Аничка! Душа моя! Ну, съ моимъ ли чиномъ по чердакамъ лазить, сообрази? Статскій совѣтникъ и вдругъ, какъ трубочистъ, Богъ знаетъ, куда полѣзетъ...

— Слѣдовательно, на твоей дачѣ ничего нѣтъ, ничего!—затопотала ногами мадамъ Воробейчикова.

— Успокойся, все есть... и комнатъ достаточно, и... кухня, и... бесѣдка, и... ломберный столъ...

— Да что ты мнѣ все ломберный столъ въ носъ тычешь? Я тебя про дѣло спрашиваю... Кухня какая?

— Кухня? Великолѣпная кухня, ангелъ мой... Я такихъ кухонь и не встрѣчалъ... во-первыхъ—печь...

— Ну?

— Во-вторыхъ—плита.

— Ну?

— Ну... и... чего жъ тебѣ еще, спрашивается? Одно непріятно, что клопы отъ прошлогодняго дачника остались, ну, да въ этомъ я особенной бѣды не вижу: не насъ они будутъ кусать, а

кухарку... а кухарки, какъ всѣмъ извѣстно, сроднились съ клопами съ незапамятныхъ временъ.

— А погребъ, чудовище? Видѣлъ ли хоть погребъ-то?

— Видѣлъ! Клянусь всѣми карточными колодами!

— Льдомъ набитъ?

— Великолѣпнымъ льдомъ... мы даже съ Андреемъ Лукичемъ его лизнули... чудесный ледъ... такъ въ бòтвинью и просится.

— Далеко онъ отъ кухни?

— Это погребъ-то? Хе-хе-хе... да развѣ я найму такую дачу, гдѣ погребъ находится за версту... Отгадай, гдѣ находится погребъ?

— Возлѣ кухни?

— Ближе.

— Какъ ближе? Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, шутишь со мной или не въ мѣру мадеры хлебнулъ?

— Ни за что не угадаешь,—лукаво прищурилъ лѣвый глазъ Иванъ Иванычъ,—ни за что, мамуся! Погребъ тебѣ тоже сюрпризъ!.. Знаешь, гдѣ помѣщается онъ? Въ кухнѣ!—торжественно заявилъ сіяющій Иванъ Иванычъ, поднимая къ потолку указательный палецъ.

— Какъ въ кухнѣ?—всплеснула руками Анна Ивановна.

— Такъ въ кухнѣ, ты это не ожидала? Эге! И вообрази, мамуся, возлѣ самой плиты... удобство-то для кухарки какое... понадобилось масло, напримѣръ, или сметана, нагнулась, отворила

творило и въ одну секунду масло на плитѣ! Хе-хе-хе. Плоха дача по-твоему, а?

— Ахъ, идіотъ!—простонала та, опускаясь въ кресло,—погребъ около плиты!.. Господи! Да что же это такое?..

Мадамъ Воробейчикова закрыла лицо руками и заплакала.

— Мамуся! Развѣ это не хорошо? А я думалъ, очень хорошо... нѣтъ, каковы подлецы эти пейзаны, а? То-то у него рожа этакая... скверная... мамуся... ангелочекъ... душа моя... ну, вотъ и угоди послѣ этого женщинамъ... Мамулечка!.. Оно, дѣйствительно, погребъ возлѣ плиты, это все равно, что кусокъ сала на солнце положить... Ахъ, я тетеревъ!.. Мамуся!.. Аничка!.. Анюся!—бормоталъ Иванъ Иванычъ, наклоняясь надъ женой и размахивая руками, словно мельница крыльями,—плюнь ты на это... все-таки выгода... вдругъ жаркое лѣто... отличное купанье въ домашней ваннѣ!.. Аничка! Ангелочекъ!..

Ангелочекъ только всхлипывалъ и отпихивалъ ногой злосчастнаго дачнаго мужа.

Обычная исторія.

Мадамъ Муравьѣдова подошла на цыпочкахъ къ кабинету мужа, согнулась, приложила ухо къ двери и, поднявши кверху указательный палецъ лѣвой руки, замерла въ такой пріятной позѣ. Поодаль, у окна, ощипывая поблекшія листья съ куста желтофіоля, стояли, наблюдая за мамашей, цѣлыхъ четыре дѣвицы, тонкія, какъ палки, и черныя, какъ галки. Улица, несмотря на то, что шелъ уже одиннадцатый часъ утра, была пуста и безлюдна. Въ стекла хлесталъ снѣгъ и наводилъ самую кислую тоску на обывателей. Старый котъ, свернувшись клубкомъ на диванѣ, пряталъ свой носъ въ широкія лапы и мурлыкалъ, въ пanданъ погодѣ, тоскливую, заунывную пѣсню. Только одна канарейка весело трещала въ клѣткѣ, перепрыгивая съ жердочки на жердочку и распѣвая игривыя пѣсенки про тепло и свободу.

Мадамъ Муравьѣдова выпрямилась и также тихо отошла отъ двери.

— Ну, что, маманъ? — шопотомъ спросили черномазыя дѣвицы.

— «Отче нашъ» читаетъ... сейчасъ кончитъ молиться и тогда...

— Только ты, мама, будь тверда и непоколебима!—посовѣтывала одна изъ дѣвицъ, повертываясь передъ зеркаломъ.

— Ну, разумѣется... съ нашимъ скаредомъ иначе и нельзя.

— И проси, мамочка, какъ можно больше денегъ,—дала совѣтъ другая,—ты сама знаешь, какъ намъ много нужно.

— Ахъ, очень много, дѣти мои! Трудно, очень трудно будетъ его ограбить.

— Если умно дѣло повести, мамочка, можно такъ папашу обойти, что онъ и не услышитъ даже.

— Это онъ-то не услышитъ? Такой скаредъ? Онъ изъ-за трехъ цѣлковыхъ поднимаетъ исторію.

— Если правильно поведешь атаку, мама, такъ въ полчаса будетъ разбитъ.

— Не такой непріятель, дѣти, чтобъ скоро можно было разбить... не лучше ли будетъ сдѣлать правильную осаду? Стоитъ только обложить его со всѣхъ сторонъ, онъ и сдастся.

— Нѣтъ, мамочка, такъ хуже будетъ... лучше ты его одна атакуй, а мы будемъ у тебя въ резервѣ, на случай подкрѣпленія.

— Вы думаете?

— Разумѣется. Если мы насядемъ на него всѣ пятеро сразу, онъ тотчасъ догадается въ чемъ дѣло и улизнетъ. О, папаша ужасно хитеръ!

— Правда, дѣти... помните передъ Рождествомъ что онъ съ нами сдѣлалъ?

— Одурачилъ всѣхъ.

— По-моему, милая мамочка, — зашептала третья галка,—съ нимъ нужно начать издалека: сперва умаслить, огладить, а затѣмъ уже и взять контрибуцію.

— Я сама думаю, что такъ гораздо лучше будетъ... а то сразу его озлишь, ничего путнаго изъ нашей атаки не выйдетъ... Тс! кажется, онъ кашляетъ.

Дамы превратились въ дочерей Лота. Изъ-за закрытой двери кабинета донесся глухой, отрывистый кашель и густой, сиплый голосъ: «Груша! Груша, Дюшессъ!»

Мадамъ Муравьѣдова пустила вдоль всего лица сладчайшую улыбку, придавъ глазамъ ласкающее выраженіе, и подскочила къ двери кабинета своего «скареда».

— Александръ, ты всталъ?—нѣжно спросила она, прикладывая ухо къ двери.

— Всталъ!—отвѣтилъ «скаредъ», пыхтя за дверью.—Это ты, Мари?

— Я, дружокъ... Тебѣ Груша нужна?

— Да... я хотѣлъ сказать ей, чтобъ она принесла мнѣ стаканъ чаю.

— Сію минуту распоряжусь... Груша! Дѣти, скажите Грушѣ... Впрочемъ налейте сами и принесите папѣ чаю...

Галки бросились въ столовую. Мадамъ Муравь-

ѣдова осмотрѣла себя въ зеркало, поправила жиденькую чолку на лбу, мазнула пальцами по бровямъ и постучала сгибомъ указательнаго пальца въ дверь.

— Александръ, чай сію минуту принесутъ.

— Мерси, мерси... Фу-у! — послышалось въ кабинетѣ.

— Ты одѣтъ?

— Я? Какъ тебѣ сказать: это зависитъ отъ взгляда. Если ты халатъ считаешь за одежду, то я одѣтъ, ибо халатъ на мнѣ и подпоясанъ въ достаточной для приличія степени...

«Въ духѣ сегодня», подумала мадамъ Муравьѣдова и снова стукнула въ дверь:—Значитъ, можно къ тебѣ войти?

— Разрѣшается.

Муравьѣдова толкнула дверь и вошла въ кабинетъ мужу. За письменнымъ столомъ сидѣла плотная, сырая фигура самого Муравьѣдова съ трехъяруснымъ зашейникомъ и мокрыми височками, въ сѣромъ вытертомъ халатѣ и туфляхъ, на которыхъ были вышиты когда-то цѣлующіеся голубки, но отъ которыхъ въ данный моментъ остались только одни хвосты да хохолки.

Муравьѣдовъ свертывалъ папироску и пыхтѣлъ, посматривая на снѣгъ, хлеставшій въ окна.

— Съ добрымъ утромъ, Александръ!—проговорила сладко мадамъ Муравьѣдова, подходя къ мужу и цѣлуя его въ лысину.

Муравьѣдовъ, тяжело отдуваясь, положилъ не-

досвернутую папиросу на столъ, приложивъ къ своимъ небритымъ губамъ руку жены, и, сплюнувъ по привычкѣ въ уголъ, принялся снова пыхтѣть надъ папироской.

Муравьѣдова сѣла въ кресло, посмотрѣла пытливо на мужа и поправила на немъ воротъ рубашки, выѣхавшей клиномъ изъ-подъ халата.

— Хорошо спалъ? — спросила она участливо.

— Великолѣпно! — кивнулъ тотъ лысиной, вставляя въ мундштукъ папироску. — Я, Мари, въ скверную погоду всегда хорошо сплю.

— Ахъ, ужасная погода... и это весной называется!

— Нѣтъ, ничего... мнѣ такая погода нравится... Пасха, я увѣренъ, будетъ холодная... а это съ экономической точки зрѣнія очень хорошо... во-первыхъ, не нужно ни тряпокъ, ни шляпокъ...

— Ну, положимъ, безъ этого не обойдется.

— Очень легко... можно проходить и въ зимней шляпкѣ, и никто не осудитъ... да и вотъ, напримѣръ, ты думаешь я стану себѣ шляпу къ празднику покупать? Ни за что! Помилуй, въ такой холодъ шапка только, только что такъ...

— Ну, да, ты это конечно... мужчины совсѣмъ въ другихъ условіяхъ стоятъ... Кстати, дружокъ, ты былъ вчера у Ивана Петровича! Ну, какъ они тамъ? Здоровы всѣ?

— Всѣ хвораютъ.

— Да не можетъ быть!

— Буквально всѣ. У него инфлуэнца, у ней флюсъ, у дѣтей какія-то тамъ не то чушки, не то свинушки... вообще недоразумѣнія съ портретами...

— Скажи пожалуйста!.. Кто же ихъ лечитъ?

— Никто. Да развѣ ты не знаешь его? Скряга отчаянный и философъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «если, говоритъ, мнѣ суждено выздоровѣть, такъ я выздоровлю и безъ лекарствъ, а если умру—такъ, по крайней мѣрѣ, никто меня не будетъ упрекать за то, что я доктора позвалъ»... Умный человѣкъ, удивительно умный...

— Папа, можно къ тебѣ войти?—послышались голоса дѣвицъ за дверями.

— Идите, можно!—отвѣтила мадамъ Муравьѣдова.

Отворилась дверь и въ кабинетъ одна за другой вошли галки. У одной въ рукахъ былъ стаканъ съ чаемъ, у другой—сливочникъ, у третьей — корзинка съ хлѣбомъ, у четвертой — сливочное масло. Галки ставили поспѣшно на столъ принесенное, радостно поздравляли отца съ «добрымъ утромъ» и съ чувствомъ чмокали его въ губы.

— Здравствуйте, стрекозы, здравствуйте! Напрасно только вы это... Груша бы чай принесла!—пыхтѣлъ тотъ, принимая поцѣлуи дочерей. — А вы что же такъ нынче... того... рано встали почему?— подозрительно посмотрѣлъ онъ на нихъ.

— Ахъ, папа, да мы всегда рано встаемъ!— хоромъ заявили галки.

— Ну, положимъ, вы врете...

— Увѣряемъ тебя!.. Что мы не выходимъ долго изъ своихъ комнатъ, это такъ, но встаемъ мы всегда въ восемь часовъ...

— Хорошо, хорошо! — говорилъ тотъ, принимаясь за чай.—Гм!.. Сливки великолѣпныя...

— Не правда ли? — подхватила мадамъ Муравьѣдова,—это я новую молочницу нашла... и замѣчательно добросовѣстная молочница и сливки хорошія, и беретъ не дороже другихъ.

— Гм! это хорошо... а то вообще въ Москвѣ чортъ знаетъ какую дрянь продаютъ и дерутъ... да вѣдь какъ дерутъ-то!.. Грабежъ всюду и вездѣ... можете себѣ представить, во снѣ даже сегодня видѣлъ, что меня ограбили.

— Кто же тебя ограбилъ, дружокъ?

— Мошенники. Просто жулики. Иду это я по переулку, и вдругъ откуда ни возьмись— пятеро...

— Неужели пятеро, папочка! — съ ужасомъ воскликнули галки.

— Пятеро... ну, и разумѣется, все отняли... и часы, и бумажникъ...

— Я, думаю, дружокъ, тебѣ во снѣ ужасно жалко было денегъ?—справилась, улыбаясь, жена.

— И жалко, и, главное, испугъ... шелъ, не имѣя никакого предчувствія, и вдругъ такая неожиданность...

11*

— Папочка, а много у тебя въ бумажникѣ денегъ было?—наивно спросила одна изъ галокъ.

— Порядочно... то-есть, положимъ, пустяки были! — поправился Муравьѣдовъ, перекусывая пополамъ дужку калача, — а все-таки жалко... приснится же вѣдь такая чушь...

— Это отъ погоды, папочка! — авторитетно заявила старшая дочь,—вѣдь это ужасъ, что такое творится на улицѣ.

— Особеннаго ничего нѣтъ. Снѣгъ идетъ.

— А холодъ - то? Носа высунуть никуда нельзя...

— И не высовывай. Сиди дома и занимайся домашнимъ дѣломъ...

— Ахъ, папочка, ты разсуждаешь, какъ всѣ мужчины. Намъ необходимо нужно итти въ пассажъ... не сегодня—завтра, не завтра — послѣзавтра...

— Въ пассажъ? Это въ который же пассажъ?—прищурился Муравьѣдовъ на дочь и безпокойно передвинулся на креслѣ.

— Въ какой-нибудь, намъ все равно... гдѣ найдемъ лучше и выгоднѣе...

— Ага! Ну, конечно... Знаешь, Мари, что я тебѣ скажу: твои хваленыя сливки-то того-съ...

— Что, мой другъ?

— Да просто дрянь... не то вѣтромъ, не то дымомъ пахнутъ.

— Но вѣдь ты самъ же находилъ ихъ превосходными?

— Находилъ, а теперь не нахожу... твоя новая молочница такая же, видно, дрянь, какъ и старая... ты понюхай хорошенько, понюхай... Что?

— Положительно ничѣмъ не пахнутъ, дружокъ...

— У тебя носъ, Мари, залегъ, поэтому ты ничего и не слышишь... Вава, понюхай ты... Что?

— Пахнутъ, папочка, и знаешь чѣмъ? Табачнымъ дымомъ!

— Ну, вотъ видишь! Я говорю, что пахнутъ!.. Какая же это коровница: коровы у ней табакъ курятъ?

— Просто это отъ твоего табаку, дружокъ...

— Ты думаешь? Все можетъ быть, все можетъ бы-ы-ыть... А вы что же это, дѣти, тутъ?.. Шли бы къ себѣ... поиграли бы въ четыре руки на рояли... я люблю слушать эту... какъ ее...

— Успѣешь, папочка... а мы къ тебѣ съ просьбой.

— Съ просьбой?—скислился Муравьѣдовъ: — и навѣрно опять денегъ просить?

— Да... Ты угадалъ...

Муравьѣдовъ посмотрѣлъ ласково на дочерей и вздохнулъ глубоко.

— Опоздали, милыя. Ну, что бы вамъ раньше ко мнѣ притти да попросить? Только вчера послѣднія отдалъ Степанову взаймы, только вчера. Я не виноватъ.

— Александру Петровичу Степанову?

— Нѣтъ, другому... совсѣмъ другому Степанову. Еще у него носъ такой длинный и свояченица горбатая. Вы его не знаете. Ужасно жаль бѣдную дѣвушку. Красивая дѣвица, а горбатая. А все нянька виновата,—уронила маленькую изъ рукъ, ну, она и того, сперва ничего, а потомъ вдругъ горбъ. Да! Уродъ на весь вѣкъ!

Муравьѣдовъ вздохнулъ отъ души изъ сожалѣнія къ горбатой свояченицѣ Степанова и допилъ залпомъ стаканъ чаю.

— Все это прекрасно, — заговорила мадамъ Муравьѣдова,—но деньги намъ, мой другъ, необходимы. Праздники на носу. Надо дѣтямъ купить, во-первыхъ, по шляпкѣ.

— Во-вторыхъ, Мари, ей-ей у меня денегъ нѣтъ!—подхватилъ тотъ.

— Во-вторыхъ, башмаки, въ третьихъ — мы заказали платья. Портнихѣ за четыре платья нужно отдать полтораста рублей.

— Полтораста! Да вы что же это,—вскочилъ съ своего мѣста Муравьѣдовъ, схватываясь за покраснѣвшую отъ волненія лысину, — разорить меня хотите? Нѣтъ у меня денегъ! Хоть убейте, нѣтъ!

— Александръ, ты пойми, мой другъ...

— Какой я вашъ другъ?—Рабъ вашъ, водовозная кляча! У кого вы спрашивались заказывать платья? У кого-съ? Вы у меня не спрашивались, слѣдовательно, я и платить не стану.

— И все-таки заплатишь!

— Ни за что! Да вы тамъ по всѣмъ портнихамъ хвосты станете трепать, а я буду деньги платить? Дудки! Во-первыхъ теперь такая погода, что никакихъ платьевъ не нужно, во-вторыхъ, Мари, ты, какъ благоразумная женщина и мать, полагаю, знаешь, какъ такіе высокоторжественные праздники должны мы проводить. Если твои дочери глупы, должна имъ втолковать, усовѣстить, а не таскать ихъ по портнихамъ, да модисткамъ... Это подло съ твоей стороны. Да-съ! Ты развращаешь дѣтей.

— Александръ!

— Именно развращаешь! Помилуй! Такіе праздники встрѣчаются дома, въ духовной радости, а ты вдругъ... полтораста рублей портнихѣ!

— Папочка, да вѣдь нужно же и...

— Молчать! Я говорю съ матерью, а не съ вами, съ дурами! Только и знаешь, что шьешь вамъ шляпки, да разныя тряпки, и хоть бы одна за какого-нибудь дурака вышла.

— Да за кого? За кого? Укажи!— поднялась съ кресла мадамъ Муравьѣдова.

— Да неужели же въ Москвѣ больше ни одного дурака не осталось? Укажи имъ! Я и деньги за тряпки плати, я и дураковъ имъ ищи. Да что я вашъ крѣпостной? Лакей? Мажордомъ? Метродотель? Шутъ меня убери отъ васъ совсѣмъ! Полтораста рублей портнихѣ! И вѣритъ, дура!

А кому вѣритъ, спрашивается? Почему вѣритъ? Зачѣмъ вѣритъ? Тьфу! Нѣтъ, я васъ, Марья Григорьевна, спрашиваю, почему вы старыя платья не перешили, а заказали непремѣнно новыя, а?

— Да потому, что старыя никуда не годятся.

— Не годятся? Врете-съ... Вы просто меня хотѣли взбѣсить и довести до апоплексическаго удара-съ... да-съ! Вы покушаетесь на мою жизнь передъ каждымъ сезономъ-съ... да-съ! Вы мнѣ четыре раза въ годъ по два фунта крови портите-съ... Понимаете? Черезъ ваши гнусности во мнѣ каждый годъ по восьми фунтовъ всякой дряни накопляется... да-съ!.. Груша, шляпу!..

— Шляпы вы не получите до тѣхъ поръ, пока не дадите денегъ...

— Это мы увидимъ...

— И увидите. Намъ ваше скряжничество не въ диковину...

— Я скряга? Я? Грабятъ, каждый день по семи шкуръ съ меня дерутъ, и все я скряга!.. Груша, шляпу! Новыя платья вдругъ... старыя не годятся... да я вамъ себя въ примѣръ поставлю, расточительницы вы этакія! У меня сюртукъ восемь лѣтъ носится... по-вашему бросать? Новый шить? Да?.. Пѣтъ-съ... я призвалъ портного и говорю: другъ мой, вотъ сюртукъ, а вотъ пять цѣлковыхъ... сдѣлаешь его новымъ — получишь пять цѣлковыхъ, не сдѣлаешь новымъ, не полу-

чишь пяти цѣлковыхъ... въ три дня обновилъ-съ... Понимаете? А то вдругъ полтораста рублей! Да у меня всѣхъ и денегъ-то семьдесять пять... Клянусь честью благороднаго человѣка! Берите семьдесять пять, грабьте послѣднія, только не доводите меня до «кондрашки!..»

— Семьдесять пять мало...

— Мало? Ну, сто! Не попрекайте только меня скряжничествомъ! Если бъ не Семеновъ, полтораста бы вамъ далъ, послѣднія деньги Семенову отдалъ, клянусь честью.

— Теперь Семеновъ на сцену явился, давича Степанову деньги отдалъ, а сейчасъ Семенову.

— А я говорю Семенову... я никакого Степанова не знаю... что вы меня сбиваете! Дудки! Меня не собьешь, да-съ! Я всѣхъ своихъ должниковъ знаю. Берете сто, или нѣтъ?

— И ста намъ мало. Намъ минимумъ двѣсти рублей надо.

— Минимумъ, минимумъ! Заучили какое-то глупое латинское слово, и думаютъ, что съ меня послѣднюю рубашку снять могутъ! Дудки-съ! Минимумъ двѣсти рублей! А не хотите ли вы максимумъ двѣсти кукишей съ масломъ? Я латынь-то не хуже вашего знаю! Да-съ! Вы изъ меня мортусъ хотите сдѣлать, непридется! Берете сто? Ей-ей, больше ни копейки нѣтъ, хоть зарѣжьте.

— Меньше двухъ сотъ ни копейки.

— Да? Это мы увидимъ! Груша, шляпу! Груша! Агра-фе-е-ена-а-а!

— Такъ въ халатѣ и уйдете?—расхохоталась мадамъ Муравьѣдова.

— Что? Вонъ! Всѣ вонъ! Грабительницы!

— Дѣти, пойдемте!—направилась мадамъ Муравьѣдова къ двери,— пускай его успокоится, деньги, все равно, мы получимъ.

— Сто рублей-съ, да-съ!

— Нѣтъ, двѣсти! Минимумъ двѣсти...

— Сто-съ, Марья Григорьевна!. Максимумъ сто-съ!

— Двѣсти, Александръ Сергѣичъ!

— Сто!

— А я говорю: двѣсти, скряга вы этакій!

— Увидимъ-съ! Вонъ-съ! Мое почтеніе-съ!

Скряга захлопнулъ за женой съ трескомъ дверь и началъ одѣваться.

— Дудки-съ, сударыня!—гремѣлъ онъ,—просовывая голову въ сорочку.—Я такъ эксплоатировать себя больше не позволю-съ... нынче сто, завтра двѣсти... конца грабежу не видать!.. Полтораста рублей портнихѣ, не угодно ли? Да ей самой, этой портнихѣ, навѣрно, рубль цѣна... Груша, сюртукъ!.. Нѣтъ, довольно-съ, будетъ... я васъ научу, милостивая государыня, впередъ спрашивать у мужа позволеніе, а затѣмъ уже и скакать козломъ къ портнихѣ... Груша, сюртукъ! Груша-а-а! И это горничная, съ позволенія сказать...

Муравьёдовъ бросился къ двери и — остолбенѣлъ.

— Заперли!—прошепталъ онъ,—перехитрили, проклятыя!.. Теперь сдерутъ... ей-ей сдерутъ...—опустился онъ въ кресло.—Мари! Мари!—проговорилъ онъ жалобно,—другъ мой! Ты здѣсь?

— Здѣсь, дружокъ!—донеслось изъ двери.

— Отопри дверь, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ... получу двѣсти рублей и отопру.

— Мари, вѣдь это насиліе... это чортъ знаетъ, что такое... преступниковъ и тѣхъ не всѣхъ сажаютъ въ одиночное заключеніе... Что? Мари! Ты пойми... нѣтъ такой статьи въ законахъ, чтобы запирать мужа въ кабинетѣ... Мари! Дружочекъ, ты здѣсь?

— Здѣсь, разумѣется.

— Возьми сто десять, а? Ну, сто двадцать, ей-ей, больше нѣтъ, я покажу тебѣ бумажникъ. Хочешь, Мари, посмотрѣть бумажникъ? Отопри двери и погляди... Что?.. Молчишь, разбойница! Впрочемъ, вотъ, я еще нашелъ красненькую... сто тридцать... получай сто тридцать... еще три рубля... А? Тьфу! Мари, ушла?

— Здѣсь, дружокъ, здѣсь.

— Такъ чего же ты молчишь, спрашивается? И запираетъ, и молчитъ, и... сто пятьдесятъ и больше ни копейки... Слышишь? Сто пятьдесятъ? Мари, ты здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, ты не безпокойся.

— Тьфу!... Сто семьдесятъ... больше, хоть зарѣжь, нѣтъ... А? Вымозжили... всѣ вымозжили... Мари, сто восемьдесятъ наберу какъ-нибудь и больше, хоть повѣсь, ни копейки... А? Мари... Мари! Тьфу!

Осажденный сдался.

На конкѣ.

Задребезжалъ звонокъ, и вагонъ конки тронулся въ путь. Вагонъ, по обыкновенію, былъ переполненъ публикой, состоявшей преимущественно изъ дамъ, возвращавшихся домой, судя по сверткамъ и счастливымъ улыбкамъ, прямо изъ «пассажей». Противъ меня помѣстились двое почтенныхъ старичковъ, только-что сѣвшихъ на послѣдней станціи. Одинъ, въ выхухолевомъ длинномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ, съ круглою безъ всякихъ новшествъ бородкой, сильно смахивалъ на купца средней руки; другой, съ гладко выбритымъ лицомъ, густыми сѣдыми бровями и отвисавшею нижней губой, походилъ на отставного чиновника. Оба старичка внимательно осмотрѣли вагонную публику, при чемъ старичокъ съ бородой даже ядовито прищурился на смазливую барыньку, стрѣлявшую черными «жучками» въ сидѣвшаго противъ нея офицера, и затѣмъ оба въ разъ начали извиняться другъ передъ другомъ.

— Извините-съ, я, кажется, васъ ногой толкнулъ.

— Нѣтъ, это я васъ, кажется... прошу прощенія.

Старички, улыбаясь, раскланялись другъ съ другомъ и убрали ноги подъ сидѣнье.

Вагонъ остановился на минуту, задержанный похоронною процессіей. Многіе стали набожно креститься. Впереди процессіи шелъ черноволосый парень съ иконой въ рукахъ; густые кудрявые волоса его развѣвались на вѣтру и хлестали парня по ушамъ и щекамъ; видъ у него былъ сосредоточенный, онъ смотрѣлъ прямо въ даль и торопливо шагалъ по лужамъ и кучамъ сколотаго льда; за парнемъ шли пѣвчіе: блѣднозеленые дисконта съ альтами, чахоточные тенора и краснорожіе баса. Пѣнія не было слышно, но пѣвчіе, очевидно, пѣли что-нибудь потрясающее, ибо по временамъ они такъ широко разѣвали рты, въ особенности свирѣпообразные баса, и такъ отчаянно ворочали бѣлками глазъ, что вчужѣ становилось жаль покойника. За пѣвчими, вразвалочку, шелъ батюшка съ діакономъ, а за ними непосредственно шестеро дюжихъ артельщиковъ несли тяжелый гробъ, покрытый богатымъ парчевымъ покровомъ. Далѣе тянулась длинная вереница экипажей, изъ которыхъ выглядывали траурныя лица.

— Купца хоронятъ!—проговорилъ бритый старичокъ, сдергивая съ лысой головы шапку.

— Трудно опредѣлить,—раздумчиво отвѣтилъ старичокъ съ бородкой. — По колодѣ, пожалуй,

что и нашего брата тащатъ... и по пѣвчимъ судя... я этотъ хоръ знаю... онъ купцомъ больше дышетъ.—Старичекъ назвалъ фамилію содержателя хора и вздохнулъ на весь вагончикъ.

— Нда-съ... народъ мретъ — намъ дорожку третъ! Придетъ часъ и закроешь глазъ! — заключилъ онъ, бросая сердитый взглядъ на барыньку, успѣвшую уже познакомиться съ офицеромъ.

Бритый старичокъ оттянулъ нижнюю губу и мотнулъ головой.

— Совершенно справедливо замѣтить изволили. И что обиднѣе всего-съ, не знаешь ни дня, ни часа, въ которые послѣдуетъ твоя кончина.

— Извѣстно, объ эвтомъ депешъ не разсылаютъ. Живешь, живешь, думаешь и конца твоей жизни не будетъ... безъ помышленій дѣйствуешь... а курносая-то, глядь и за плечами... «пожалте, господинъ, оченно васъ тамъ дожидаются»... Все одно, что городовой непокорнаго гражданина — въ участокъ честью... ты отъ курносой то за тыщу верстъ, а она возлѣ тебя топчется... а душа-то, глядишь, вотъ не плоше этой барыньки, полна мерзостей грѣховныхъ... ничего себѣ здѣсь не уготовилъ, да на тотъ свѣтъ, глядишь, Богъ знаетъ, въ какое мѣсто и попалъ!

— Это справедливо-съ, — согласился бритый старичокъ,—не даромъ пословица говорится: что посѣешь, то и пожнешь.

— Вѣрно. Я одного пѣвчаго знаю... басъ по происхожденію своему... басище вотъ какой-съ: въ бутулку ежели ахнетъ, — въ дребезги разлетится... и при томъ діапозонище сажени въ двѣ, если не больше... талантъ-съ!

— Весьма оглушительный?

— Да-съ... Одно нескладно: пьетъ. И пьетъ, нужно вамъ замѣтить, безъ мѣры и числа. Просто жалость одна. Пробовалъ его резонить: «Если, говорю, ты хоть бы о душѣ своей подумалъ... и талантъ свой зарываешь, яко рабъ нерадивый, и душу погубляешь... вѣдь ты ее прямо во тьму кромѣшную готовишь».

— Ну, и что же онъ? Сознаетъ?

— Да что... сознаетъ... пьяный завсегда, ну, и бормочетъ: «я, говоритъ, съ своимъ голосомъ вездѣ мѣсто найду»... извѣстно, ежели онъ съ Вельзевуломъ начнетъ дуэты жарить, такъ весь адъ разогнать можетъ.

— А вы... любитель пѣнія?

— Я-съ? Сызмальства къ этому приверженъ. Я и у себя въ приходѣ порядочный хорикъ составилъ. Собьется басъ съ пути, я его сейчасъ къ ногтю... закашляетъ теноръ—пожалте ко мнѣ. Помретъ — похороню. Живъ остался—славословь. Да-съ! Возни только съ ихнемъ братомъ много, а то ничего... дишканта я анамедни по случаю такого пріобрѣлъ, ни въ одномъ хорѣ не встрѣтишь. Патти сюда пѣвица пріѣзжала... голосъ—

что твое серебро... Изволили, можетъ слыхать во времени?

— Нѣтъ, не довелось... но слыхалъ, что органомъ обладала замѣчательнымъ.

— Я тоже не слыхалъ, но, говорятъ, что органище этотъ у ей въ горлѣ былъ, что называется, безъ сучка, безъ задоринки... такъ этотъ сичасъ мой дишкантъ, по разговорамъ понимающихъ, десять очковъ впередъ Патти можетъ дать... ноту возьметъ въ солѣ... Вѣдь это что?.. Струна звенящая... свирѣль-съ!

— А вы въ какомъ приходѣ изволите прихожаниномъ быть?

Старичокъ съ бородой назвалъ и покосился на собесѣдника.

— Десять лѣтъ ктиторомъ онаго храма состою,—добавилъ онъ съ гордостью,—изукрасилъ храмъ по достаткамъ, пѣвчихъ завелъ... медаль даже имѣю.

— Это хорошо...

— Для Бога все! — скромно замѣтилъ старичокъ съ бородой.—А вы какого приходу-съ?

Бритый старичокъ сказалъ.

— Знаю. У васъ дьяконъ хорошъ. Въ баритоновомъ духѣ.

— Ничего, прихожане одобряютъ за велегласность.

— У насъ тоже дьяконъ великолѣпный... голосъ у него, допустимъ теноръ, но съ претензіей—верха хороши... Нашъ приходъ подобранъ

христолюбиво: что батюшка, что дьяконъ, а про псалмопѣвцевъ и говорить нечего, съ голосами, и съ усердіемъ довлѣющимъ... Вы у насъ бывали когда?

— Не доводилось.

— Загляните, ежели благолѣпіемъ заражены, милости просимъ. Вотъ тоже колокола у насъ нодобраны музыкальнымъ манеромъ... поцъ гамму... Поняли?

— Еще бы.

— Заслушаться можно. Звонарь у насъ Лазарь, онъ же и сторожъ церковный, артистъ по колокольному дѣлу, а вотъ подите, и званія онъ не духовнаго, мѣщанинъ, напримѣръ, а умудрилъ Господь; многіе любители пріѣзжаютъ внимать его трезвону...

— Есть дѣйствительно мастера.

— Что тамъ мастера! Вы нашего Лазаря пріѣзжайте послушать, въ умиленіе взойдете, парей могу держать... согласія въ звонѣ много и пониманія... начнетъ это съ дишкантовъ: тиль, тиль, тиль, а тамъ и пойдетъ развертываться, то альта припуститъ, то тенорка... душа радуется!

— Я очень люблю хорошій колокольный звонъ.

— Да какъ не любить, помилте, лучше всякой музыки, по-моему! Сидишь это, дома, а домъ мой, почитай, супротивъ церкви, и вдругъ слышишь, Лазарь дѣйствуетъ... Артистъ! Одно вотъ только, грѣхомъ выпиваетъ сверхъ и съ залиш-

комъ... Карахтеру слабаго, и при томъ жена баба ѣдкая, съ утра до ночи Лазаря пилитъ и за дѣло, и безъ дѣла... Извѣстно, это ужъ такая бабья привычка, а у него характеру не хватаетъ, чтобъ перенести. Слушаетъ, слушаетъ, да и ударится въ кабакъ... Ужъ сколько разъ мы съ батюшкой его уволить хотѣли, да все прощали—жаль! Во-первыхъ, по способностямъ онъ кажному можетъ соотвѣтствовать, а во-вторыхъ, видимъ тоже, что у него муха осенняя на шеѣ... куснетъ иной разъ до крови, такъ поневолѣ взбрыкнешь...—Правильно?

— Несомнѣнно... то-есть, конечно, ежели принять во вниманіе съ одной стороны семейное положеніе.

— Со всѣхъ сторонъ, по-моему, принявъ во вниманіе: и со стороны художества, и со стороны бабьяго піянія... парень онъ, признаться, скудоумный, но насчетъ трезвону—Рубинштейнъ, по-моему...

— А у насъ звонарь плохъ.

— Пріѣзжайте нашего Лазаря послушать.

— Пріѣду. Полагаю, что сей вашъ Лазарь музыкальное образованіе получилъ?

— Какое тамъ образованіе, просто, я такъ думаю, что трепетъ въ немъ есть.

— Трепетъ?

— Трепетъ. Иной разъ посмотришь на него косо, сичасъ ужъ онъ маршъ на колокольню.

Понимаетъ, напримѣръ, и все такое, а вѣдь другой и ухомъ не ведетъ.

— Нашъ вотъ тоже въ этомъ родѣ, пойдетъ звонить, такъ либо не дозвонитъ, либо перезвонитъ.

— Нѣтъ, нашъ Лазарь не изъ этого числа. Возвышенный человѣкъ... вотъ только насчетъ выпивки анафема полная, а то бы ему просто цѣны не было.

— Нравоученіе бы почаще ему читали.

— Да ужъ батюшка у насъ на этотъ счетъ старательный, чуть не каждый день отчитываетъ. «Лазарь, говоритъ, ужели тебѣ не жалко свою плоть, которую, напримѣръ, ты убиваешь пьянствомъ?» — «Не жаль, батюшка». — «Ну, а душу? Душу-то ужли не пожалѣешь?» — «Душу, батюшка, жалѣю... душа это первое у каждаго человѣка!» — «Такъ неужели же ты не можешь преоборотъ себя и стать на настоящую стезю?»

— Это хорошо! — согласился бритый старичокъ. — Ну и что же на это Лазарь?

— Да что Лазарь? Молчитъ. Все молчитъ, а потомъ хвать — пьянъ какъ стелька... Слабодушному человѣку увѣщеванія все равно, что вотъ этой барынькѣ мужъ родной; онъ, поди, тамъ лямку третъ, а она съ офицеромъ разные глазенапы на сливочномъ маслѣ... да еще великимъ постомъ... Спрашивается, какъ мужу такую жену не бить?

Бритый старичокъ посмотрѣлъ на барыньку,

болтавшую съ офицеромъ, и зачмокалъ нижней губой.

— А не дурна... есть что-то въ ней этакое... пикантное...

— Да ужъ безъ этого нельзя... безъ пикану бабѣ цѣна грошъ съ денежкой... форсу въ ей, по-моему, много...

— Есть... есть... невольно вотъ согрѣшишь! — не то извиняясь, не то оправдываясь, проговорилъ бритый старичокъ.

— Нда!... Главное, что отягощаетъ: постомъ и вдругъ такая скоромная барыня... ну, встрѣться еще она въ мясоѣдъ, туды-сюды, а то... тьфу!.. Про что, бишь, мы съ вами говорили?

— Про Лазаря вашего...

— Да... Такъ вотъ я и говорю... «Лазарь, говорю, зачѣмъ ты, говорю, Лазарь, офицеру руку жмешь?»

— Какъ-съ?—вытянулъ нижнюю губу бритый старичокъ.

— Я говорю, развращенность нонче какая пошла: барынька-то Лазарю... тьфу! офицеру руку жметъ... а?

— Да вы плюньте на нихъ...

— Да только и остается, что плюнуть... душа-то твоя, спрашивается, гдѣ теперича?

— Это вы Лазаря спрашиваете?

Старичокъ съ бородкой отвернулся отъ барыни и посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Батюшка спрашиваетъ, а не я... извѣстно,

намъ съ вами наплевать, мужа только жаль... нда! нѣтъ, вы тамъ какъ хотите, а Лазаря нашего трезвонъ слушать пріѣзжайте.

— Пріѣду. Безпремѣнно пріѣду...

— Съ достоинствомъ человѣкъ. Сичасъ онъ у насъ другой мѣсяцъ не пьетъ... что будетъ дальше, а намъ далъ слово, что до гроба ни капли въ ротъ не возьметъ... положимъ, это онъ вретъ, а между прочимъ ничего невѣроятнаго на свѣтѣ нѣтъ...

— Исправился, значитъ?

— Случай съ нимъ особенный вышелъ...

— Грустный?

— Не то, чтобы очень грустный, но довольно прискорбный. Нужно васъ предупредить, что Лазарь у насъ къ службѣ весьма рачителенъ и гдѣ бы онъ тамъ себя ни портилъ, какъ бы ни пилъ, а ужъ къ благовѣсту къ заутрени онъ на своей колокольнѣ завсегда... Этого даже и примѣра не было, чтобы онъ неглижировалъ... и вдругъ, однажды бьетъ шесть часовъ, а звону нѣтъ... и половина седьмого бьетъ, а звону нѣтъ... и звону нѣтъ, и Лазаря нѣтъ...

— Задержка вышла?

— Такой случай вышелъ. Наканунѣ у насъ престольный праздникъ былъ и по этому поводу батюшка, вкупѣ съ причтомъ, по приходу съ крестомъ ходилъ. Приходъ же у насъ, какъ изволите знать, весьма обширностью достаточный, такъ что батюшка обхожденіе уже къ вечеру

совершилъ. Лазарь по своей слабости прихожанъ не обижалъ: то у одного рюмку выпьетъ, то двѣ у другого... прихожане же у насъ народъ ласковый и къ Лазарю всей душой расположенный, слѣдовательно, даже батюшка Лазарево нетвердое на ногахъ стояніе замѣтилъ. «Иди, говоритъ, Лазарь, домой съ миромъ и ложись спать!»— «А я, говоритъ, за ѣами, батюшка!»... Ну, такъ и пошли: батюшка съ дьякономъ впереди, а сзади причетникъ съ просвирней, а за просвирней Лазарь по слѣду... да такъ и пришли домой всѣ, кромѣ Лазаря, исчезновенія коего даже какъ-то никто и не замѣтилъ... Идетъ человѣкъ сзади, и идетъ... положимъ, этотъ человѣкъ и ошую, и одесную шатался, но все-таки идетъ... такъ и не спохватились Лазаря. Только часовъ въ десять вечера вдругъ баба Лазаря шасть къ отцу дьякону. «Отецъ, говоритъ, дьяконъ, куда вы моего Лазаря дѣли?»—«Какъ, отвѣчаетъ, куда, да онъ за нами шелъ...»—«Нѣту Лазаря... пропалъ Лазарь!»—«Да ты, говоритъ, глупая, послала бы въ окрестные капернаумы соглядатая, можетъ и обрящили бы его!» – «Во всѣ капернаумы разсылала, сама всюду бѣгала, у всѣхъ городовыхъ справлялась—словно скрозь землю провалился!» Воетъ, понимаете, баба: хоть и скудоуменъ былъ, а все-таки семью кормилъ. Отецъ дьяконъ сичасъ къ батюшкѣ. «Такъ и такъ, говоритъ, Лазарь пропалъ!»—«Пустая голова не пропадетъ»,—отвѣчаетъ батюшка и распорядился

послать въ розыски. Рыскали, рыскали,—нигдѣ Лазаря нѣтъ. И что всего чудеснѣе, даже никто не видалъ, какъ онъ исчезъ. У насъ на обѣихъ сторонахъ улицы городовые стоятъ. Одинъ городовой видѣлъ Лазаря переходящимъ черезъ улицу, а другой не видалъ. Выходило такъ, что Лазарь аккуратъ посреди мостовой провалился. Батюшка и руками развелъ: «Отродясь говоритъ, такой исторіи и не слыхивалъ, и въ газетахъ не читывалъ!.. Предадимъ, говоритъ, сіе приключеніе Лазарево забвенію до утра, авось объявится здравымъ и невредимымъ...»

Пришелъ отецъ дьяконъ домой и сообщаетъ резолюцію Лазаревой бабѣ, а та сидитъ да воетъ. «Безпремѣнно, говоритъ, это его бѣсы въ адъ утащили за пьянство... сколько разъ я ему говорила: будутъ на тебѣ, пропойцѣ, въ аду воду возить... не вѣрилъ онъ мнѣ, а вотъ по-моему и случилось. Живого стащили...»

Плюнулъ отецъ дьяконъ и прогналъ глупую бабу, а самъ думаетъ: явится Лазарь къ заутренѣ или не явится? Проснулся отецъ дьяконъ утромъ и ждетъ звона. Бьетъ шесть часовъ, а звона нѣтъ... и четверть седьмого на часахъ, а звона все нѣтъ.

— Пропалъ нашъ Лазарь! — махнулъ рукой отецъ дьяконъ и направился въ церковь. И что жъ бы вы думали? Не успѣлъ еще онъ на паперть вступить, какъ видитъ Лазаря, летящаго

со всѣхъ ногъ безъ шапки, и всего въ кирпичѣ вымазаннаго.

— Лазарь! — кричитъ ему отецъ дьяконъ — Лазарь! Живъ?

Лазарь только посмотрѣлъ свирѣпо на отца дьякона и шарахнулся отъ него въ сторону. А минуту спустя на колокольнѣ появилась взлохмаченная голова Лазаря, и по всему приходу нашему понесся торжественный звонъ большого колокола: донъ-донъ, донъ-донъ!..

Послѣ заутрени батюшка призвалъ Лазаря къ допросу.

— Сказывай, говоритъ, чадо непутевое, гдѣ былъ?

— И самъ не знаю, батюшка... лукавый попуталъ... просыпаюсь я въ неизвѣстномъ мѣстѣ и на ложѣ весьма сомнительной мягкости... Господи, думаю, гдѣ я? Вокругъ темь... Ощупалъ ложе—какъ будто сани, даже плетеныя. Творю молитву, а у самого зубы на зубы не попадаютъ, перезябъ... вылѣзъ изъ саней, пошелъ, наткнулся на другія... не пойму никакъ, въ какія дебри азъ затесался... и вдругъ мнѣ пришли въ голову слова жены: «попадешь ты въ адъ, пропойца, и будутъ на тебѣ бѣсы воду возить»... Батюшки мои, ужъ не въ адъ ли я попалъ? И темно-то, и сани-то, и даже хомутъ въ саняхъ лежитъ. Волосы у меня, батюшка, дыбомъ встали... только вдругъ вижу отворились ворота и какія-то фигуры взошли... свѣтлѣй, понимаете, стало, вижу—

что-то на манеръ сарая, и въ немъ все сани стоятъ... а фигуры въ уголъ пошли и гогочатъ во все горло. Только вдругъ одинъ мохнатый этакимъ хриплымъ голосомъ другому какъ крикнетъ: «Пантелѣй какого же ты бѣса своего «звонаря» не запрягаешь? Везти кирпичъ пора!». Свѣта, батюшка, я не взвидѣлъ какъ ахну изъ сарая, да бѣжать; бѣгу что есть мочи, а куда— все равно, лишь бы отъ ада подальше... ужъ гдѣ духъ перевелъ — у Дорогомиловской заставы... тутъ только я сообразилъ, что вмѣсто ада-то на кирпичный заводъ попалъ. Шапку жаль, три цѣлковыхъ стоила!

— Да какъ же ты, Лазарь, на заводы попалъ?—недоумѣвалъ батюшка.

— И самъ не вѣдаю... уповаю, что, переходя улицу, ввéрзился въ порожнія сани и уѣхалъ въ дальній путь, заснувъ предварительно... Искушеніе лукаваго!..

Бритый старичокъ засмѣялся, засмѣялся за нимъ и разсказчикъ.

Послышались звонки кучера. Вагонъ конки подошелъ къ станціи и остановился. Пассажиры, торопясь и толкаясь, полѣзли изъ вагона. А собесѣдники все еще стояли среди вагона, жали руки и раскланивались другъ другу чуть не въ поясъ.

Наканунѣ.

— Ты бы, Юличка, сдѣлала выговоръ Мареѣ! — говорилъ женѣ румяный блондинъ, торопливо ѣвшій за обѣдомъ супъ. — Супъ просто ѣсть нельзя: живая соль!...

— Сколько разъ, Петя, говорила...

— Такъ. Ну, и что же Мареа?

— Мареа отвѣчаетъ дерзостями, въ особенности сегодня...

— Это что же за праздникъ такой сегодня?

— Никакого нѣтъ... онѣ и безъ праздниковъ умѣютъ грубить...

— Я выругаю, сейчасъ же выругаю... Авдотья, позови кухарку сюда.

— Оставь, Петя, я тебя прошу... ты ее выругаешь, а она жаркое испортитъ...

— Однако, позволь, моя милая, не могу же я ѣсть чортъ знаетъ какую бурду... Я плачу кухаркѣ десять рублей и имѣю, кажется, право требовать отъ нея настоящій супъ, а не какое-то Эльтонское озеро... Авдотья, позови Мареу!

— Не надо, Авдотья, не зови. Все равно никакого толку отъ твоего выговора не будетъ.

— То-есть это почему же? Ты, можетъ-быть, думаешь, что я не умѣю ругаться?

— Увѣрена, что отлично умѣешь, но сегодня такой день, что брань для нихъ все равно, что стѣнѣ горохъ. Сниметъ фартукъ, плюнетъ и уйдетъ.

— Ну, у меня не уйдетъ... Я, вѣдь, милая, не ты... Я ее цѣпью къ плитѣ прикую...

— Ахъ, Петя, какъ ты мало знаешь нашу прислугу...

— Отлично ее знаю: дрянь!

— Ну, вотъ, видишь...

— Но я умѣю управляться съ дрянью... Супъ просто ѣсть нельзя: живая соль! Ахъ, чумичка глупая!.. Я такъ этотъ супъ люблю и вдругъ... просто никакой возможности... Тьфу! Мароа! Мароа! Поди сюда, уродъ! — выскочилъ блондинъ изъ-за стола.

— Петя, оставь! — придержала было его за полу сюртука жена.

— Пусти! Я плачу деньги за провизію, а не щепки... Мароа! А, ты здѣсь... Поди сюда. Ѣшь этотъ супъ... ѣшь!..

— Да мы ужъ давно, баринъ, отобѣдамши! — попятилась кухарка отъ барина, совавшаго ей въ ротъ тарелку съ супомъ.

— А я тебѣ говорю: ѣшь! Вотъ ложка! Пробуй, тебѣ говорятъ! Это супъ, по-твоему, а?

— Извѣстно, супъ...

— Супъ? А ѣсть-то его можно?

— Да отчего жъ его не кушать, баринъ? Расчудесный супъ...

— У-у, рожа! Живая соль, по ея мнѣнію, расчудесный супъ... Какъ ты смѣла его пересолить.

— И ничего даже, по-моему, не пересоленъ.

— Молчать! Я тебѣ говорю: пе-ре-со-ленъ! Гдѣ у тебя языкъ?

— Во рту, извѣстно. Гдѣ у васъ, тамъ и у меня.

— Тьфу! Не то... Какъ ты смѣешь солить, не пробуя супъ, а?

— Пробовала...

— Врешь.

— Ей-ей, пробовала.

— Молчать!

— Да вы, баринъ, не очень-то орите... Что это всамдѣлѣ за моду взялъ такую.

— Что-о-о?!

— Ничего, мимо проѣхало! Вотъ что! Не доволенъ моимъ супомъ — бери повара, а съ куфарки нечего взыскивать.

— Да какъ ты смѣешь, дурища, такъ со мной говорить, а?

— Да такъ вотъ и смѣю... Скажите, какой инералъ отыскался! Да я завтрашняго числа, можетъ, сама барыней буду.

— Она барыней будетъ! Ахъ, идіотка!

— А вы какъ обо мнѣ понимаете? И буду барыней... У меня сичасъ цѣльныхъ три пупона

куплены, значитъ, завтрашняго же числа у меня деньжищъ дѣвать некуда будетъ... Вамъ еще взаймы могу дать... Вотъ что!

— Вонъ! —позеленѣлъ блондинъ,—или я вышвырну тебя отсюда.

— И сама уйду... а ужъ жить у экихъ самондравныхъ господишекъ ни въ жисть не стану... въ бардадымы лѣзутъ, а каждую копейку усчитываютъ... Завтра же всѣмъ вамъ носъ утру!...

— Вонъ!..

Баринъ бросился за кухаркой. За бариномъ уцѣпилась барыня.

— Петя, оставь... Говорила я тебѣ, что не слѣдуетъ съ прислугой связываться!

— Но, помилуй, я не имѣлъ понятія, до чего можетъ быть дерзка прислуга... это чортъ знаетъ что такое! Это такая распущенность!..

— Сядь, успокойся... Я просила тебя оставить, не хотѣлъ, ну, вотъ, теперь самъ испыталъ, до чего наша прислуга разнуздана.

— Ахъ, рракалья!.. «Пупоны» какіе-то... барыней будетъ... Юличка, чтобъ духу ея не было!

— Хорошо, хорошо... Завтра же другую возьму!

— Не завтра, а сегодня.

— Гдѣ же я возьму? Теперь уже поздно, всѣ конторы заперты... отложимъ до завтра... Авдотья, давай жаркое, Авдотья!

— Авдотья! — заревѣлъ баринъ, стуча кулакомъ по столу.

— Петя, перестань... Ты и отъ Авдотьи дождешься того же... Авдотья!

— Да иду, барыня!—появилась та съ блюдомъ въ рукахъ.

— Это что?

— Говядина жареная-съ.

— Это, по-твоему, говядина? Да въ нее и вилка не лѣзетъ! Бревно жареное, а не говядина.

— Пережарила, выходитъ... Запихнула, стало-быть, говядину въ шкапъ, а сама къ вамъ ушла ругаться, ну, и пережарила.

— Юличка, я ее поколочу! Честное слово, поколочу... Гдѣ она?

— Ушла-съ!

— Какъ ушла?

— Да такъ и ушла. Сняла фартукъ, надѣла шубенку и ушла: «пущай, говоритъ, жрутъ, какъ хотятъ!»

Баринъ чуть не задохнулся.

— Юличка, да что жъ это такое?

— А все ты виноватъ... Говорила, не лѣзь.

— Да что ты наладила одно: говорила, говорила... Онѣ мнѣ провизію портятъ, а я долженъ ихъ за это благодарить... Чортъ знаетъ, что за логика!

— Онѣ сегодня всѣ просто съ ума сошли.

— А я голоденъ! Понимаешь, я ѣсть хочу, но ѣсть это поджаренное бревно не стану...

— Петя, чѣмъ же я виновата?

— Всѣмъ, положительно всѣмъ... Во-первыхъ, не надо было держать такую кухарку...

— Да она до сегодня сносна была...

— Во-вторыхъ, надо было ругать почаще... Ты молчишь, онѣ и дѣлаютъ что хотятъ... просто, хоть въ трактиръ иди обѣдать... Послушай, неужели у насъ нѣтъ другого куска говядины?

— Есть, но кто же будетъ жарить? Я не умѣю.

— Авдотья зажаритъ... Авдотья! Тамъ есть говядина, зажарь, пожалуйста...

— Что вы, баринъ, да рази я куфарка?

— Знаю, что горничная, но кусокъ говядины-то умѣешь зажарить?

— Мало ли что я умѣю, но только я не куфарка...

— Фу, ты, дура! Знаю, что ты не кухарка, но кухарки нѣтъ, слѣдовательно, кусокъ говядины можешь зажарить и ты...

— Не мое это дѣло, баринъ, это дѣло куфарки!

— Тьфу. Нѣтъ, вѣдь этакъ всякое терпѣніе лопнетъ! Я тебѣ приказываю зажарить...

— А я не стану... Вотъ тоже новости: наняли въ горничныя и вдругъ сичасъ за куфарку имъ стряпай...

— Юличка, я ее поколочу!

— Петя, оставь...

— Да пойми, я голоденъ! Я жрать хочу! Авдотья, чтобъ сію минуту говядина была зажарена, иначе можешь убираться куда хочешь!

— Да я и сама апосля этого служить у васъ не намѣрена... пожалуйте рощетъ...

— Что-о? Расчетъ тебѣ? Да какъ ты смѣешь говорить такъ, дрянь этакая?

— Дрянь! Можетъ, завтра же почище васъ буду...

— Что-о-о?

— Да то, что сама себѣ прислугу заведу, вотъ что... у меня тоже два пупона есть, такъ я плевать на всѣхъ хотѣла!..

— Вонъ! Сію минуту вонъ!.. Юличка, меня просто ударъ хватитъ! Вонъ!

— Да ушла она, ушла, успокойся, пожалуйста!

Баринъ пробѣжался по комнатамъ и сѣлъ на стулъ.

— Нѣтъ, вѣдь это просто возмутительно!— ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Надо мириться съ обстоятельствами, милый...

— Тебѣ хорошо говорить... ты, можетъ быть, позавтракала вплотную, а я сегодня кромѣ двухъ-трехъ ложекъ супа изъ Элтонскаго озера ничего не ѣлъ...

— Ну, что жъ дѣлать... завтра же найму новую кухарку и горничную, а теперь ѣшь вотъ сыръ и масло...

— Сыръ! Масло!.. Разумѣется стану ѣсть, но какая это ѣда? Одинъ обманъ желудка...

Настала пауза. Баринъ уписывалъ сыръ, барыня уничтожала колбасу съ масломъ.

— Хорошъ сыръ-то, Петя?—справилась барыня.

— Очень. А знаешь, что я тебѣ скажу: сыръ—питательная вещь...

— А ты съ масломъ попробуй.

— Попробую, ничего... обидно, разумѣется, что остался безъ обѣда, но сытымъ можно быть всегда... нѣтъ, вѣдь, до чего Юличка, распустились всѣ: говорятъ въ глаза такія дерзости, на которыя не знаешь даже, что и отвѣчать...

— Я говорю тебѣ, что онѣ сегодня всѣ съ ума сошли...

— Да съ чего?

— Отъ глупости. Завтра, вѣдь, будетъ розыгрышъ «голодной» лотереи, ну, вотъ онѣ и воображаютъ, что непремѣнно выиграютъ...

— Да, вотъ оно что!.. Ахъ, дуры! Ахъ, дурищи!.. То-то я слышу: одна говоритъ у меня «пупоны» и другая твердитъ: у меня тоже «пупоны»... Нѣтъ, я теперь жалѣю, что ихъ обѣихъ не поколотилъ, авось умнѣе бы стали... Да съ чего онѣ взяли, что непремѣнно выиграютъ?

— Увѣрены. Я стала была разубѣждать Марѳу, такъ куда! «Это вы, говоритъ, барыня, отъ зависти говорите...» а Авдотья третью ночь во снѣ видитъ, что у ней завелись тараканы, ну, и вообразила, что обязательно сорокъ тысячъ выиграетъ...

— Почему же именно сорокъ тысячъ?

— Ну, вотъ, поди! Авдотья съ Марѳой такъ

весь главный выигрышъ въ сто тысячъ и подѣлили. У Мареы три купона, значитъ она шестьдесятъ тысячъ выиграетъ, а у Авдотьи два — она сорокъ тысячъ. «А господамъ, говорятъ, пущай мелочь достается».

— Ха-ха-ха! Ахъ, дуры!

— Ужасно, глупый народъ! А дворника Степана, что намъ дрова носитъ, знаешь?

— Знаю.

— Съ женой цѣлую недѣлю не на животъ, а на смерть дрался. Купили они купонъ и заспорили, кому этотъ купонъ хранить. Она ему не довѣряетъ, потому что пропить можетъ, а онъ ей не довѣряетъ, потому что у ней два кума кучера... и дрались по этому поводу цѣлую недѣлю... Авдотья мнѣ это разсказывала.

— Ха-ха-ха. Ахъ, идіоты! Ну и чѣмъ же рѣшили?

— Разрѣзали купонъ пополамъ и успокоились.

— Глупо! Ужасно глупо! Ахъ, да... я и забылъ совсѣмъ, что и у насъ съ тобой есть билеты... Твой какой номеръ, Юличка?

— Право, не помню...

— А я свой помню... не знаю самъ, почему онъ остался у меня въ памяти... разсчитывать на выигрышъ глупо, разумѣется...

— Дѣло случая, Петя...

— Конечно, дѣло случая. Но я-то, во всякомъ случаѣ, на этотъ случай надеждъ не питаю...

— Я тоже, но... все можетъ быть...

— Не можетъ этого быть, Юличка.

— Отчего?

— Потому что шансовъ на выигрышъ гораздо меньше даже, чѣмъ, напримѣръ, попасть въ китайскіе императоры. Я объ этомъ и не думаю, и не думалъ никогда.

— А я думала. И вдругъ я, Петя, выигрываю сто тысячъ!

— Пустяки, милая...

— А вдругъ? Почемъ знать! Или ты выигрываешь...

— Разумѣется, невѣроятнаго ничего нѣтъ... долженъ же кто-нибудь выиграть сто тысячъ.

— Ну, вотъ видишь.

— По теоріи случайностей, говорятъ, и утопленникъ можетъ на висѣлицу попасть...

— И знаешь, Петя, мнѣ почему-то кажется, что ты непремѣнно сто тысячъ выиграешь...

— Ахъ, Юличка, ты такъ добра ко мнѣ, что никакихъ денегъ для меня не жалѣешь.

— Да что жъ мнѣ чужія деньги жалѣть? И я была бы очень довольна, если бъ ихъ выигралъ ты.

— А я, наоборотъ, очень желаю, чтобъ ты выиграла... въ сущности, это одно и то же, что ты выиграешь, что я, но, все-таки... какъ бы тебѣ сказать... даже фортуна должна отдать предпочтеніе дамамъ...

— А вотъ увидишь, что ты выиграешь...

— Не отказался бы... такихъ дураковъ на свѣтѣ больше нѣтъ.

— Петя, а что бы ты сдѣлалъ, если бы дѣйствительно сто тысячъ выигралъ?

— Я? О-о-о! Много можно на эти деньги сдѣлать, Юличка.

— Ну, что именно?

— Я? Во-первыхъ, мы поѣхали бы съ тобой за границу... въ Венецію, Италію и такъ далѣе...

— А въ Парижъ?

— Обязательно, мой дружочекъ! Знаешь, мнѣ кажется, что мы бы съ тобой и въ Чикаго на выставку махнули, а?

— Боюсь я, Петя, морской качки.

— Пустяки, Юличка, покачаетъ, покачаетъ, да и перестанетъ. Въ Америку непремѣнно поѣдемъ, тамъ и Эдиссонъ, и этотъ, какъ его, бѣса, забылъ! Ну, да это все равно, а потомъ, пріѣхавъ въ Россію, покупаю дачу на берегу Чернаго моря и переселяюсь туда.

— Какъ? Значитъ, мы въ Москвѣ не станемъ жить?

— Но, что такое Москва, Юличка? Большая деревня, какъ говорятъ, и больше ничего.

— Ну, какъ же, Петя, у меня тутъ и родные, и знакомые, а тамъ... тамъ и людей-то никакихъ нѣтъ.

— За то климатъ-то, климатъ-то, Юличка, а фрукты-то... сидишь на террасѣ и вдругъ тебѣ прямо въ ротъ виноградъ лѣзетъ.

— Нѣтъ, Петя, я ни за что не поѣду, тутъ и мамаша, и папаша...

— То-есть, какъ же ты это не поѣдешь? Разъ ѣдетъ мужъ, жена должна слѣдовать за нимъ.

— А я все-таки не поѣду.

— Ну, и глупо!.. Я теперь вижу, какъ ты меня любишь... тебѣ нужны родные, знакомые, а мужъ для тебя тьфу! и больше ничего!..

— Ахъ, Петя, зачѣмъ ты такъ говоришь?

— Я говорю это на основаніи твоихъ словъ! Не поѣду! Во-первыхъ, по нашимъ законамъ, можно жену и по этапу вытребовать.

— Меня по этапу? Мерси!

— Юличка, милая! Но ты пойми мое положеніе... Я иначе не могу поступить... ты не ѣдешь, слѣдовательно, я долженъ принять мѣры.

— Мерси! Мерси!

— Юличка, ты сердишься? Да? Ну, конечно, сердишься!.. Надула губки, и глазки покраснѣли... ну, не надо, не стану покупать дачу на берегу Чернаго моря, чортъ съ ней! Купимъ гдѣ-нибудь подъ Москвой.

— И знаешь, Петя, всего удобнѣе по Курской желѣзной дорогѣ.

— Отлично, купимъ по Курской. Это, дѣйствительно, лучше будетъ, по крайней мѣрѣ, въ праздникъ все-таки кто-нибудь да пріѣдетъ, а въ Черное море какого дурака затащишь? Рѣшено: покупаю дачу подъ Москвой. Впрочемъ, вѣроятнѣе всего, что я ничего не выиграю.

— А у меня есть какое-то предчувствіе, Петя.

— Можетъ-быть, ты и выиграешь, Юличка... отъ души желаю... А интересно, какъ ты распорядишься выигрышемъ.

— Очень просто, милый. Во-первыхъ, двадцать пять тысячъ отдаю въ твое распоряженіе...

— Только двадцать пять тысячъ?— улыбнулся баринъ.

— Ну, тридцать... а остальныя... остальныя куда хочу, туда и дѣну...

— И очень глупо... мужу тридцать тысячъ, а неизвѣстно—семьдесятъ!

— Почему ты знаешь, что я ихъ неизвѣстно куда дѣну?

— Разумѣется, неизвѣстно куда! Развѣ женщины умѣютъ деньгами распоряжаться? Никогда! Нашьютъ себѣ тряпокъ, накупятъ разной ерунды...

— Это ужъ мое дѣло.

— И вовсе не твое... у мужа съ женой должно быть все общее.

— Извините-съ, я билетъ купила на свои деньги.

— Все равно. Мужъ—глава.

— Былъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, и, слава Богу, это глупое время прошло.

— Ты ошибаешься. Жена до сихъ поръ подчинена мужу... и вы безъ моего позволенія не имѣете права истратить рубля, иначе я потребую опеку.

— Ахъ, да! Вы вотъ какъ заговорили!.. Но, позвольте-съ, дачу на Черномъ морѣ вы покупаете безъ моего согласія, а я не могу распорядиться своими деньгами безъ вашего позволенія?

— Отъ этой дачи я отказался, извините-съ!

— Все равно, хотѣли купить.

— Я и вы — разница большая. Я мужчина, а вы—женщина, ничто, нуль! Понимаете? Нуль!

— И прекрасно; если такъ, то я вамъ изъ ста тысячъ ни гроша ни дамъ.

— Это мы увидимъ....

— Ни копейки! Мужъ, который грозитъ женѣ и этапомъ, и Домостроемъ—просто дрянь и больше ничего!

— Я дрянь? Я? Нѣтъ-съ, это вы дрянь, да-съ! Вы думаете, я не понимаю, къ чему все это клонится? Отлично понимаю!.. Вы хотите бросить мнѣ подачку и затѣмъ съ остальными деньгами улизнуть съ Иванъ Иванычемъ, который шляется къ намъ чуть не каждый день.

— Я съ Иванъ Иванычемъ? Ахъ, вы глупый человѣкъ!

— Дѣйствительно, я былъ глупъ, но теперь, дудки-съ! Довольно! Я вамъ привяжу хвостъ, милостивая государыня!.. Тридцать тысячъ мужу, а семьдесятъ Ивану Иванычу! Да я ему сегодня же всѣ ноги переломаю!.. Я ему покажу, какъ ко мнѣ въ карманъ залѣзать!

— Петръ Ивановичъ, вы послѣ этого просто оселъ и невѣжа!

— А вы... вы—дрянь и пѣтая дура!... Мужу тридцать тысячъ! Чортъ знаетъ что такое! Вѣдь это грабежъ, милостивая государыня!

— Ахъ! Ахъ!.. Воды, мнѣ дурно... дурно! — упала барыня на стулъ.

— Авдотья! Авдотья! — заметался баринъ по комнатѣ.—Авдотья-а-а!.. Тьфу! И эта сбѣжала!..

Баринъ схватился за голову и бросился въ кухню.

Мужикъ.

Изъ воротъ большого дома вышла молодая барыня въ шляпкѣ и ротондѣ, въ сопровожденіи господина, у котораго въ рукахъ красовался бѣлый картонъ. Въ картонѣ несомнѣнно обрѣтался пирогъ, такъ какъ на крышкѣ его крупными буквами было напечатано: «Кондитерская Трамбле».

Вышедши изъ воротъ, барыня съ господиномъ остановились и посмотрѣли вдоль улицы. По улицѣ и ѣхалъ, и шелъ народъ. У ближайшаго фонаря стоялъ извозчикъ и предлагалъ услуги проходившимъ.

— Извозчикъ!—крикнулъ господинъ съ пирогомъ,—извозчикъ!

— Да хороша-ль еще у него лошадь, Миша!—замѣтила барыня, всматриваясь пристально въ фигуру сѣраго пегаса, широко разставившаго неуклюжія ноги и поминутно дергавшаго заиндевѣвшею отъ мороза мордой.

— Ну, гдѣ жъ теперь, матушка, другого взять! Видишь, ни одного извозчика нѣтъ!

— Пройдемъ немного, можетъ, лучше встрѣтится...

— Всѣ извозчики теперь одинаковы... зимники... Извозчикъ! Что ты оглохъ, что-ль?— крикнулъ господинъ съ пирогомъ, подвигаясь къ танцовавшему по тротуару извозчику.

— Подавать, что-ль?—крикнулъ тотъ, услыхавъ зовъ.

— Подавай... Кричу дураку, а онъ ни съ мѣста...

— Сію минуту!.. Нно ты... деревенщина!—вытянулъ онъ вожжами сѣраго, вскочивъ въ санки.

«Деревенщина» мотнула мордой и вихремъ полетѣла по улицѣ.

— Куда ты, дуралей? Стой! — крикнулъ ему господинъ.—Переѣхалъ!.. Видишь, какая лошадь прыткая!..

— Да вѣдь они, Миша, всегда такъ: съ мѣста возьмутъ рысью, а потомъ и пойдутъ трусить, словно кислое молоко везутъ.

— Нѣтъ, эта, кажется, не изъ такихъ, а?

— А кто ее знаетъ... другого, вонъ, извозчика-то нѣтъ, а то бы... Нанимай ужъ...

— Куда прикажете, господинъ? — подлетѣлъ въ это время извозчикъ, съ усиліемъ направляя своего сѣраго къ сѣдокамъ.—Ну, кобенься! Вотъ я-те кнутомъ вытяну!.. тпру!.. Пожалуйте...

— На Донскую улицу... что возьмешь?—прицѣнилась барыня.

— Положьте полтинникъ, хорошо будетъ...

— Тридцать копеекъ.

— Ахъ, барыня! Да рази возможно за такую цѣну?.. Сорокъ пять, прикажите.

— Тридцать пять!

— Сорокъ! Ей-ей, хорошо будетъ!

— А ты бери, что тебѣ даютъ...

— Невозможно-съ... помилуйте, экая даль... не жалѣйте ужъ пятачка-то...

— А хорошо поѣдешь?—справился господинъ съ пирогомъ.

— Да ужъ будьте покойны... въ минуту доставимъ... Тпру, нескладная! Что ты морду-то на барыню воротишь, аль шляпа понравилась?

— Скоро поѣдешь?—допытывалась барыня.

— Извѣстно, какъ скоро, такъ сейчасъ... не жалѣйте пятачка-то, господинъ!

— Дѣло не въ пятачкѣ... сядешь, а ты и поѣдешь шагомъ.

— Зачѣмъ же шагомъ, господинъ?.. Ахъ какой вы, сударь, сумнительный... лошадь хорошая...

— Хорошая, а ребра-то у ней пензенскія...

— Зачѣмъ пензенскія?.. Самая настоящая рязанская, кособрюхая... Стой, лѣшій нескладный!

— Миша, садиться, что ли?—спросила барыня у господина.

— Садись... главное, ни одного извозчика не видать... авось доѣдемъ...

— Будьте покойны, въ лучшемъ видѣ доставимъ... Пожалте!..

Барыня сѣла, сѣлъ и господинъ, поставивъ себѣ на колѣни пирогъ.

— Трогать, что ли?—справился возница.

— Трогай!..

— Нно, деревенщина!..

Извозчикъ передернулъ вожжами и, выхвативъ изъ передка кнутъ, всыпалъ, въ видѣ задатка, своей деревенщинѣ нѣсколько ударовъ. «Деревенщина» брыкнула задомъ и понеслась по улицѣ.

— Тише, дуракъ!—завизжала барыня,—того гляди на кого-нибудь налетишь.

— Авось, Богъ милостивъ... я те, пучеглазая, косись на кнутъ-то...

— Тише, тебѣ говорятъ...

— Тише!—заоралъ и господинъ,—чуть-чуть было пирогъ не потерялъ...

— Ничего-съ, она обойдется-съ... мужикъ-съ, порядковъ здѣшнихъ не знаетъ...

— Какой мужикъ порядковъ не знаетъ? Ты, что ли?

— Лошадка, стало быть... вчерашняго числа только изъ деревни привели...

— Изъ деревни?

— Такъ точно-съ. Зять привелъ. Лошаденка первой сортъ... извѣстно, только безъ образованія...

— Тише, тише...

— Тпру!.. Не остановишь никакъ ирода... претъ, деревня, напроломъ... Тпру!

Извозчикъ задѣлъ за чьи-то сани.

— Тише, болванъ! — завизжала барыня, — я чуть-чуть было не вылетѣла вонъ...

— А вы за кушакъ мой придержитесь... Тпру!.. Тпру!...

Лошадь остановилась, какъ вкопанная, и зафыркала ноздрями.

Барыня стукнулась лбомъ въ спину извозчика, господинъ низко поклонился всѣмъ встрѣчнымъ.

— Ты чего же это остановился дуракъ этакій?—вспылила барыня.

— Да рази я, барыня? Лошадь! Н-но, н-но! идолъ косматый! Вотъ я-те кнутомъ вытяну...

Кнутъ подѣйствовалъ. «Косматый идолъ» шаркнулъ во всю свою деревенскую мочь и чуть не свалилъ какого-то переходившаго черезъ улицу барина.

— Вотъ я тебя въ полицію отправлю, негодяя!—донеслось до сѣдоковъ.

— Тише, тише!

— Ничего, барыня, обойдется... извѣстно прямо изъ деревни, ну, и лупитъ, ни на что не взирая... Тпру, тпру!

— Тише, задавишь еще...

— Зачѣмъ давить! Конечно, на всякъ часъ не убережешься, подвернется который ежели, такъ живымъ манеромъ подъ сани подгребешь. Тпру, тпру!..

— Поѣзжай рысцой, тебѣ говорятъ.

— Слушаю-съ... тпру... и требовать-то, господинъ, сичасъ отъ нея ничего нельзя,—мужикъ-съ. Акромя деревни никакого настоящаго свѣту не видала, все ей въ диковинку... авчира конку увидала, такъ на ее на манеръ столбняка нашло, цѣльный часъ съ мѣста сдвинуть не могли.

— Смотри, понесетъ еще она у тебя и насъ разобьетъ...

— Куда ей нести! Этакому лопоухому лѣшему и въ голову такая умственность не придетъ... Тпру, тпру!.. Я те побрыкаюсь.

— Отчего она у тебя брыкается?

— Съ воли пришла, ну, и не понимаетъ, значитъ, обхожденія. Вы сичасъ нашего брата возьмите... какъ попалъ мужикъ въ Москву... Тпру, куда те лѣшаго несетъ?

— Миша, да она изъ стороны въ сторону мечется, словно кошка угорѣлая.

— Это она, барыня, городового испугалась.

— Какого городового?

— А вотъ что проѣхали... у насъ въ деревнѣ-то начальство безъ пуговицъ, ну, ей и въ диковину, страхъ тоже наблюдаетъ.

— Держи ты ее, пожалуйста, она на тумбу наѣдетъ.

— Будьте покойны.

— Да какъ тутъ быть покойной, она изъ стороны въ сторону бросается.

— Говорю, къ порядкамъ здѣшнимъ не привыкши,—мужикъ, какъ есть мужикъ!

— Ну, вотъ, опять, держи, тебѣ говорятъ.

— Тпру!.. А это она отъ студента шарахнула, съ пуговицами тоже... Тпру, лѣшій! Тпру!.. Ахъ, въ волостномъ тебя задери!.. Тпру!..

Лошадь шарахнула въ сторону. Сани раскатились и ударились о тумбу. Сѣдоки подскочили, пирогъ соскользнулъ съ колѣнъ и попалъ подъ встрѣчныя сани.

— Стой! Стой, болванъ! Пирогъ потеряли! Пирогъ!

— Тпру! Ахъ, каторжная! Всю сласть растревожила! Тпру!

Лошадь остановилась. Барыня ругала и извозчика и лошадь. Господинъ соскочилъ съ саней, подбѣжалъ къ раздавленному пирогу, посмотрѣлъ на него, плюнулъ и вернулся.

— Весь пирогъ вдрызгъ, Аничка!—доложилъ онъ барынѣ.

— Ахъ, разбойникъ!

— Да при чемъ же я тутъ, барыня? Лошадь такая неподходящая... мужикъ, стало-быть!

— Я тебѣ говорила держи.

— Да держалъ, барыня, то-есть вотъ какъ держалъ... да рази съ этакимъ бѣсомъ сообразишь... претъ!.. Извѣстно, деревня необузданная!

— Миша, возьмемъ другого извозчика... говорила тебѣ, не бери зимняка.

— Да они теперь всѣ зимняки... а ты, дуракъ, правь хорошенько!

— Ахъ, господинъ, ужли я себѣ лиходѣй?.. Вотъ, погодите, чрезъ недѣлю шелковая станетъ.

— Да я съ тобой, съ лѣшимъ, теперь ѣду, а не черезъ недѣлю... за пирогъ три рубля заплачено.

— Этакая сладость и вдругъ... вотъ я те, идола пучеглазаго! — вытянулъ кнутомъ извозчикъ свою лошадь.

— Не стегай ты ее, она отъ этого еще больше въ сторону кидается.

— Надо же ее, господинъ, за пирогъ проучить.

— Тише! Тише!.. Миша, слѣземъ!

— Сиди ужъ... авось какъ-нибудь доѣдемъ.

— Тише, извозчикъ... И какъ это только такихъ дураковъ въ Москву пускаютъ!

— Кормиться-то, барыня, тоже надо... въ деревнѣ-то сичасъ никакой жратвы нѣту... Тпру... тпру, становой тебя задави!

— Тише, дуракъ... вотъ такъ поѣзжай... такъ... Стой! Стой! Куда ты погналъ? Куда?

— Да она, вонъ фуріи испугалась... Тпру!

— Какая тутъ фурія, — загорячился господинъ,—и народу-то никого нѣтъ.

— Фуріи, стало-быть, испугалась, господинъ... вона въ которой небель возютъ... не видала московскихъ видовъ-то, и взбрыкиваетъ.

— Какое тутъ къ дьяволу взбрыкиваніе?.. Просто она несетъ... Держи!

— Тпру! Будьте покойны... это она только съ

мѣста подхватываетъ... съ деревенскаго-то корму много не наиграешь... вотъ она и тише пошла... Ну, перебирай ногами-то!

— Миша, какъ же быть съ пирогомъ-то, а? Мамаша вѣдь обидится.

— Что жъ теперь дѣлать... не другой же покупать.

— Хоть какой-нибудь надо купить.

— Да тутъ и булочныхъ-то что-то не видать... а все изъ-за тебя, изъ-за болвана.

— Изъ-за лошади собственно... мужикъ-съ.

— Да провались ты и съ лошадью-то твоей! Везъ именинницѣ-тещѣ пирогъ и вдругъ...

— А вотъ я ей, баринъ, всыплю за пирогъ-то... У, ты, идолъ ободранный!.. Я те покажу, какое въ Москвѣ съ вашимъ братомъ обхожденіе...

— Не бей ее, дуракъ этакій, опять понесетъ!— завизжала барыня. — Понесла и есть... Миша, держи меня.

— Тише, болванъ...

— Никакъ невозможно безъ ученья... Я те, косматую, уважу!—нахлестывалъ извозчикъ свою лошадь кнутомъ.—Правѣй держи! Эй, ты, кухарочникъ! Перевѣсилъ брюхо-то черезъ передокъ!— крикнулъ онъ пузатому кучеру.

— Лѣвѣй!—оралъ тотъ.

— А ты правѣй держи!

— Тише, тише! Миша, держи меня!

— Тише, тебѣ говорятъ!..

— Будьте покойны... Я те покажу пирогъ съ начинкой... Тпррр... тпррру, тпррру!

Лошадь налетѣла на кучу снѣга, сложеннаго у тротуара; сани накренились и высыпали на мостовую и сѣдоковъ, и извозчика.

— Ахъ, мошенникъ! Да ты что же это дѣлаешь?—кричала барыня, поднимаясь и отряхивая съ ротонды снѣгъ.

— Я тебя, каналья, въ участокъ отправлю!—ревѣлъ господинъ, догоняя катившійся цилиндръ.

— Да я-то тутъ при чемъ? — перевертывалъ сани извозчикъ,—диви бы моя причина тутъ была... лошадь вить... сказалъ... мужикъ, ну, и стало-быть одна полная непріятность...

— Миша, бери другого.

— Барыня, довезу... Это она нонче съ морозу разошлась... Тпррру! Садитесь.

— Садись, матушка... авось доѣдемъ... А ты вотъ что, любезный, если ты ее еще разъ ударишь кнутомъ—въ участокъ отправлю... Слышишь?

— Да будьте покойны, сударь... Тпррру! А насчетъ кнута это вы напрасно... для ндравной лошади кнутъ пользителенъ... Сѣли, что ль? Н-но... подури у меня еще, подури!

— Не бей, сказано тебѣ.

— Да я вожжей ее маненечко... Н-но...

— Извозчикъ!

— Нн-о!

— Извозчикъ, я тебѣ говорю...

— Чего-съ?

14*

— Не передергивай ты ее вожжами, она отъ этого и бросается изъ стороны въ сторону.

— Это отъ вожжи-то? Никакъ нѣтъ. Ндравна, ну, и значитъ норовитъ все въ бокъ, да въ бокъ... къ чужой оглоблѣ, напримѣръ...

— Да куда ты ее, мошенникъ, правишь? — завизжала снова барыня,—видишь, подъ чужую лошадь сани подкатываются...

— А она, барыня, значитъ, это обожаетъ.

— Держи, тебѣ говорятъ, отъѣзжай отъ чужой лошади... Ахъ!

Санки дѣйствительно подкатились подъ «чужую» лошадь и ударили ее по ногамъ. Чужая лошадь споткнулась, мотнула головой и проѣхала всею мордой по шляпкѣ барыни.

— Стой! Шляпка моя... шляпка!—кричала барыня, хватаясь за голову со смятою прической.

— Стой!—кипятился господинъ,—я тебя, мошенника, въ Сибирь законопачу! Стой!

— Тпру, тпру!.. Ахъ, ты, идолъ необразованный! Ай, шляпку, барыня, потеряла?

— А вотъ я тебя за этотъ «ай» къ мировому отправлю. Миша, смялась шляпка то? — справилась она у господина, несшаго въ рукахъ сбитую съ головы барыни шляпку.

— Чуть-чуть... А ты что ее не привяжешь какъ слѣдуетъ?

— Да вѣдь лошадь мордой сбила, дуракъ ты этакій! Нанялъ тоже дурака.

— Сама нанимала.

— Нѣтъ, врешь, ты нанималъ... дуракъ, дуракъ и есть!

— Сама дура! Надѣваетъ всегда шляпки и не привязываетъ... дунетъ вѣтеръ, шляпки и нѣтъ.

— Это правильно,—согласился извозчикъ, повертывая свою рожу къ сѣдокамъ.—Мода, чтобы ей подохнуть!

— Съ тобой, съ дуракомъ, не говорятъ!—кипятилась барыня.—Мужикъ! Неучъ! Болванъ!

— Нно-о! И барыни же въ Москвѣ .. то-ись изъ ничего облаять готовы. Нно-о! Чего глаза-то на бочку таращишь? Ай въ Мытищи захотѣла?

— Держи правѣй, куда ты къ тротуару-то жмешься, дуралей?

— Бочка, барыня... Но, но, я те покошусь... Тпру, тпру, тпру!

— Опять понесла!.. Миша, держи меня!

— Держи лошадь, болванъ! Держи, тебѣ говорятъ...

— Тпру, косматая!.. Тпру!.. Вотъ идолъ-то... жида испугалась!.. Диви бы начальство какое, а то—жидъ!

— Держи, рракалія!

— Да держу, баринъ... тпру... И чего она въ эвтомъ жидѣ нашла?.. Тпру!..

— Натяни вожжи, натяни, тебѣ говорятъ.

— Тпру!..

— Миша, держи меня!

— Натягивай вожжи, мошенникъ... Ты куда

воротишь ее?.. Куда, разбойникъ? На тротуаръ вѣдь лѣзешь...

— Одна вожжа лопнула... тпру, тпру... стало-быть, мужикъ...

Извозчикъ не договорилъ. Лошаденка, влетѣвъ на тротуаръ, со всего размаха въѣхала оглоблями и мордой въ окно магазина. Раздался трескъ и звонъ.

Изъ магазина и съ улицы сбѣжался народъ и окружилъ путешественниковъ.

— Тащи ихъ всѣхъ въ участокъ! — оралъ хозяинъ магазина.—Городовой! Городовой!..

Барыня перебранивалась съ господиномъ, извозчикъ дубасилъ кулакомъ по мордѣ лошади.

Къ мѣсту происшествія спѣшилъ городовой...

Дачу нанимать ѣдутъ.

— Вы, стрекозы, проснулись, что ли? — стучался утромъ въ спальню дочерей отставной чиновникъ и домовладѣлецъ Николай Петровичъ Индюковъ.

Въ спальнѣ дѣвицъ царствовало молчаніе. «Глава» провелъ нервно рукой по лысой головѣ, запахнулъ полу халата и снова забарабанилъ.

— Синьоры съ Гороховаго поля, продерите свои заспанныя оченьки!.. Таня! Ната! Сони вы безпутныя!—взывалъ онъ, гремя дверной ручкой.

— А? Что? Кто тутъ?—раздались въ спальнѣ хриплыя отъ сна сопрано.

— Я!.. Отецъ вашъ и владыка... Поняли? Вставайте!..

— Ахъ, оставьте насъ пожалуйста въ покоѣ... что мы вамъ мѣшаемъ? Встаете сами съ пѣтухами и съ досады всѣхъ будите...

— Да развѣ можно спать до этихъ поръ, донны вы ошалѣлыя? Половина двѣнадцатаго давно, а онѣ еще не отхрюкались какъ слѣдуетъ...

— Очень милыя выраженія... Гдѣ вы ихъ только подбираете?..

— Мадмуазели, молчать!.. Извольте вставать безъ разговоровъ и одѣваться... по двѣнадцати часовъ въ сутки, извольте радоваться, дрыхнуть изволятъ! Да что вы—замоскворѣцкія купчихи, что ли?

— Ахъ, отстаньте ради Бога! Стоятъ надъ ухомъ и звонятъ!.. Проснулись, ну, и уходите!

— Проснулись! Я и безъ васъ вижу, что проснулись!... Но какъ можно по двѣнадцати часовъ въ сутки спать, я васъ спрашиваю? Вы знаете, что отъ долгаго спанья выйти можетъ?..

— Знаемъ!

— Что-съ?

— Больше хорошихъ сновъ увидимъ!

— Вотъ и врете!.. Въ пансіонахъ учились, а физіологіи не знаете!.. Ожирѣть можете... Понимаете? А я этого вовсе не желаю-съ... мнѣ и такъ ужъ смѣются, что я васъ словно на убой раскармливаю...

— Господи!.. Да уйдете ли вы, папаша? русскимъ языкомъ говорятъ вамъ, что встаемъ и одѣваемся...

— А я вамъ по-французски говорю, чтобы у меня plus vite было... Слышали? У меня идея въ головѣ, а вы до двѣнадцати носомъ свистите... Встали?

— Да встали же, встали... слышите, умываемся.

— То-то!.. Васъ не разбуди, такъ вы до обѣда проспите!.. Дуня!.. Дуня-я-я!.. Евдокія изъ сельца Вымиралова!.. Дитя природы!...

— Здѣсь я, баринъ, здѣсь!—выскочила откуда-то смазливая горничная, гремя новымъ ситцевымъ платьемъ.

— Здѣсь, здѣсь, а самое и нѣтъ! Ухъ ты, таракашка черноглазая!.. У воротъ торчала?

— Въ такую-то погоду у воротъ! Дождикъ безперечь льетъ, и вдругъ я у воротъ стану...

— Бестія ты, моя милая, а по сему я тебѣ не вѣрю... знаешь, что барыня съ барышнями до двѣнадцати часовъ спятъ, ну, и... Это что у тебя въ карманѣ отдулось? Орѣхи?

— Орѣхи-съ...

— Сюрпризъ и презентъ генеральскаго лакея?

— Ей Богу, баринъ, на свои купила... мы процентовъ ни отъ кого не беремъ...

— То-то!.. У меня чтобъ никакихъ орѣховыхъ шашней не было! Слышишь? Ежели я чуть что замѣчу, сейчасъ же ассигнацію въ зубы и въ руки адресный съ подписью: «жила была у меня Евдокея, понравились ей орѣхи лакея, а посему мною и уволена». Поняла? Барыня встала?

— Встаетъ-съ!.. Больше ничего-съ? Пойду барышневъ одѣвать!..

— Погоди!.. Сапоги мнѣ вычистила?

— Вычистила-съ... и одежу тоже-съ...

— Платье, а не одежу, деревенщина черноземныхъ губерній!..

— И чудные вы, баринъ! — хихикнула горничная: — платье-то, чай, женщины носятъ, а вы какой ни на есть, а все жъ таки мужчина...

— Пошла вонъ, дура!.. Скажите пожалуйста! Ужасная дура! — разсуждалъ Индюковъ, направляясь къ спальнѣ жены: — Матрона, изволили встать? — справился онъ, остановившись у дверей.

— Во-первыхъ, я не матрона, Николай Петровичъ!.. — раздался за дверью сердитый контральто.

— А кто же съ?

— Ваша жена, господинъ Балакиревъ, а зовутъ меня, если вы забыли, Аполлинаріей Сергѣевной!..

— Пардонъ!.. Я и забылъ совсѣмъ, что вамъ изъ римской исторіи всегда нули съ единицами ставили!..

— Вы думаете, это очень остроумно? Глупо и только!..

— Совершенно съ вами согласенъ, вы остроумнѣе, а посему и прошу васъ, умница, скорѣе совершить свой утренній намазъ...

— Вы вѣчно съ дерзостями... не радуйтесь, впрочемъ: я къ нимъ привыкла!..

— Охотно вѣрю... говорятъ же, что умная собака къ самой здоровой палкѣ привыкаетъ: ее бьютъ, а она все тутъ!..

— Уйдете вы отъ меня, или нѣтъ? Что вамъ нужно, скажите Бога ради!..

— Я собственно для вашего пробужденія... я

замѣтилъ, что чѣмъ больше дамы спятъ, тѣмъ имъ больше спать хочется, и рѣшилъ пресѣчь...

— Видите, что я встала? Видите же?

— Хотя и не вижу, но по тону вашего божественнаго голоса слышу, что...

— Ну, и уйдите прочь!..

— Уйду, но все же замѣчу, что спать до двѣнадцати часовъ безнравственно...

— Что-о-о?

— Безнравственно-съ! Вы вотъ спите, а ваша горничная въ это время у сосѣднихъ лакеевъ орѣхи выманиваетъ... нехорошо-съ!..

— Да отстанете ли вы съ своими глупыми шутками? Вѣдь это просто наказаніе...

— Всякая мать, моя несравненная, которая не подаетъ своимъ дочерямъ благихъ примѣровъ, — должна нести наказаніе... хорошій примѣръ вы даете, нечего сказать: спите до двѣнадцати самымъ безсовѣстнымъ образомъ и въ результатѣ – орѣховая скорлупа по всѣмъ комнатамъ!.. Кто ее убирать станетъ, позвольте васъ спросить?

— Господи! И каждый Божій день такъ-то. Стучитъ, будитъ и звонитъ надъ ухомъ, звонитъ безъ конца.

— Что же мнѣ дѣлать, ежели я въ шесть утра просыпаюсь, скажите пожалуйста? Пять разъ чаю напьешься, семь разъ горничную обругаешь— опротивѣетъ, по неволѣ за васъ возьмешься!

— Очень умно, а главное—откровенно.

— Ангелъ мой! Поставь ты себя на мое мѣсто! Абсолютно, вѣдь, дѣлать нечего, а вы спите! Вѣдь этакъ я съ тоски пропасть могу! Сидишь скворцомъ въ клѣткѣ и вокругъ тебя одинъ только дамскій храпъ разливается: въ одномъ углу свистятъ, въ другомъ подсвистываютъ, въ третьемъ волторной гудятъ. Остается одно: взять въ руки половую щетку и дирижировать... Да что я вамъ Іоганнъ Штраусъ, что ли, позвольте васъ спросить?

— Да замолчите вы, Христа ради! Отъ вашихъ разговоровъ, ей Богу, съ ума сойдешь!

— Буду очень радъ... по крайней мѣрѣ свезу васъ въ сумасшедшій домъ и водворю порядокъ...

— Такъ у меня, по вашему мнѣнію, порядка въ домѣ нѣтъ?

— Нѣту-съ! Просто хоть за варягами посылай...

— За кѣмъ?

— За ва-ря-га-ми-съ... Поняли?

— За вашей роденькой, значитъ? Мерси.

— За роденькой! Вотъ если бы васъ въ пансіонѣ сѣкли за исторію, тогда бы и варяговъ знали... Вы скоро кончите свою живопись?

— Тьфу, просто всякое ангельское терпѣніе съ вами лопнетъ... вотъ она я, вотъ!—выскочила изъ спальни мадамъ Индюкова: — что вамъ отъ меня угодно?

— Доброе утро, монъ анжъ! Лѣвая бровь у тебя короче правой—вернись и дорисуй!

— Уйдите вы отъ меня, Бога ради!—бросилась въ сторону супруга: — вы видно успѣли уже позавтракать!—прошипѣла она, ехидно улыбаясь.

— Ну, не сердись, мамусенька! Натощакъ сердиться вредно... сытому можно, потому что помогаетъ пищеваренію. Кофе давно на столѣ, вашу ручку!

— Я и безъ васъ найду дорогу! Дѣти, идите кофе пить!

— Идемъ, мамочка!—показались въ дверяхъ двѣ пухлыя дѣвицы съ заспанными глазками:— добраго утра! Добраго утра, папочка!—трещали онѣ проходя въ столовую:— ай, какая скверная погода! И что вамъ нужно было, папаша, насъ будить, ей Богу! Спали бы себѣ и не видали такой скверной погоды...

— Умно, дурочки мои, очень умно...

— Самъ не спитъ и никому спать не даетъ!—хлопала нервно крышкой кофейника мадамъ Индюкова: — это не только невѣжливо, просто подло съ вашей стороны!

— Позвольте! Взгляните на часы и тогда уже казните... Двѣнадцать есть?

— Да хоть тринадцать бы было, вамъ что за дѣло? Вѣдъ не вы спите до этихъ поръ? Не вы?..

— Позвольте, позвольте... да я-то что же по вашему, такое? А? Крѣпостной вашъ? Прикажете сидѣть надъ вами, да мухъ отгонять? Дудки-съ! Такихъ безпорядковъ я въ своемъ домѣ терпѣть

не могу! Я говорилъ вамъ это тысячу разъ и всегда буду будить васъ въ одиннадцать! Поняли? Теперь налейте мнѣ стаканъ кофе, я васъ прошу только покрѣпче. Вуаля, въ самый разъ! Мерси! А гдѣ Петя?

— Спитъ, разумѣется...

— Примѣръ матери семейства, разумѣется. Мальчикъ въ десять лѣтъ и спитъ какъ институтка. Что изъ него выйдетъ послѣ такого воспитанія? Сонная баба, рохля, тряпка... Дуня-я! Разбуди «спящее дитя при восходѣ солнца», кажется, такая картина на выставкѣ есть. Но дѣло не въ этомъ, дѣти мои: Петя проснется, обругаетъ спросонья Евдокію «дурой» и встанетъ... словомъ, продѣлаетъ тоже самое, что и вы...

— Папочка, вы опять до своего конька добрались?

— И не слѣзу съ него до тѣхъ поръ, синьорины, пока вы не пріучитесь вставать въ десять часовъ... но дѣло не въ этомъ... пребывая въ горькомъ одиночествѣ среди спящаго царства, мнѣ неожиданно пришла въ голову блестящая мысль, которую я рѣшилъ привести въ исполненіе сегодня же, послѣ завтрака...

— У васъ каждое утро являются дикія мысли...

— Это съ вашей точки зрѣнія, потому что отъ продолжительнаго спанья вы изволили ослѣпнуть... и такъ, къ дѣлу... Мамусенька! подложи мнѣ въ кофе сахару... отъ вашихъ кислыхъ физіономій кофе потерялъ свою сладость... Мерси!

на дняхъ, милостивыя государыни, вы вызудили у меня на дачу двѣсти рублей...

— Какое милое выраженіе! Вы-ызудили!..

— Фигуральное-съ!.. Неловко же вамъ сказать: вытащили... содрали... стянули!.. Вызудили, по-моему, очень деликатное и вмѣстѣ съ тѣмъ игривое выраженіе... и такъ, милыя мои, двѣсти рублей вы у меня вызудить-то вызудили, а дачи до сихъ поръ не наняли... и я увѣренъ, что вы не наймете до тѣхъ поръ, пока я самъ не найду...

— Но помилуй, когда же было нанимать... погода все время преотвратительная...

— Прекрасно-съ! Поэтому я и рѣшилъ, ѣхать сегодня, сейчасъ же и покончить вопросъ о дачѣ...

— Что-о? Да ты съ ума сошелъ? На дворѣ проливной дождь!..—протестовала супруга:—это Богъ знаетъ что такое!

— Папочка, вы нездоровы... перекреститесь!— подлаживали мамашѣ дочки.

— Самая настоящая погода для того, чтобъ выбрать хорошую дачу!.. Что вы ротъ-то разинули? Я говорю дѣло! Въ дождикъ-то и выбирать... сейчасъ увидишь, что берешь: дачу, или бабье рѣшето! Это рѣшено: ѣдемъ сейчасъ же!..

— Николай Петровичъ!

— Протестовъ не принимаю, Аполлинарія Сергѣевна! Помилуйте: выбираютъ всегда такую дачу, на которой собака жить не станетъ...

— Но погода... ты посмотри въ окно: дождь льетъ какъ изъ ведра...

— Тѣмъ лучше-съ! Чѣмъ сильнѣе дождь, тѣмъ больше шансовъ нанять хорошую дачу... Вы въ прошломъ году въ хорошую погоду дачу наняли, что жъ вышло, позвольте васъ спросить? Я схватилъ, благодаря вашей сквозной дачѣ, семь флюсовъ... три ревматизма... пятнадцать зубныхъ болей, отъ которыхъ долженъ былъ вытащить восемь зубовъ и заплатить за вставные Депре восемьдесятъ два рубля съ хвостикомъ... а аптека, а доктора... вѣдь вы мнѣ дачу-то въ пятьсотъ рублей вогнали-съ, сороки вы крутобокія!

— Николай Петровичъ!

— Что тутъ Николай Петровичъ, я дѣло говорю-съ!.. Да еще у такого пьяницы мужика сняли, что какъ вечеръ—онъ караулъ орать начинаетъ!.. Пріятная музыка за пятьсотъ рублей, нечего сказать! Довольно-съ: я рѣшилъ на сей разъ нанять дачу самъ и въ проливной дождь... и найму... дождь лупитъ, слѣдовательно мы ѣдемъ...

— Папочка, вѣдь мы измокнемъ всѣ...

— Это въ каретѣ-то!.. Какъ всѣ женщины глупы, а мои въ особенности, такъ это удивительно даже, ей Богу!.. Собирайтесь... Мы пока позавтракаемъ, а Евдокія сбѣгаетъ къ извозчику за каретой. Евдокія!.. Авдотья-я! Орѣховая скорлупа!..

— Господи!.. Николай Петровичъ, неужель у тебя такъ загорѣлось...

— Загорѣлось, дрожайшая, и никакой проливной дождь залить мой пожаръ не въ состояніи... Евдокія-я!

— Тьфу!

— Плюнь, мамусенька! Я всегда плюю, когда ничего больше дѣлать не остается...

— Хорошо, мы поѣдемъ...

— Мерси за согласіе, котораго я не просилъ...

— Но только съ тѣмъ, чтобъ опять снять дачу въ Давыдковѣ...

— Для меня, монъ анжъ, безразлично, а для васъ, мнѣ кажется, и подавно... спать-то все равно до двѣнадцати будете, если я позволю... Евдокія!.. Ты гдѣ жъ это провалилась? Опять по орѣхи пошла? Смотри, бестія, оскомину набьешь!..

— Я въ куфнѣ-съ... Къ завтраку приготовляю...

— То-то въ куфнѣ-съ!.. Куфня-то у тебя, я вижу, съ баками по двору бѣгаетъ!... Стой! Завтракать безъ тебя соберутъ!.. Возьми сейчасъ въ зубы хвостъ и лупи...

— Папочка, нельзя ли безъ хвостовъ...

— Да вѣдь грязно теперь, ду-урочка! Сами же говорите, что дождь идетъ!.. Евдокія! Слушай, что я тебѣ говорю: лупи сейчасъ къ извозчику... Знаешь извозчика, что въ сосѣднемъ переулкѣ живетъ?

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ...

— А лакея генеральскаго знаешь? А?

— Баринъ! Да Господь съ вами...

— Господь всегда со мной, а вотъ тебѣ за эти лакейскіе орѣхи попадетъ когда-нибудь на орѣхи! Стой!.. Придешь ты въ сосѣдній переулокъ и спросишь: гдѣ, молъ, тутъ орѣхи... тьфу! гдѣ, молъ, тутъ извозчикъ экипажи на прокатъ отпускаетъ... Поняла?

— Найду-съ!

— Взойди къ этому извозчику и найми до вечера четырехмѣстную карету... Слышишь? Возьми попросторнѣе и приличной физіономіи... Поняла?

— Хорошую возьму-съ, будьте покойны...

— Чтобъ ни дыръ, ни щелей никакихъ... а то я ѣздилъ какъ-то въ такой каретѣ, что апельсинъ въ щелку пролѣзалъ... а главное, чтобъ лошади были и не клячи, и не хромыя... вообще не изъ погребальной процессіи...

— Слушаю-съ... изъ-подъ фатакалку не возьму-съ...

— Изъ-подъ катафалка, черноземъ глупый!.. Не особенно чтобъ рѣзвыя были, но и такихъ не бери, которыя съ мѣста только отъ полѣна трогаются... да скажи хозяину, чтобъ кучеръ былъ вѣжливый и трезвый... Понимаешь?.. Скажи, что, молъ, у меня баринъ статскій совѣтникъ, и если чуть что не такъ — за карету ни шиша не заплатитъ!... Поняла?

— Все какъ есть до капельки, баринъ...

— Стой! А главное, ему, мошеннику, больше

пяти рублей не давай... Слышишь? Если четыре возьметъ, — сердиться не стану... пошла вонъ!..

Горничная скрылась. Индюковъ зашлепалъ туфлями въ свой кабинетъ.

— Заплата моего сердца, Аполлинарія Сергѣевна!—кричалъ онъ, натягивая сапоги.

— Что тебѣ надо? Дай ты хоть минуту покоя своему языку...

— Онъ у меня умный, монъ анжъ, какъ устанетъ, самъ замолчитъ... не то, что вашъ: и говорить не хочется, а все трещитъ!.. Ужасное положеніе быть женскимъ языкомъ... Ни за что бы я не согласился исправлять его должность! Завтракъ приготовляется?

— Разумѣется...

— И я приготовляюсь... Не забудьте взять съ собою чаю, сахару и мой дождевой зонтъ... Кажется, больше брать нечего?

— Николай Петровичъ, Петя, разумѣется, съ нами поѣдетъ?

— Это вмѣсто печенья, что ли? Мерси, пусть останется дома...

— Но вѣдь онъ будетъ плакать одинъ...

— Пусть Евдокію пригласитъ для компаніи, но брать его съ собою не желаю... скверный мальчишка и баловникъ... да-съ... и это все плоды вашего воспитанія... Господи! Если счесть, сколько я за перебитыхъ имъ чужихъ куръ денегъ переплатилъ—цѣлый Охотный рядъ можно было бы купить...

— Но вѣдь это было годъ тому назадъ, теперь онъ много сталъ умнѣе...

— Совершенно съ вами согласенъ: не далѣе, какъ третьяго дня у забѣглой кошки хвостъ выдернулъ... замѣчательно, каналья, развивается!.. Если такъ дальше пойдетъ—черезъ годъ до собакъ доберется... не желаю-съ, а посему умница мальчикъ останется дома!.. Вы лучше вмѣсто него коньяку возьмите! Пожалуйте, монъ анжъ, завтракать!.. Дѣвицы! Куриная формація! Идите и поклюйте!..

Спустя полчаса явилась и карета съ горничной.

— Черноземъ! – кричалъ Индюковъ, пережевывая кусокъ пирога:—привела карету? Хороша? Крѣпка ли? Ты знаешь, сколько пудовъ въ нее ввалится? Поди спроси у кучера, выдержитъ ли дно кареты тридцать пудовъ!

— Николай Петровичъ, да перестанешь ли ты глупости говорить?

— Не перестану - съ, ибо пѣшкомъ ѣхать не желаю!.. Ученъ и не однажды... Въ 73 году двѣ версты въ каретѣ бѣжалъ, въ 79 — цѣлыхъ четыре, потому что, на мое счастье, лошади взбѣсились и несли четыре версты... Вы развѣ забыли, что послѣ этой бѣшеной скачки я цѣлый мѣсяцъ въ постелѣ лежалъ? Дитя природы!.. Евдокія! Справилась?

— Справлялась, баринъ, говоритъ, что не токма, что тридцать — сто пудовъ выдержитъ...

— То то!.. А если провалится — я на немъ

верхомъ поѣду, такъ и скажи ему... Слышишь? Лошади здоровыя?

— Одна, лишь, по осени хворала...

— О, дура безтолковая!.. На видъ-то крѣпкія лошади?

— Крѣпкія - съ... и бѣгутъ ничего... только правая малость ноги подъ себя подбираетъ... манежно такъ выступаетъ...

— Это пустяки... по крайней мѣрѣ всю дорогу вальсировать будемъ! Монъ анжъ, все взяла? И чай, и коньякъ, и зонтикъ?

— Все, все... Нѣтъ, дождикъ-то, дождикъ-то какой... положительно вы, Николай Петровичъ, съ ума сошли!

— И вамъ того же желаю! Гдѣ мой теплый картузъ съ наушниками? Ангелъ мой, снимите съ гвоздика мою голову съ ушами! Мерси!.. Евдокія! Скорлупа орѣховая!.. Тащи синьоринъ въ карету и укладывай!.. Все взяли? Кажется, все! Дѣти мои, да будетъ надъ вами въ каретѣ крыша безъ протекціи!..

Фамилія Индюкова вышла на крыльцо. Дождь съ присвистомъ жарилъ во всѣ лопатки. Извозчичьи одры переминались съ ноги на ногу, кучеръ смотрѣлъ мокрой курицей.

— Эти не разнесутъ!—прищурился Индюковъ на лошадей,—но и до Давыдкова, пожалуй, не довезутъ... ничего, хорошо и пѣшкомъ версты двѣ прогуляться! Возница, вези ты весь грузъ на Дорогомиловское кладбище!

— Николай Петровичъ!—крикнула изъ кареты мадамъ Индюкова.

— Въ Дорогомиловскую заставу, я хотѣлъ сказать!.. Поставили мы себѣ задачей отправиться за дачей!..

— Nicolas!

— Зафранцузила съ дождя-то... Иду!..

Статскій совѣтникъ вскочилъ въ карету и захлопнулъ дверцу. Клячи дернули и карета покатилась, разбрызгивая во всѣ стороны грязь. Дамы ворчали, проклиная погоду и автора прогулки не во время... Индюковъ хладнокровно насвистывалъ маршъ изъ «Фауста»...

Нанимають.

— Пожалуйте, господа! — говорилъ приземистый дворникъ, въ триковой жакеткѣ, высокому господину въ котелкѣ и маленькой барынѣ, въ модной шляпкѣ, отпирая ключемъ дверь квартиры, на окнахъ которой были приклеены хлѣбнымъ мякишемъ записки: «Оддаеца внаймы, о цене узнать атъ дворнека».

Дверь отворилась. Дворникъ отскочилъ проворно къ сторонкѣ и пропустилъ съемщиковъ. Съемщики вошли въ переднюю и остановились.

— Однако, у васъ тутъ Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ! — зажала носъ барыня, — и карболкой, и дегтемъ...

— Такъ точно, сударыня, езинфекція у насъ во всю пущена! — отвѣтилъ дворникъ, затворяя за собой дверь. — Мы езинфекціи для вашего здоровья жалѣть не согласны!

— Да для чего?

— Для строгости-съ, время сичасъ, сударыня, такое... штрафное время, чуть не докарболилъ, въ одинъ сикундъ пятьсотъ штрафу. Хозяйка

наша кажное утро теперича справки наводить, какъ семь, такъ кличетъ: «Степанъ, поди сюды. Карболки въ фатеры налилъ?» Налилъ,—что жъ мнѣ не лить - то? Не водка, чай, не жалко!— «Много лилъ?»—Много-съ!—«Больше лей!..» Ну, и льешь, потому намъ наплевать, а хозяйкѣ спокойствіе.

— А ты зубы-то, братъ, мнѣ не заговаривай!—замѣтилъ дворнику баринъ,—видно въ этой квартирѣ умеръ кто нибудь отъ заразной болѣзни?

— Ахъ, господинъ! Да у насъ сичасъ во всемъ переулкѣ пятый годъ покойника-то слыхомъ не слыхать, запаху даже, а не токмо что, да при этакой езинфекціи, господинъ, любой покойникъ оживетъ, сичасъ умереть! Что ему помирать-то? Вы пошевелите носомъ-то — эвто что? Рай карболовый! Ни одна микроба не выдержитъ,— подохнетъ!

— А ты и микробу знаешь?

— Помилте, какъ не знать, тоже, можетъ, не разъ штрафовали за ее, каторжную, время такое сичасъ, господинъ, микробное, ты думаешь, авось ничего, анъ хвать—микроба-то и сѣла, она сидитъ, а тебя штрафуютъ, да штрафуютъ, оттого и карболимся до-сыта... Утромъ сичасъ мимо нашего дома въ десять часовъ частный приставъ проходитъ, такъ я завсегда за часъ на протуаръ езинфекцію навожу, пущай нюхаетъ и чувствуетъ.

— Да что жъ онъ чувствовать можетъ? Плюнетъ, только и всего.

— А то и чувствуетъ, что никакой полной правы штрафовать насъ не можетъ. Пахнетъ карболкой, стало быть, никакой микробы нѣтъ...

— А все-таки, братъ, сдается мнѣ, что въ этой квартирѣ покойникъ былъ... Былъ вѣдь? говори правду, все равно въ участкѣ узнать могу.

— Ахъ, господинъ сумнительный! Страсть какое у васъ къ моимъ словамъ суевѣріе.

— Значитъ былъ...

— Быть-то былъ, да ма-а-ахонькій... Какой ужъ это покойникъ, ежели трехнедѣльный младенецъ померъ, ангельская душка собственно...

— Ну, вотъ, видишь, а говоришь—не было!

— Господи! Трехнедѣльный младенецъ покойникъ! Да это все одно, что ничего... на манеръ микробы... отъ его и духа-то даже никакого.

— Отъ чего же онъ умеръ?

— Отъ непріятности.

— Трехнедѣльный ребенокъ — отъ непріятности?

— Такъ точно. Мать-то съ отцомъ не въ ладахъ жили... съ утра до ночи ругались... даже дрались, можетъ, на дню сколько разъ, ну, дите и того-съ, нонче молоко порченое, а затра битое, какъ не помереть съ такой непріятности?

— Дезинфецировали ли, по крайней мѣрѣ, квартиру?

— Будьте покойны. Пачпортъ даже имѣемъ отъ динфикціоннаго института.

— Это дѣло другое.

— Да ужъ будьте благонадежны вполнѣ. Насчетъ чего другого, а насчетъ езинфекціи у насъ хозяйка ничего не жалѣетъ, всѣ фатеры наскрось прокарболили... Какую хочешь микробу съ собой привози—въ двѣ минуты подохнетъ!

— Да отъ этакой дурацкой дезинфекціи и человѣкъ захворать можетъ...

— Зачѣмъ хворать? Здоровѣе станетъ... Къ намъ недѣлю тому въ третій номеръ жилецъ переѣхалъ,—въ чемъ душа только: и кашляетъ, и хрипитъ, и глазами моргаетъ... стало-быть такое разслабленіе, что изъ него совсѣмъ духъ вонъ выпираетъ, а сичасъ послушайте-ка, какъ горничную пушитъ—въ лучшемъ видѣ, а все изъ чего такая поправка? Отъ езинфекціи — нанюхался карболки, всѣ въ немъ смертельные микробы и передохли.

Съемщики повернули изъ прихожей влѣво и очутились въ квадратной комнатѣ съ двумя окнами.

— Зала-съ!—доложилъ имъ дворникъ.

— И очень маленькая,—добавила барыня.

— Эта зала махонькая? Господь съ вами, сударыня! Да такихъ заловъ во всемъ нашемъ домѣ нѣту.

— И все-таки очень маленькая.

— Да что же вамъ замѣсто залы-то сарай каретный надо? Извѣстно, каждая комната въ препорціи строится... Вотъ тутъ лоярь поставите,

а тутъ всякую польку съ кадрелью плясать можете.

— И обои скверные.

— Обои хорошіе, по шести гривенъ кусокъ плачено.

— Эти обои по шести гривенъ?

— Такъ точно. Позапылились они маненько, а то обои хоть куда... къ любому иниралу можно... А это вотъ гостиная-съ.

— И гостиная мала.

— Тепло-то за то какое, обопрѣть можно! Которыя комнаты, господинъ, мельче, завсегда въ нихъ теплѣе и дровъ меньше идетъ.

— Мала.

— А вы на болдюръ-то обратите вниманіе, бархатный болдюръ пущенъ.

— Намъ не бордюръ твой нуженъ, а комнаты...

— А цвѣты-то на потолкѣ вы не во что ни кладете? Въ эвтакую гостиную, да ежели хорошихъ господъ напущать—на рѣдкость комната выдетъ... тутъ зимой докторъ жилъ, такъ въ эвтой самой комнатѣ барынь молоточкомъ стучалъ... сталобыть мѣсто плѣнительное...

— А это что за темная комната?

— Комната хорошая, только оконъ нѣту... спальню свою можете въ ней устроить...

— Не годится. Я люблю, чтобъ спальня у меня была веселенькая, а тутъ темь и скука.

— Ахъ, господинъ, да вѣдь и комната веселая!

— Чѣмъ же это она веселая?

— А за стѣнкой сичасъ комната хозяина нашего.

— Отъ этого эта комната веселѣе не сдѣлается.

— Зачѣмъ отъ этого? Извѣстно, вы карактеру его не знаете: онъ у насъ веселый, какъ запьетъ, такъ сичасъ на гармоніи играть.

— И здѣсь все слышно?

— Все-съ. Даромъ можете увеселеніе получить.

— Покорно благодарю, мнѣ такого увеселенія не нужно.

— Да онъ вѣдь только во время запоя музыкантъ, а то ничего... смиряется.

— И часто запиваетъ?

— Какъ придется. Глядя по погодѣ. Какъ къ дождю, такъ онъ сичасъ и заскучаетъ... ну, ужъ тутъ хозяйка и знаетъ, что ему время подошло...

— А хозяйка-то твоя не загуливаетъ?

— Никакъ нѣтъ. Она у насъ на этотъ счетъ женщина твердая.

— А хозяина своего пить не отучитъ!

— Слабость къ ему чувствуетъ. Она, почитай, вдвое его старше, ну, и балуетъ, и хозяина дѣло господинъ, тоже простительное: сидитъ, сидитъ онъ возлѣ старухи-то, ну и вдарится въ скуку.

— А эта комната?

— Дѣтская. Дѣти-то у васъ есть?

— Дѣтей нѣтъ.

— Такъ можете столовую устроить. У прежнихъ жильцовъ здѣсь дѣти помѣщались.

— То-то и обои всѣ ободраны.

— Дѣтское дѣло, господинъ, такое, безпремѣнно чтобы чужую вещу портить, да мы подклеимъ, будьте покойны, у насъ остатковъ много... А это, господа, колидорчикъ: и сундучокъ тутъ можете поставить, и горничную положить.

— Да тутъ, если поставить сундукъ, такъ и пройти нельзя будетъ.

— Въ каретѣ можно проѣхать, будьте благонадежны...

— А эта дверь куда?

— Въ кухню... Пожалуйте... Кухня на рѣдкость... и плита есть, и русская печь... всякое кушанье завсегда можете...

— Ну, плита-то того-съ... разваливается.

— Прошлымъ лѣтомъ чинили... Отъ куфарокъ это все, господинъ... Какъ почнутъ съ пожарными возиться, такъ никакая плита не устоитъ...

— Не дымитъ?

— Все въ исправности... А ежели и задымитъ, такъ у насъ печникъ завсегда подъ рукой... только шепните...

— Грязновата кухня, и очень даже грязновата...

— Для кажнаго жильца, господинъ, не набѣлишься... другой два мѣсяца поживетъ, да на-

портитъ въ фатерѣ-то на цѣльный годъ... что съ него возьмешь? У насъ въ пятомъ номерѣ такой жилецъ былъ... только что фатерку отдѣлали, онъ и въѣхалъ... два мѣсяца прожилъ — денегъ не платитъ... черезъ мирового выселили... а онъ что же въ отместку? Во всѣхъ комнатахъ обои перепортилъ... куды ни поглядишь, вездѣ написано: «хозяинъ—пьяница, а хозяйка—старая дура»... на потолкѣ даже умудрился... А это черный ходъ на дворъ.

— Погребъ есть?

— Чудесный. Ледъ у насъ завсегда такой, что замѣсто мороженаго можете кушать...

— Маловата немного квартира-то...

— Въ тѣснотѣ, господинъ, да не въ обидѣ... за то удобія всякаго сверхъ числа. Изъ двери въ дверь докторъ живетъ—завсегда хворать безъ опаски можете. Внизу прачешная, а насупротивъ трактиръ съ кабакомъ и мясная лавка... въ сосѣднемъ домѣ даже гробовщикъ живетъ... и съ хорошею совѣстью... въ лучшемъ видѣ похоронитъ, ежели кому нужда случится...

— А надъ квартирой кто живетъ?

— Надъ этой? Актеръ-съ.

— Богъ его знаетъ какой онъ...

— Онъ? Сми-ирный... я у горничной спрашивалъ. Только и дѣловъ: подойдетъ къ зеркалу и цѣльный часъ рожи кривитъ и языкомъ себя дразнитъ... а это, чтоба насчетъ стуку, али грому—ни Боже мой... Вотъ въ десятомъ номерѣ

актеръ тоже стоитъ, ну, тотъ совсѣмъ изъ другой патоки сваренъ, начнетъ орать, такъ всѣхъ изъ дому выживетъ... обопрется этакъ на половую щетку и пойдетъ горло драть... и чѣмъ дальше, напримѣръ, тѣмъ пуще завинчиваетъ... Роля, стало-быть, у его такая бранместерская... а то за фуртупьяны засядетъ жарить... и до той поры жаритъ, покеда струна не лопнетъ... подъ девятымъ номеромъ точно что жить неспособно— всѣ жильцы мѣняются... поживутъ мѣсяцъ и съѣдутъ... потому никакой возможности... Чиновникъ какъ-то подъ имъ жилъ, и пріѣхала къ эвтому чиновнику гостить теща...

— А это что? Чуланчикъ?

— Чуланчикъ, господинъ, только и легла это теща чиновничья спать, легла это спать, а актеръ въ эвто время и заори, проснулась теща и слышитъ, какъ надъ ней трубой реветъ: «Пожаръ въ моей груди!»... Она возьми, да съ испугу-то въ окно и махни... Хорошо еще, что изъ второго этажа, низко, всего только три ребра переломила, а ежели бъ повыше жили, и шею бы свернула, а этотъ, господинъ, актеръ смирный, пужать не можетъ.

— Вотъ тоже сосѣдство вашего хозяина не изъ пріятныхъ.

— Да плюньте вы на хозяина, онъ до васъ касаемости никакой имѣть не будетъ.

— А играть на гармоникѣ?

— И для игры ему хозяйка другую комнату

отвести можетъ, при томъ у него привычка такая, чтобъ послѣ игры гармонью объ стѣну разбить, глядишь, на ваше счастье, послѣ третьей али пятой пѣсни гармонью и порѣшитъ.

— Я думаю, лучше всего изъ этой темной комнаты столовую сдѣлать.

— И чудесное, господинъ, дѣло, подъ музыку на что пріятнѣе, ровно на балу, напримѣръ: во рту фрухта таетъ, а въ ухѣ музыка зудитъ...

— Дрова таскать въ кухню немного высоконько.

— А мы-то на что? Я сичасъ въ четыре номера доставляю, положите вы пару цѣлковыхъ за труды въ мѣсяцъ и живите съ Богомъ.

— Это за носку дровъ два цѣлковыхъ?

— Ахъ, господинъ, да я вамъ три заплачу, попробуйте потаскать, у васъ сичасъ три топки, да кухня четвертая, извѣстно, чужой спины не жаль.

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ, если сойдемся въ цѣнѣ за квартиру!—говорилъ съемщикъ, выходя коридоромъ въ прихожую. — Умыть бы все-таки квартиру слѣдовало.

— Да ужъ чище, господинъ, этой квартиры не найдете. Ужъ ежели езинфекцію наскрозь пустили, стало-быть чистота вполнѣ.

— А обои?

— Обоя, господинъ, не суть важная... Заставилъ комнату небелью, да завѣсилъ ее занавѣ-

сочками, и обои не видать, вы на удобіе уповайте, а на обои наплевать.

— И удобствъ особенныхъ нѣтъ.

— Да вѣдь ужъ это такое положеніе, господинъ, что каждый съемщикъ критику на фатеру пущаетъ, удобій, по-моему, даже сверхъ числа, и докторъ возлѣ, и гробовщикъ, и кабакъ.

— Кабакъ мнѣ твой не нуженъ.

— Не вамъ, такъ прислугѣ понадобится.

— А какая цѣна этой квартирѣ?

— Цѣна-съ? Цѣна, можно сказать, совсѣмъ плевая-съ... Для насъ хорошій жилецъ дорогъ, а на цѣну мы не взираемъ...

— Да почему тебѣ извѣстно, что я жилецъ хорошій?—усмѣхнулся съемщикъ.

— Положимъ, настоящаго жильца сичасъ видно, — который, напримѣръ, путный и деньги желаетъ платить... Непутевый жилецъ первымъ дѣломъ хозяина ругать примется: и строить квартиры-то онъ не умѣетъ, и какой только у его дуракъ живетъ, а потомъ, какъ въѣдетъ, такъ и прощай... только у мирового и увидишь...

— Что жъ за эту квартиру твой хозяинъ проситъ?

— Хозяинъ у насъ не при чемъ, онъ при хозяйкѣ собственно.

— Ну, хозяйка?

— Шестьсотъ-съ и за три мѣсяца впередъ...

— Недурно! За четыре комнаты шестьсотъ рублей!

— Пять, шестая—кухня седьмая—колидоръ.

— Гдѣ же пять? Темная комната по-твоему пятая?

— Изъ комнатъ, господинъ, не выкинешь... Какъ ни считай, а все комната... Ваша цѣна какая будетъ?

— Моя? Сорокъ рублей въ мѣсяцъ.

— Невозможно-съ, полное удобіе, спокойствіе вполнѣ, езинфекція во всю и вдругъ сорокъ цѣлковыхъ... Пятьдесятъ цѣлковыхъ я уступлю, потому жалко хорошихъ жильцовъ упустить.

— Не подойдетъ, любезный. Скажи своей хозяйкѣ, что за эту квартиру никто такой цѣны не дастъ.

— Дадутъ-съ, какъ не дать... Съ путанаго жильца я и семьсотъ возьму, да только черезъ мѣсяцъ судью тревожить придется... Дадутъ! Ваша цѣна крайняя какая будетъ?

— Я сказалъ сорокъ рублей, и кончено.

— Не могу-съ, для насъ лучше, ежели жилецъ не изъ подсудимаго сословія попадетъ, а не могу...

— Будемъ искать другую, что дѣлать!

— Господинъ, да вы вотъ что-съ... Дойдите до хозяйки, можетъ она и уступитъ... Она сичасъ въ горѣ-съ, хозяинъ запилъ, и поэтому случаю слезу льетъ.

— Да выйдетъ ли толкъ какой изъ этого?

— Въ слезахъ она много добрѣе-съ, можетъ отъ мокрыхъ чувствъ-то возьметъ да двѣ четверт-

ныхъ вамъ и спуститъ... Пожалуйте, я васъ проведу.

И дворникъ, и съемщикъ вышли изъ квартиры на площадку.

— Степа-а-анъ! — донеслось со двора.

Дворникъ выглянулъ изъ окна на дворъ и снялъ картузъ.

— Андрей Лексѣичу! Я здѣсь-съ. Что прикажете?

— Гдѣ твой хозяинъ? — оралъ чей-то голосъ на дворѣ.

— А въ трактиръ чай пить пошли-съ.

— Да-авно-о?

— По-орядочно-съ, третеводни, во вторникъ-съ... Пожалте, господа, къ хозяйкѣ, съ горя она завсегда уступить можетъ, пожалте внизъ!

И съемщики, сопровождаемые словоохотливымъ дворникомъ, стали спускаться внизъ по лѣстницѣ.

Переѣхали!

— Господинъ извозчикъ! Ваше высокопредсѣдательство! — кричалъ своему возницѣ бритый господинъ съ гладко-примазанными височками пепельнаго цвѣта, въ соломенной шляпѣ и парусинной разлетайкѣ, высовывая голову изъ четырехмѣстной коляски, заваленной дамами и разнокалиберными картонками:—держите лѣвѣе! Лѣвѣе, милостивый государь! Изволите видѣть дачу, окрашенную въ фіолетовый цвѣтъ, обсаженную чахлыми кустиками бузины для чистки самоваровъ?

— Видимъ, баринъ! — мотнулъ головой возница и ударилъ кнутомъ, для пущаго доказательства, по еле передвигавшей ноги парѣ гнѣдыхъ.

— Ну, и подкатывай смѣлѣе! Ф-фу-у! Слава Тебѣ, Господи, насилу-то добрались до лона природы!.. Задушили вы меня своими проклятыми

картонками! И откуда только набрали столько, удивительно, ей Богу! Семь, восемь... девять... въ ногахъ положены... въ спину стучатъ двѣ... не коляска, а передвижной модный магазинъ!..

— Папа, въ сотый разъ вы это говорите, неужели не надоѣло?—справилась курносая блондинка въ шляпкѣ съ голубыми лентами.

— Вы мнѣ больше надоѣдаете съ своими разговорами, и я на это не претендую, — слѣдовательно... Господинъ извозчикъ, благоволите остановить своихъ пегасовъ у крайней калитки... стой, переѣхалъ!.. Ну, теперь тпрукни для порядка!

— Тпру!—крикнулъ тотъ клячамъ.

— Прекрасно!.. Аглая Федоровна, позвольте мнѣ вылѣзть изъ ковчега, благополучно приплывшаго на твердую землю!..

— Да кто жъ вамъ мѣшаетъ! Вылѣзайте!— отозвалась сухопарая дама среднихъ лѣтъ въ поношенной, запыленной шляпкѣ.

— Но какъ я вылѣзу безъ посторонней помощи, вотъ вопросъ!.. Вы меня такъ укупорили, что я пошевельнуться не могу... со всѣхъ сторонъ клинья, въ видѣ узловъ, загнали... приподнимите съ ногъ узелъ, Бога ради...

— Мнѣ взять нечѣмъ... въ одной рукѣ канарейка, въ другой зонтикъ!.. Что вы ослѣпли, что ли? Снимайте сами...

— Но чѣмъ я-то сниму, позвольте васъ спросить? Неужели вы такъ окривѣли, что не ви-

дите всю невозможность подобнаго дѣйствія съ моей стороны!.. Гуляютъ у меня руки, или нѣтъ? Насовали разной дряни, запихали въ кучу узловъ и картонокъ, и повезли меня, статскаго совѣтника, какъ бемское стекло... Снимайте узлы...

— Но у меня канарейка...

— Бросьте вы ее... мужъ увязъ по уши въ домашней дряни, а она съ глупой птицей носится...

— Господа, аль ночевать въ коляскѣ-то собрались?—повернулся къ дачникамъ извозчикъ:— вылазьте, Бога ради, лошадей поить надо...

— Молчать! Чѣмъ бы подсобить намъ разгрузиться, онъ изволитъ дерзости отпускать!.. Лина! Дина! Да что же вы? Вылѣзайте!..

— Но куда же мы вещи дѣнемъ? Мы пошевельнуться не можемъ!..

— А, шутъ васъ возьми и съ дачей-то вашей!.. Возница, слѣзь съ козелъ и выбрасывай все изъ колесницы!.. Вотъ такъ!.. И какого это ты мнѣ бѣса на ноги положила? Просто онѣмѣли всѣ!..

— Мельхіоровый самоваръ съ подносомъ!

— Мерси, Аглая Федоровна! Вы бы ужъ кстати бочку воды и куль углей на меня навалили!.. Возница, высаживай дамъ! Да не въ охапку бери, а подъ руку!.. Ай!..

Дачникъ выпрыгнулъ изъ коляски, за нимъ потащился какой-то платокъ, а чрезъ моментъ

онъ уже лежалъ на землѣ, растянувшись на картонкахъ...

— Вы съ ума сошли! Это Богъ знаетъ что такое!.. Вы мнѣ шляпку измяли! — завизжали дамы, выпрыгивая изъ коляски: — медвѣдь неуклюжій!..

— Провалитесь вы сквозь землю и съ картонками-то своими! — кричалъ дачникъ, поднимаясь съ земли: — навьючили меня, какъ осла, на себя и пеняйте! Я изъ-за васъ колѣнку расшибъ... батюшки... Никакъ физіономію повредилъ? Аглая Федоровна, что у меня по щекѣ течетъ? Кровь? Глядите скорѣй! Агла-я!..

— Что вы кричите, что вы въ департаментъ пришли, что ли?

— Я васъ спрашиваю, что у меня по щекѣ ползетъ?

— Несчастный!.. Извергъ!.. Дѣти, полюбуйтесь на этого медвѣдя! Банку съ абрикосовымъ вареньемъ разбилъ и весь вымазался!..

— Что-о? Варенье! Извольте сейчасъ же слизать! Аглая Федоровна! Лижите свое абрикосовое!

— Да вы взбѣсились, милостивый государь!..

— Да вѣдь течетъ, я вамъ говорю!.. Все перебью, ей-Богу, все сокрушу, если сію минуту щеку не вытрете!

— Нѣтъ, это просто ужасъ, а не мужчина!.. Дина, оботри портретъ своего папеньки! За что бы онъ ни взялся — все перебьетъ, перерветъ и переломаетъ!.. Что же вы стали?

— Что жъ, для васъ опять растянуться прикажете? Берите отъ меня картонки, а то, ей Богу, брошу!.. Ффу! — пыхтѣлъ онъ, вытирая лицо платкомъ: — вотъ онѣ, прелести переѣзда на дачу!.. Всю дорогу пекло, засыпало пылью, — пріѣхали — колѣнку расшибъ и въ вареньѣ вывалялся... Позвольте! Гдѣ жъ наша прислуга, а?

— Что вы ко мнѣ пристаете, скажите пожалуйста? Идите и ищите!

— Но гдѣ-съ? Въ какихъ трактирахъ я ее искать буду?..

— Господи!.. Да обойдите вы кругомъ въ кухню... навѣрное тамъ разбираются...

— Не можетъ этого быть... если бы воза пріѣхали,—дача была бы отперта и мебель разставлена... На что это похоже, позвольте васъ спросить? Воза отправили три часа тому назадъ... вру! Четыре!.. И до сихъ поръ ихъ нѣтъ...

— Да обойдите вы кругомъ...

— Нечего мнѣ обходить... я и такъ ужъ вами кругомъ обойденъ... во-первыхъ — наняли вмѣсто дачи скворешникъ какой-то...

— Да вы не видали вѣдь ее... вы сперва посмотрите ее хорошенько и затѣмъ ужъ говорите...

— Все равно-съ... по наружному виду можно судить о внутреннихъ достоинствахъ... лицо есть зеркало души, Аглая Федоровна... лицо скверное—и начинка тьфу!..

— Если вы о всѣхъ предметахъ по себѣ судите, то глупо дѣлаете...

— По васъ сужу, дорогая моя, а по сему говорю правду... Да я заранѣе увѣренъ, что вы загоните меня въ такой уголъ, гдѣ одни только пауки мухъ давятъ... Но это все пустяки... я васъ спрашиваю: гдѣ горничная и кухарка?

— А я вамъ говорю, обойдите кругомъ и суньте свой красный носъ въ кухню...

— Если бъ у меня носъ былъ даже фіолетовымъ, окрашеннымъ подъ цвѣтъ вашей дачи, то и тогда бы я его въ кухню совать не сталъ... во-первыхъ потому, что мой носъ—носъ мой, а не вашъ, носъ статскаго совѣтника, а не какой-нибудь ci-devant мѣщанки Огородной слободы, а во-вторыхъ потому, что по всѣмъ даннымъ ваша прислуга еще не изволила прибыть... нѣтъ, вы скажите мнѣ только, сколько разъ я просилъ васъ перемѣнить прислугу?

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня, и безъ васъ жарко...

— Вамъ жарко, а съ меня десятый потъ льетъ... я, кажется, не одинъ разъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что ваша сальная кухарка составила комплотъ съ горничной и пьютъ не на животъ, а на смерть...

— Алексѣй Ѳомичъ!.. Скоро вы кончите свою реплику? Вѣдь извозчикъ ругаться начинаетъ... отпустите его и брюзжите сколько вашей душѣ угодно...

— Безъ васъ знаю-съ!.. Нанимаютъ всегда негодную прислугу и заставляютъ меня выходить изъ себя... Извозчикъ, держи деньги и пошелъ домой...

— Баринъ, на чаекъ бы съ вашей милости!.. — заныль возница.

— Не могу. По принципу, голубчикъ, не даю... Понимаешь, по принципу...

— Извѣстно, которые господа скупердяи...

— А я по принципу. Я дамъ тебѣ на чай, а ты въ первомъ кабакѣ ихъ на водкѣ пропьешь... обыкновенно бываетъ такъ, что всякое даяніе не достигаетъ своего назначенія, а по сему и не даю... прощай! Да обругай за меня хозяина: взялъ пять цѣлковыхъ за коляску, а клячъ далъ похоронныхъ... адью!.. Мальчикъ, мальчикъ!—крикнулъ онъ выбѣжавшему изъ-за угла мальчугану въ красной ситцевой рубахѣ, подпоясанной мочалкой: — поди сюда, пузанъ ты этакій!.. Ты чей?

— Тятькинъ! — встряхнулъ тотъ льняными волосенками.

— Да тятька-то твой кто?

— Семенъ Митревъ...

— Такъ. Значитъ эта дача его?

— Наша, баринъ...

— Ну, такъ бѣги къ своему тятькѣ... Гдѣ онъ?

— Въ трактирѣ былъ... сичасъ лежитъ и

Антипку кузнеца ругаетъ... побилъ ево Антипка-то, ну, онъ и злитси-и...

— Аглая Федоровна, слышите? Хорошенькую вы дачку наняли: во-первыхъ, хозяинъ лыка не вяжетъ, во-вторыхъ, съ Антипкой дерется... хорошія черты изъ домашней жизни крестьянина у меня на глазахъ происходить будутъ... я такъ и зналъ, что вы такую дачу снимите... вы всегда какую-нибудь да непріятность для меня изобрѣтете.

— Ра-асшибу! Я те докажу! — донеслось со двора...

— Слышите. Аглая Федоровна?.. Хорошо лоно [illegible] сказать!.. Только того и жди, чтобы тебя каждый день цвѣтами славянскаго краснорѣчія осыпали... мерси!..

— Да отстаньте вы отъ меня!.. Не нравится вамъ здѣсь, можете въ Москву убираться.

— И уберусь, будьте покойны... согласитесь сами, что неловко же мнѣ вашего хозяина за его комплименты бить, а ля Антипка кузнецъ... Нѣтъ, гдѣ у васъ глаза были, а? Дочери невѣсты, и вдругъ нанимаютъ дачу фіолетоваго цвѣта... у пьяницы мужика и самаго пьянаго цвѣта дачу... Превосходно! Прелестно! Безподобно!.. Мальчикъ, а что наши воза съ мебелью не пріѣзжали?

— Нѣтути...

— Аглая Федоровна, слышите? Пузанъ говоритъ «нѣтути», а вы меня въ обходъ посылаете...

Четыре часа въ дорогѣ,—это чортъ знаетъ, что такое!

— Можетъ-быть, ось у телѣги сломалась, почемъ знать...

— Мальчикъ, бѣги ты къ своему тятькѣ и скажи ему, чтобъ онъ не смѣлъ орать... а если онъ будетъ безобразничать, скажи, баринъ, молъ, обѣщался къ становому тебя отправить...

— Онъ, баринъ, станового не боитси-и... отчаянна-ай... онъ только Антипки кузнеца боитси-и...

— Ну, такъ, скажи, что къ нему Антипку приведу... Понялъ? Да, стой... возьми у него ключи отъ дачи... скажи, молъ, дачники пріѣхали... ну, живо... завтра на пряники отъ меня получишь...

Мальчуганъ стрѣлой пустился по закоулку; дачникъ зашагалъ по палисаднику.

— Превосходную дачу наняли, нечего сказать!—бормоталъ онъ, размахивая картонками:—палисадникъ и ни одной скамейки... вотъ теперь извольте ходить, какъ часовой, изъ угла въ уголъ! сѣсть даже не на что... Аглая Федоровна, на что я сяду, позвольте васъ спросить?

— Ахъ, оставьте, ради Бога...

— Нѣтъ, дачу вы нанимали, слѣдовательно, я имѣю право требовать отъ васъ, чтобъ въ палисадникѣ была скамейка...

— И когда ты только перестанешь брюзжать...

— Я дѣло говорю-съ... на чемъ я сяду, я

васъ спрашиваю?.. Ужъ на что былъ, кажется, несчастный человѣкъ Марій, и тотъ могъ сѣсть на развалинахъ Кареагена; а я и этого не могу сдѣлать...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Садись, вонъ, на крыльцо террасы.

— Мерси!.. Очень остроумно, но весьма глупо! Пройдетъ мимо какой-нибудь знакомый и увидитъ, что статскій совѣтникъ Фіалкинъ сидитъ на приступочкѣ, а ля деревенская Дунька... еще подумаетъ, что я подсолнухи грызу... тьфу!..

— Баринъ, идите въ дачу, я отперъ!—крикнулъ съ террасы мальчуганъ, отворяя настежь дверь.

— И когда теперь наши воза пріѣдутъ, однимъ только кабакамъ извѣстно!—причитывалъ статскій совѣтникъ, поднимаясь по лѣстницѣ террасы. — Недурна тоже терраска! Это что? Весь полъ трясется... сидишь, пьешь чай, слѣдишь по газетнымъ извѣстіямъ за ходомъ политическихъ событій и вдругъ — проваливаешься подъ террасу... веселенькая перспектива, доложу я вамъ! Это что за комната?—шагнулъ онъ въ дачу.

— Это будетъ гостиная.

— Два шага туда, два шага сюда—недурно! Кукольная гостиная! Пойдемъ дальше... Это что? Можетъ-быть, залъ для танцевъ?

— Это наша спальня...

— Такъ. А моя-съ?

— А ваша за столовой...

— Эта! Я такъ и зналъ. Спальня рядомъ съ кухней и потолокъ со всѣми признаками протекціи... Не желаю-съ! Сверху тебя дождемъ будетъ жарить, а съ боку кухарочной словесностью донимать... ложись здѣсь сама, а я не лягу.

— Да что же я вамъ за полтораста рублей-то дворецъ должна была нанять?

— Не дворецъ, а мало-мальски сносную дачу съ удобствами... со всѣми прелестями выбрала, нечего сказать: и хозяинъ съ протекціей, и крыша пьяная... то бишь тьфу! Крыша съ протекціей...

— Да откуда здѣсь можетъ быть протекція, когда вверху жилье.

— Какъ жилье?

— Такъ-съ. Мезонинъ въ три комнатки... пролили прошлогодніе дачники воду нечаянно, ну, и протекло.

— Этого еще только недоставало, чтобъ мнѣ ваши дачники на голову всякую дрянь стали лить... нѣтъ, кто васъ просилъ такую дачу нанимать, гдѣ надъ вашими головами будутъ на головахъ ходить.

— Замолчите вы наконецъ, или нѣтъ? Кто вамъ не велѣлъ самимъ дачу нанимать? Я васъ просила сколько разъ объ этомъ?

— Домашнее хозяйство, Аглая Федоровна, не по моей части! Нужно быть слѣпымъ, глухонѣмымъ и круглымъ идіотомъ, чтобъ нанять такую

прелесть! Да вы понимаете ли, что это такое, когда надъ вами живутъ на дачѣ? Нѣтъ? Ну, такъ я вамъ скажу, что это каторга, а не дачная жизнь... вы хотите спать—вамъ не даютъ; вы только заснули — васъ будятъ... вы начнете ругаться—васъ обругаютъ въ десять разъ хуже! Позапрошлымъ лѣтомъ не надъ головами, а рядомъ съ нами дачники жили черезъ стѣнку, и то сколько непріятностей было... вы забыли это, Аглая Федоровна?

— Позвольте...

— Не позволю-съ! Ѣду въ Москву и плюю на ваше лоно природы.

— Да позвольте! Дайте мнѣ сказать!

— А, да что можетъ сказать женщина въ оправданіе? Глупость одну.

— Господи! Вы совсѣмъ невозможны сегодня!.. Вы голодны?

— Голоденъ-съ... Хочу ѣсть, а кухарки до сихъ поръ нѣтъ... могу я не бѣситься, позвольте васъ спросить?..

— У насъ есть бѣлый хлѣбъ... у насъ есть варенье...

— Кушайте сами! И такъ ужъ вымазали вашимъ вареньемъ достаточно: только и дѣлаю все время, что мухъ отъ себя отгоняю... а, проклятыя!.. Двадцатую муху изъ-за васъ жизни лишаю!.. Нѣтъ, неужели же у васъ не было соображенія, когда вы нанимали эту дачу?

— Да помолчите хоть минуту!.. Я съ тѣмъ и

нанимала дачу, чтобы мезонинъ былъ сданъ дамѣ...

— Ну?..

— Ну, а хозяинъ мнѣ сказалъ, что онъ ужъ его отдалъ барынѣ, которая будетъ жить одна...

— Да, вѣдь, дама дамѣ рознь! Вы должны были эту даму посмотрѣть.

— Нѣтъ, вы просто сумасшедшій человѣкъ...

— Да-съ!.. У васъ дочери невѣсты, милостивая государыня, вотъ что-съ! Почемъ вы знаете, что это за птица такая, одинокая дама? Можетъ-быть искательница приключеній, дачная авантюристка... Это что такое? Слышите, какъ вверху ваша одинокая дама въ шесть ногъ затопотала...

Вверху дѣйствительно «заходили»; раздались звуки гитары и кто-то, фальшивя немилосердно, завылъ романсъ: «Не говори, что молодость сгубила»...

— Хорошо одиночество, Аглая Федоровна, а? Я въ первый разъ слышу, чтобы у одинокой дамы шесть ногъ было и чтобы она баритономъ завывала романсы... Тьфу! Батюшки, да тамъ въ плясъ пустились... всѣ глаза мнѣ землей засыпало... тьфу! шутъ васъ возьми всѣхъ и съ дачей-то вашей!..

Статскій совѣтникъ выскочилъ въ кухню, и затѣмъ во дворъ, протирая на ходу глаза... По двору шла баба, держа въ рукахъ четверть водки...

— Послушай, милая! — позвалъ ее дачникъ: — ты кто здѣсь такая?

— Куфарка, баринъ...

— Чья?

— Барынина... вонъ что въ мезонинѣ живетъ...

— Голубушка, дай ты мнѣ пожалуйста чашку воды глаза промыть... твоя барыня мнѣ ихъ запорошила... Вотъ такъ дача! Не успѣли пріѣхать, ужъ и напасти пошли... хороша одинокая дама, которая по четверти водки выдуваетъ... сбѣгу въ Москву, Аглая Федоровна, ей Богу сбѣгу!.. Вы тутъ какъ хотите, а я, какъ привезутъ мебель, съ ломовымъ уѣду!..

— Держи, баринъ!—подошла къ нему кухарка съ ковшомъ воды:—ужли отъ насъ сыпется!

— Видишь ослѣпъ, къ чему вопросы тутъ?.. Голубушка, да кто твоя барыня, скажи пожалуйста?

— А стало-быть въ сиротствѣ онѣ... и состоятъ онѣ сичасъ въ опекѣ у купца...

— Это опекунъ, что ли, твоей барыни козлато деретъ?

— Зачѣмъ! Онъ у насъ безъ пѣніевъ. Пить онъ пьетъ, но только безъ пѣнія. А это къ барыни въ гости два благородныхъ брата пріѣхали для скуки, ну, и забавляются... сичасъ только съ прогулки пришли и за водкой меня посылали... господа веселые!

— Агафья! Ты съ кѣмъ это тамъ лясы точишь? — показалась въ окнѣ мезонина женская голова съ плутовски прищуренными глазками.

— Съ нижнимъ жильцомъ, барыня... сичасъ только изъ Москвы пріѣхамши.

— Ахъ, очинно пріятно!—кивнула она статскому совѣтнику, приподнявшему шляпу,—какъ васъ зовутъ?

— Статскій совѣтникъ Фіалкинъ, сударыня!

— А я дѣвица Ландышева!.. Хотите водки выпить?

— Мерси-съ. Я никогда водку не пью.

— Ахъ, какой вы смѣшной... мужчина и вдругъ не пьетъ... «и не говори-и, что молодость сгуби-ила-а, что ревностью-ю иззмучилъ я тибе-е-е»... Можетъ коньякъ пьете?

— Ничего не пью-съ... Я васъ только попрошу не топотать надъ моей головой... вы мнѣ землей глаза засыпали...

— Нѣтъ, ей Богу, вы ужасть какой смѣшной! Сережа! Петя!—крикнула она въ комнату:—посмотрите, какой у меня смѣшной сосѣдъ оказался!

— Сударыня, я васъ попрошу быть повѣжливѣе... въ моихъ словахъ ничего смѣшного нѣтъ...

— Ха-ха-ха!.. Да онъ меня уморитъ!.. Сережа! Петя! Вы только взгляните на его физіономію!.. Ха-ха-ха!..

Сережа и Петя высунулись въ окна и тоже принялись хохотать... Статскій совѣтникъ, красный какъ ракъ, бросился въ комнаты.

— Аглая Федоровна! Знаете, что я вамъ скажу? Еслибъ бъ я не былъ статскимъ совѣтни-

комъ, ей Богу сейчасъ же подрался бы съ вами... Дачу наняли, а? Скажите пожалуйста? Дѣти мои, поѣдемте, Бога ради въ Москву!... Я здѣсь съ ума сойду въ одну недѣлю!

— Вы и такъ ужъ сошли. А вотъ и наши воза ѣдутъ!.. Лина, выйди изъ палисадника и крикни имъ!..

Къ дачѣ подъѣзжали воза... на переднемъ, возу развалившись на диванѣ, сидѣла кухарка и пѣла дикимъ голосомъ:

Съ милымъ ундеромъ простилась,
Своей жисти я лишилась...

Статская совѣтница бросилась къ калиткѣ... Статскій совѣтникъ стоялъ на террасѣ въ позѣ Наполеона и скрипѣлъ зубами.

Въ дождливую погоду.

Съ ранняго утра дождь льетъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти: то польетъ какъ изъ ведра, то начнетъ словно сквозь сито сѣять. Во многихъ дачахъ по этому поводу идетъ суматоха страшная: кого подмочило, кого просто насквозь промочило.

— Чистая осень, государи мои!—ораторствовалъ одинъ статскій совѣтникъ Звѣздочетовъ, угрюмо посматривая въ окно, выходящее на террасу:—свинья, и та, кажется, въ такую погоду возропщетъ! Хорошо лѣто, нечего сказать: день солнце, недѣлю дождь... И какой только это бѣсъ выдумалъ дачное житье... То ли дѣло теперь въ Москвѣ: сиди въ халатѣ, читай газету и пей кофе съ невозмутимымъ спокойствіемъ Бисмарка... надоѣлъ кофе—кухарку за Василіемъ Петровичемъ, Андреемъ Федорычемъ, Иваномъ Аверьянычемъ, и винтъ готовъ... А здѣсь? Да сюда и собаками самаго плохого партнеришку не загонишь! Тьфу!..

Много плановъ у молодежи, благодаря этому проливному дождю, рушилось, множество рандеву въ рощѣ не состоялось... Ужъ какъ, кажется,

молодая вдовушка Курочкина ловеласу Душкину, съ бразильскаго цвѣта лицомъ и грузинскимъ носомъ, обѣщалась притти въ липовую аллею, даже прахомъ покойнаго мужа клялась, и не пошла... Взглянула въ окошко и губки съежила...

— Ахъ, какая гадость!—говоритъ,—ну, какъ я теперь къ Пьеру пойду? Черезъ улицу не перейдешь!.. Не пойду! Ни за что не пойду!.. Боже, прости ты меня, клятвопреступницу!..

Высунулъ Пьеръ Душкинъ на улицу свой длинный носъ, подставилъ его подъ дождикъ и, отряхнувши худыя ножки съ граціей комнатной ливретки, вернулся вспять.

— Въ такую погоду,— говоритъ, — никакихъ свиданій не захочешь!..—И даже рукой махнулъ...

На улицѣ никого... Развѣ пробѣжитъ черезчуръ ужъ ретивый до прогулокъ дачникъ, шлепая резиновыми калошами, да промчится легкимъ аллюромъ кухарка въ лавочку или аптеку, и только... Про собакъ и говорить нечего: тѣ даже и лаять перестали.

Только одинъ купецъ Тукманкинъ, несмотря на раствореніе хлябей небесныхъ, на терраскѣ за чайкомъ блаженствуетъ... Капаютъ капли дождя сквозь разсохшуюся крышу террасы ему на лысину, въ чашку, на самоваръ, а онъ и въ усъ не дуетъ: «подъ шумъ дождя и вѣтра вой» чуть ли не двадцатую чашку въ пригрызку осаживаетъ, да еще дождь наускиваетъ...

— Валяй!—говоритъ,—во такъ!.. Лупи по хо-

рошему!.. Бла-адать, сичасъ помереть... Для освѣженія, къ примѣру!..

Ему-то «бла-адать», потому одна только крыша террасы съ протекціей, а другимъ, у которыхъ дачи на рѣшето строены, просто смерть приходитъ... И тамъ льетъ, и здѣсь течетъ, куда ни бросишься—вездѣ накрапываетъ... Хорошо, если у кого этакій семейный зонтъ имѣется, въ сажень въ діаметрѣ приблизительно, все-таки мало мальское спасеніе отъ проливня есть, а у кого только «солнечники»—бѣда! Всякую дрянь схватишь: и насморки, и зубныя боли, и флюсы...

Ругань на дачехозяевъ идетъ такая, словно всѣ дачники на лѣвую ногу встать сговорились... И если бъ хотя сотая часть ихъ благихъ пожеланій достигла цѣли, всѣ бы дачехозяева въ одно это утро провалились бы прямо въ адъ кромѣшный...

— Глядѣла бы раньше, что брала! — огрызается рыжая борода въ красной рубахѣ отъ насѣдавшей на нее тощей дамы, дрожавшей подъ зонтикомъ: — а то эка штука: течетъ!.. Авось, не сахарная!..

— Я тебя, разбойника, къ становому отправлю!—визжала та, наступая на рыжую бороду:— исправника попрошу актъ составить... Какъ ты смѣешь благородную даму, какъ какую-нибудь морковь дождемъ поливать?

— Погоди, вотъ солнце проглянетъ... Минутой обсушитъ! — ретировался тотъ отъ неprія-

тельскаго натиска:—супроти Бога рази пойдешь? У него, у Батюшки, всего много.

— Какъ ты смѣешь съ худой крышей дачу сдавать? А? Ты знаешь, кто я, мужикъ сиволапый?!

— Да брось... Селезенка лопнетъ!.. Ахъ ты, барыня моя купоросная!.. Горе мнѣ съ вами, ей-Богу! Одна оретъ, другая пуще... Ровно бѣлены объѣлись... Вотъ пройдетъ дождь и всее крышу осмотрю... Что и какъ, къ примѣру... Може въ одномъ мѣстѣ протечка... Сущая пустяковина, а ты себя ревомъ безпокоишь...

— Да, какъ ты смѣешь, болванъ, неучъ, этакій? А? Ты знаешь, кто я? Полѣзай сейчасъ же на крышу! Полѣзай, тебѣ говорятъ!...

— Да зачѣмъ я полѣзу?

— Полѣзай, разбойникъ, или я тебя съ урядникомъ втащу!.. Разбойники!.. Живодеры!..

— Да лѣзу, лѣзу!.. А чтобъ те подмочило, да не высушило!.. Горе мнѣ съ вами, ей-Богу!.. Визгу-то одного поросячьяго не оберешься!..—сокрушалась рыжая борода и лѣзла отъ непріятеля въ юбкѣ на крышу...

Въ иныхъ дачахъ просто стонъ стоитъ: кто отъ зубной боли ноетъ, кто шалаши посредствомъ пледовъ, платковъ и половыхъ щетокъ устраиваетъ... А дождь, словно на смѣхъ, нѣтъ, нѣтъ, да и припуститъ изо всей мочи...

Коллежскій ассесоръ Елпидифоръ Назаровичъ Сладкорѣченскій, дачующій съ своею супругой

Дарьей Романовной на маленькой, довольно красивой снаружи, дачкѣ, какъ проснулся, такъ и взбеленился... Представьте: простился онъ вечеромъ накануне съ своей Дорочкой, поцѣловалъ ее сперва въ ручку, потомъ въ лобикъ, получилъ отвѣтный поцѣлуй въ лысину и, отправившись въ свою комнату, заснулъ безмятежнымъ сномъ... Спитъ коллежскій ассесоръ, посвистывая по благородному, и видитъ разную дребедень: то ему два шлема на безкозыряхъ загнули, то кухарка Маланья помоями облила, то разносчикъ на цѣлыхъ двадцать копеекъ обсчиталъ... Только подъ самое утро хорошій сонъ приснился: пріѣхалъ это онъ будто къ своему непосредственному начальнику Виталію Алимпіевичу Ясновзорову по дѣламъ службы, а у того гости... Сидитъ его превосходительство, будто, за столомъ въ гостиной, тѣхъ гостей рѣдкими винами угощаетъ... Пьютъ гости вино, похваливаютъ и даже «ура» его превосходительству покрикиваютъ... Увидалъ хозяинъ Сладкорѣченскаго, схватилъ за руку и прямо къ столу подводитъ.

— Ну ка, — говоритъ, — попробуй вино!.. Прислали мнѣ его на пробу, вотъ мы его все и пробуемъ... Хорошо?

— Хорошо, ваше превосходительство!.. Нектаръ-съ, амброзія въ нѣкоторомъ родѣ, а не вино...

— Нѣтъ, ты на языкѣ-то, на языкѣ-то посмакуй, вкусъ-то каковъ? Смакуй!

— Смакую, ваше превосходительство, смакую-съ!.. Ароматъ, а не напитокъ!.. Главное мягкость удивительная...

— А ты смакуй хорошенечко!.. Съ полнымъ вниманіемъ смакуй!—совѣтуетъ его превосходительство.

— Смакую, ваше превосходительство!.. Рѣдкое вино!.. Антикъ въ своемъ родѣ!..

Смаковалъ Сладкорѣченскій, смаковалъ во снѣ вино, да на грѣхъ и проснулся... и на яву ужъ смаковать продолжаетъ, да только не «рѣдкое» вино его превосходительства, а какую-то грязь, которая ручьемъ текла прямо ему съ потолка въ ротъ...

— Тьфу ты гадость!—расплевался онъ, кубаремъ скатываясь съ постели: — ахъ, канальи!.. Мошенники! Угостили, нечего сказать! Кхр... Тьфу!.. Маланья-я!.. Маланья-я!.. Такъ и есть— на дворѣ дождь идетъ!.. Ахъ, эфіопъ онъ этакій!.. Клялся, что течи никакой не будетъ, а вотъ, извольте радоваться! Всего промочило, да еще разной дряни наглотался... Кхр... Тьфу!.. Маланья-я-я!..

— Господи! Да не разорваться же мнѣ! И барыня визжитъ, и баринъ оретъ!..—раздался женскій голосъ въ сосѣднихъ комнатахъ: — баринъ, я къ барынѣ иду!

— Постой!.. Барыня встала?

— Ужли оглохли? Визжитъ, ровно ее сичасъ рѣзать собираются... Да иду, иду...

— Маланья, стой!.. Какъ ты смѣешь уходить, не выслушавъ моихъ приказаній? А? Понимаешь, я насквозь промокъ...

— Господи! Да по всѣмъ комнатамъ лужи текутъ... сичасъ, барыня, иду...

— Маланья, стой!.. Понимаешь, халата даже надѣть не могу — весь въ водѣ... поди, принеси отъ барыни пледъ и бѣлье...

— Маланья-я!—визжала, между тѣмъ, барыня:—кого я зову, дрянь ты этакая? А?..

— Да баринъ, барыня, у насъ какъ есть подмокъ весь...

— Брось барина и иди ко мнѣ... У меня зубъ на зубъ не попадаетъ, а она, извольте радоваться, барина ублажаетъ... Нѣтъ, это Богъ знаетъ что... Это не дача, а рѣшето какое-то...

— Маланья-я! — вопилъ баринъ, съ трескомъ отворяя дверь своей спальни: — гдѣ ты, голова твоя баранья! А? Батюшки! Да здѣсь цѣлое море... садись въ корыто и поѣзжай въ кругосвѣтное плаваніе... Дора! Дорочка!

— Отстаньте!.. Вы извергъ!.. Гдѣ у васъ глаза были, когда эту дачу брали? Вы моей смерти хотите? Извольте, я умру!..

— Но, позволь... Кто же могъ предполагать, что мы будемъ такъ безсовѣстно обмануты? Дачка была новенькая, чистенькая... и вдругъ такая исторія съ крышей...

— Вы колпакъ! Тюря, а не мужчина... вы меня уморить хотите! Извольте, я умру, но только

помните, что этого я вамъ никогда не прощу! Никогда!..

— Дорочка!.. Пришли ты съ Маланьей ради Бога пледъ и бѣлье и потомъ ругайся сколько хочешь... Ты пойми, я мало того, что промокъ насквозь, такой дряни наглотался что... Кхр... Тьфу!.. Маланья-я-я!.. Маланья-я!.. Пледъ давай!..

— Да, несу, несу!.. Господи, и откуда такой ливень взялся... ровно изъ ведра окатываетъ...

— Не входи ко мнѣ... я въ самомъ грустномъ видѣ... положи пледъ на стулъ и живо самоваръ... Ради Бога, Маланья, самоваръ, а то я, ей-Богу, горячку или тифъ схвачу...

— Маланья-я!—визжала барыня:—что ты съ этимъ извергомъ возишься? Подай сюда зонтикъ! Да не этотъ, дождевой...

— Баринъ, барыня зонтикъ проситъ...

— Скажи, занятъ... ты не видишь развѣ, что здѣсь насквозь льетъ... у ней есть свой зонтикъ... тьфу!.. даже въ сапоги попало... нѣтъ что я теперь съ этимъ разбойникомъ сдѣлаю, что я съ нимъ сдѣлаю...

— Елпидифоръ Назарычъ! Да вы что же это и въ самомъ дѣлѣ меня уморить хотите? А! — визжала барыня, появляясь на порогѣ своей спальни:—зонтикъ!

— Дорочка, не могу!—показался тотъ въ дверяхъ, натягивая сапогъ на ногу:—ты смотри, я весь какъ мышенокъ мокрый... у тебя есть же свой зонтикъ...

— Нѣтъ, вы просто на зло мнѣ сегодня поглупѣли... мой зонтъ солнечный и самаго нѣжнаго цвѣта...

— То - есть линючаго? Но, позволь, не могу же я ради нѣжнаго цвѣта твоего зонтика рисковать своимъ здоровьемъ?

— Я вамъ говорю, дайте мнѣ вашъ зонтъ...

— Тьфу!.. Просто никакого благоразумія! Жалѣетъ какую-то дрянь, а на мужа наплевать!

— За эту дрянь я десять рублей заплатила, а вы не сахарный...

— Но, мой другъ, ты пойми... ты сама знаешь, что я подверженъ головнымъ болямъ... на лысую голову и вдругъ дождевая дробь... да вѣдь это душъ изъ сумасшедшаго дома выйдетъ...

— Я вамъ въ послѣдній разъ говорю, дайте зонтикъ! Слышите? Не умѣли хорошую дачу взять, такъ на себя и пеняйте... Маланья, возьми у барина зонтикъ!..

— Тьфу!.. Дай ты мнѣ хоть платокъ какой-нибудь для покрышки...

— Надѣньте свою шляпу!

— Шляпу? Да я за нее десять цѣлковыхъ заплатилъ, и вдругъ подъ дождь, да еще подъ грязный дождь... вѣдь съ потолка - то течетъ... Неужели тебѣ платка жалко, Дора?

— Я не въ васъ! Маланья, отдай барину вотъ этотъ платокъ!..

— Мерси, Дорочка! Все-таки хоть слабая, да защита есть для чувствительной головы... ой, ой,

ой... такъ продрогъ отъ этой неожиданпой ванны, что просто зубъ на зубъ не попадаетъ...

— Вы скоро тамъ одѣнетесь, или нѣтъ?— спрашивала чиновница, путешествуя подъ зонтомъ по лужамъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ!.. только голову платкомъ повяжу!—говорилъ тотъ, выходя изъ спальни...

— Господи! На кого вы только стали похожи!—остановилась та, ежась: — ни мужикъ, ни баба, а Богъ знаетъ что...

— Нѣтъ, я ему покажу, разбойнику, какъ своихъ постояльцевъ подмачивать!.. Не отдамъ ему остальныхъ денегъ, вотъ онъ у меня и запляшетъ... Батюшки! Да тутъ просто мѣста живого нѣтъ... гдѣ жъ мы чай будемъ пить? А? Дора?

— Отстаньте вы отъ меня, ради Бога! Я видѣть васъ не могу... вы такъ и знайте, что у меня завтра же тифъ будетъ, а послѣ-завтра я умру...

— Дорочка, Богъ милостивъ... напьемся чайку... обсушимся, авось Богъ...

— Да гдѣ мы будемъ чай пить, позвольте васъ спросить! Вездѣ течетъ!..

— Тьфу! Нѣтъ, какъ вѣдь, каналья, божился!.. Капли, говоритъ, не пройдетъ... а?

— Маланья! Маланья-я...

— Иду, иду, господа вы мои мокрые-е...

— Маланья, голубушка! Какъ же намъ быть-

то, а? Здѣсь положительно нигдѣ нельзя чай пить... Всюду льетъ.

— Да идите, барыня, ко мнѣ на куфню. Тамъ званія даже промочки нѣту...

— Дорочка, надо итти!.. Такъ сложились обстоятельства, что кухня оказывается единственнымъ салономъ...

— Пойдемъ, дѣлать нечего!.. Господи, такая я мученица, такая мученица!

— Дорочка, я сейчасъ же позову негодяя хозяина и докажу ему, что со мной шутки плохи...

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня, ради Бога!.. У васъ мякина въ головѣ, а не мозгъ!.. Ну, какой, скажите на милость, дуракъ станетъ основываться на словахъ пройдохи-мужика?

— Но, позволь, что же мнѣ было дѣлать? Самому на крышу лѣзть? Да-съ?

— Да идите же въ кухню, не мучьте меня, я и безъ того завтра же умру... Вотъ, не угодно ли, въ грязной кухнѣ чай пить... а все по чьей милости? По чьей?

— Дора, ты пойми...

— Что вы ко мнѣ лѣзете, скажите пожалуйста?

— Не лѣзу я, а объясняю... Ты не сердись... Я самъ золъ, какъ бѣшеная собака, а не сержусь вѣдь... Что же, здѣсь даже очень хорошо: и тепло, и съ потолка не льетъ... Маланья, живѣй самоваръ...

— Сичасъ, сичасъ, баринъ!.. Ахъ, ты Госпо-

ди! И не чаяла я у себя такихъ гостей примать, а пришлось...

— А ты не говори глупостей! Гдѣ чайница? Сахарница? Молочникъ?

— Уйдите вы... вы только мѣшаете Маланьѣ... что вы лѣзете въ бабье дѣло...

— Но позволь, я для тебя же стараюсь...

— Да, вы стараетесь какъ можно скорѣе уморить меня... Это вѣрно.

— Опять! Тьфу! Ну, чѣмъ я виноватъ, что пошелъ проливень, и что крыша у дачи худая? Чѣмъ-съ?

— Кто нанималъ дачу, позвольте узнать?

— Я нанималъ...

— Ну, и выходитъ, что вы идіотъ!

— Дора!.. При Маланьѣ такая аттестація... Стыдись, мой другъ!

— Вы объ аттестаціи заботитесь, а я о своемъ здоровьи... сейчасъ же, чтобъ была крыша починена... Слышите?

— Дора!

— Знать ничего не хочу... Это ни на что просто не похоже... Я вѣдь не интендантская мука, и подмачивать себя больше не позволю... пошлите за разбойникомъ - хозяиномъ и сейчасъ же прикажите ему крышу исправить.

— Хорошо, только успокойся ради Бога... Послѣ холодной ванны всякое волненіе вредно... Маланья! Бѣги, отыщи этого каналью хозяина и притащи его ко мнѣ за шиворотъ... Слышишь?

Маршъ!.. Успокойся, мой другъ, я ему покажу, какъ купать коллежскаго ассесора во время сна!.. Рракалія!.. А ты бы умылась, мой другъ, у тебя по всему лицу черныя полосы и на самомъ кончикѣ носа нашлепка изъ паутины!..

— Очень хорошо! Прекрасно!.. Нѣтъ, этого я вамъ никогда не прощу! — шипѣла чиновница, скрываясь изъ кухни.

— Теперь на цѣлый день пошла ругаться!— махнулъ рукой Сладкорѣченскій: — и все изъ-за этого хама, надувалы анаѳемскаго!.. «Капли не будетъ!» Ну, погоди, я тебѣ покажу капли!.. Ты что?—повернулся онъ къ вошедшему булочнику.

— Держи хлѣбы, бабушка!—юркнулъ тотъ съ корзиной въ кухню и ловко выбросилъ на столъ нѣсколько хлѣбовъ.

— Что-о-о?—разинулъ ротъ Сладкорѣченскій.

— Хлѣбы, говорю:—оглохла, старая хрычевка!

— Ты это кому, каналья, говоришь, а?—вскипятился тотъ.

— Да тебѣ, тетенька... а игдѣ жъ Маланья-то у васъ? Ай въ нутро ушла?

— Да ты за кого меня принимаешь, каналья этакая, а? Вонъ, ррракалія! Я тебѣ покажу тетеньку!..

— Чего ты горло-то дерешь, когда тебя ни съ какого конца не разберешь... не то мужикъ, не то баба... лопни глаза—баба...

— Вонъ, каналья! Вонъ! Нѣтъ, вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Коллежскаго ассесора и вдругъ

тетенькой! Вонъ!—вытолкалъ разсерженный чиновникъ булочника.

— Сердитая, бестія; видно, свекровь Маланьина! — улепетывалъ булочникъ, взбрасывая на плечи корзину.

— Ты что это орешь, а? Кто тебя душитъ?— выскочила съ мокрымъ лицомъ мадамъ Сладкорѣченская.

— Да представь себѣ, Дорочка, меня, коллежскаго ассесора Сладкорѣченскаго, какая-то каналья булочникъ за бабу принялъ, а? Каково это тебѣ покажется, а? «Тетенька», говоритъ, а?

— Господи! Я думала, горимъ!.. Несчастный, да сними ты платокъ... вѣдь въ немъ всѣ тебя за бабу принимать станутъ... тьфу!.. — плюнула та и скрылась въ комнаты.

— Часъ отъ часу не легче! И куда это только Маланья провалилась!.. — рявкнулъ мужъ, сдергивая съ себя платокъ жены: — говорятъ, начальника во снѣ видѣть — къ непріятности, такъ оно и выходитъ... и перемокъ весь, и чаю не пилъ, и за бабу приняли... тьфу! Кого тамъ еще нелегкая... Тебѣ кого, рожа?

Въ дверяхъ кухни дѣйствительно стояла «рожа», да еще вдобавокъ нетрезвая, съ безсмысленно хлопавшими глазами и рѣденькой бородкой...

— Ты кто? — крикнулъ коллежскій ассесоръ, ставя стаканъ обратно на столъ.

— Я-то? А ты кто?—прищурилъ тотъ глаза и подбоченился.

— Пошелъ вонъ! Вонъ! — указалъ хозяинъ «рожѣ» перстомъ на дверь.

— Шы-ы-лишь! такъ, стало, правду намъ отписывали, что наша Маланья шалить стала... сусѣдскаго лакея въ гости принимаетъ...

— Я? лакей? Да какъ ты смѣешь?

— И диви бы молодого, а то — стараго, да лысаго... ну, Маланья... пошелъ, старая кочерга, вонъ изъ куфни, не то всѣ те бока намну!..

— Что? Я? Да какъ ты смѣлъ? Ахъ, ты дерево костромское... вонъ! вонъ! Я сейчасъ урядника позову!!.

— Нѣтъ, ужъ это ты ступай, а я къ законной жанѣ пришелъ... Ну, ну, иди, старая колбаса, покель я изъ тебя духъ не выпустилъ! — отчеканила «рожа» и схватила Сладкорѣченскаго за шиворотъ.

— Карраулъ! Рѣ-ѣжу-утъ!—раздался на дачѣ неистовый вопль дачника.

Въ кухню вскочила мадамъ Сладкорѣченская съ полотенцемъ въ рукахъ, кухарка и хозяинъ дачи...

— Дуракъ! Лѣшманъ! Пусти! – бросилась кухарка къ мужу:—вѣдь это мой хозяинъ, идолъ... отъ дождя ко мнѣ въ куфню забился!.. Что ты ослѣпъ, что ли!..

Инфлюэнція.

Федоръ Федоровичъ Федоровъ сидитъ дома. А сидѣть ему дома — это то же самое, что запретить ртути расширяться или сжиматься при перемѣнахъ температуры воздуха. Человѣкъ привыкъ, какъ заведенные часы, двигаться съ утра до ночи, и вдругъ ему говорятъ: сиди!

— Мой Федоръ Федорычъ тоже «тасканецъ»! — говорила про него очень добродѣтельная супруга Василиса Парамоновна, когда ей разсказывала знакомая купчиха, только что вернувшаяся изъ-за граничнаго путешествія, что она, гдѣ-то тамъ въ дорогѣ, познакомилась съ очень красивымъ тосканскимъ графомъ.

— Федоръ Федорычъ тосканецъ? — удивилась купчиха: — да не можетъ быть!.. Вы ошиблись, Василиса Парамоновна, ошиблись, душечка... ну, какой вашъ мужъ тосканецъ?

— Тасканецъ, — стояла на своемъ Василиса Парамоновна: — ужъ мнѣ-то лучше знать его... жена я ему, или подстега по-вашему?

— Но я, вѣдь знаю, милая, что онъ ни больше, ни меньше, какъ московскій купецъ...

— И всѣ, почитай, московскіе купцы тасканцы. Мой съ утра до поздней ночи таскается: сперва по городу, а потомъ по «Ярамъ» да «Стрѣльнамъ», и чуть не каждый день... и выходитъ, что изъ тасканцевъ-то онъ самый подлый! Любому вашему графу заграничному двадцать очковъ впередъ дастъ!

И вдругъ такому-то вотъ «тосканцу» съ благородною душой и часовымъ механизмомъ приказъ свыше: сиди дома!

Подъ домашній арестъ Федоръ Федоровича посадилъ... вы думаете, мировой судья?

Ничуть не бывало: мировымъ судьямъ едва ли когда-нибудь и что-нибудь отъ Федора Федоровича очистится, потому что онъ состоитъ самымъ почетнымъ кліентомъ у самыхъ зубастыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, давнымъ-давно ужъ проглотившихъ всѣ законы и закусившихъ сенатскими рѣшеніями.

Посадилъ его подъ арестъ докторъ. И докторъ-то немудрящій: не то чтобы тамъ какая-нибудь медицинская звѣзда, въ родѣ Остроумова, Чернова или Фохта, а такъ, какой-то Иванъ Иванычъ Сидоровъ.

Немудрящій, а посадилъ. Чтобъ чувствовалъ Федоръ Федоровичъ, что и его «тасканскимъ» замашкамъ предѣлъ есть.

Случилось это довольно просто: проснулся Федоръ Федоровичъ въ понедѣльникъ (что значитъ тяжелый день-то!) и чувствуетъ, напримѣръ, что

ему какъ-то не по себѣ: и непріятность во всемъ корпусѣ, и голова болитъ, и языкъ словно въ шестирублевый драпъ зашитъ. Чортъ знаетъ что такое!

И, разумѣется, сейчасъ же, первымъ долгомъ, всю душу своей супругѣ на изнанку:

— Такъ и такъ,—говоритъ,—мать: что-то мнѣ не того... не по себѣ, напримѣръ...

— Да ужъ какъ тутъ по себѣ быть, — отвѣчаетъ та, — ежели домой-то нонче въ шестомъ часу припожаловалъ...

— Это тебѣ кто же сказалъ, что я въ шестомъ?

— Часы, вотъ кто. Проснулась я и слышу: пять бьетъ... а немного погодя слышу—ты звонишь...

— Я никогда не звоню... я всегда этакъ... барабаню...

— Господи! Да вѣдь спрашивала я горничную-то, аль нѣтъ? Кто звонилъ? Самъ звонилъ!

— Хорошо. Это которые же часы пять били, когда я звонилъ?

— Которые въ гостиной...

— Въ гостиной! Вотъ дура-то! Нашла кому вѣрить! Да они три года ужъ бьютъ какъ попало... надо шесть, а они двѣнадцать... надо семь, а они — пять... то бишь, не пять, а тринадцать... давно тебѣ говорю: свези ты ихъ въ Четуновскую лечебницу, чтобъ они тебя на грѣхъ не наводили и на меня всякій поклепъ не взводили...

— И дура, что не везу...

— И я говорю, что дура... Часы разную глупость, а она мнѣ сейчасъ счетъ подаетъ. Да я вчера, если хочешь знать, ровно въ часъ дома былъ.

— Въ часъ?

— Аккуратно въ часъ. Вчера у насъ собраніе кредиторовъ у Моськина было, такъ что я въ растроенныхъ чувствахъ прямо домой и даже безъ ужина...

— И не ужиналъ?

— Крошки во рту не было.

— А раки-то все-таки ѣлъ...

— Раки? Какіе раки?

— Да ты не играй, пожалуйста, изъ меня дуру-то! Не знаемъ, какіе раки на свѣтѣ бываютъ! Младенецъ утробный... несмышленышъ... раковъ сроду не видалъ...

— Да никакихъ вчера раковъ не было...

— Не было? А почему же у тебя все платье соусомъ бордолезомъ залито? А? Нонче я какъ посмотрѣла, такъ и ахнула... панталоны-то новыя, только-что третьеводни отъ Оттена принесенныя, и вдругъ въ бордолезъ!

Федоръ Федоровичъ поднялъ голову къ потолку и соображалъ:

«Раки-то я можетъ и ѣлъ,—думалъ онъ,—но бордолезомъ не грѣшилъ... потому не люблю его... а можетъ и грѣшилъ, чортъ его знаетъ!..

Вообще, судя по ходу дѣла, я и не въ пять домой, а прямо въ семь!..»

А Василиса Парамоновна свое:

— Ты что это морду-то въ потолокъ уставилъ, на потолкѣ никакихъ бордолезовъ нѣтъ... Такъ ты не ѣлъ, значитъ, раковъ?

— Не ѣлъ! Отстань!

— А бордолезъ-то откуда? Бордолезъ-то?

— Бордолезъ? А ежели ты еще приставать ко мнѣ будешь, такъ я тебя за этотъ бордолезъ къ мировому потащу... Поняла? Тьфу! Дурища!

Василиса Парамоновна отъ такого неожиданнаго отвѣта разинула ротъ, а Федоръ Федорычъ, схвативъ шапку, полетѣлъ въ городъ.

Въ городѣ, впрочемъ, онъ лучше себя не чувствовалъ. Пошелъ онъ съ пріятелями къ Судакову и никакого аппетита... Тѣ его сейчасъ лечить: одинъ коньякъ спрашиваетъ, другой—ромъ, третій—англійскій джинъ.

— Хоть и подлость, — говоритъ этотъ третій,—съ нашей стороны требовать джинъ въ то время, когда англичане буровъ слопать хотятъ, да ужъ очень напитокъ-то ядовитый: вся въ тебѣ микроба отъ него подохнетъ... пей...

Пилъ Федоръ Федоровичъ коньякъ, пилъ ромъ, пилъ джинъ, пилъ и еще какую-то гадость, которую посовѣтовалъ половой, а въ результатѣ получилось то, что когда онъ вышелъ изъ трактира, у него зубы принялись выбивать такую барабанную дробь, что Федоръ Федоровичъ не

заходя даже въ лавку, нанялъ перваго попавшагося на глаза извозчика и полетѣлъ домой.

«Самой» Василисы Парамоновны дома не было: она поѣхала разсказывать о бордолезѣ, найденномъ на оттеновскихъ панталонахъ, во-первыхъ, сестрицѣ Марьѣ Парамоновнѣ, во-вторыхъ, сестрицѣ Аграфенѣ Парамоновнѣ, въ третьихъ, тетенькѣ Аннѣ Елисѣевнѣ, въ четвертыхъ, тетенькѣ Прасковьѣ Андреевнѣ, въ пятыхъ, тетенькѣ Матренѣ Прокофьевнѣ, и въ шестыхъ, бабушкѣ Дарьѣ Спиридоновнѣ...

Скоро ли ихъ всѣхъ объѣдешь, да всѣмъ бордолезовскія подробности разскажешь!

Когда она вернулась домой, у Федора Федоровича сидѣлъ ужъ докторъ, за которымъ догадалась послать нянька, видя, какъ ея хозяинъ, лежа въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, подпрыгиваетъ кверху не хуже карася, положеннаго на горячую сковородку.

— Бордолезы до добра не доводятъ!—рѣшила Василиса Парамоновна, входя въ кабинетъ и раскланиваясь съ докторомъ въ синихъ очкахъ.— Супруга я ихняя,—кивнула она головой на больного, охавшаго на широкомъ турецкомъ диванѣ, какого, я думаю, и у самаго падишаха нѣтъ.— Что съ нимъ?

— Инфлюэнція,—отвѣтилъ докторъ:—и очень типичная. Опасности нѣтъ, но посидѣть дома придется дней семь-восемь... Я прописалъ что слѣдуетъ, а завтра навѣщу больного...

— Отъ бордолезу это у него, — сорвалось у Василисы Парамоновны:—инфлюэнція-то...

— Съ какого бордолеза?—поправилъ докторъ очки на носу.

— А съ такого, что новыя панталоны оттеновскія имъ испортилъ.

— Замолчи, дура!—застоналъ больной:—ну, развѣ можетъ инфлюэнція отъ бордолезу?

— Инфлюэнція, сударыня, штука заразная... въ воздухѣ, въ воздухѣ-съ... теперь ею въ Москвѣ почти всѣ поголовно болѣютъ...

— А ты съ бордолезомъ лѣзешь! Дура! Такъ вы, докторъ, завтра ужъ, чтобъ мнѣ не помереть... а главное, не сидѣть: повѣшусь я съ тоски...

— Надо сидѣть... до свиданья пока!..

Доктора проводила «сама» и сейчасъ же вернулась къ больному.

— Заразная, говоритъ, инфлюэнція-то. Ну, съ кѣмъ ѣлъ ты раки съ бордолезомъ, отъ того и заразился...

— Да ну тебя! У человѣка сорокъ градусовъ въ тѣни... тьфу! въ крови, а она къ нему съ глупымъ бордолезомъ... Человѣкъ помереть можетъ...

— Не помрешь: докторъ порошки прописалъ.

— Тьфу! Уходи вонъ!

Василиса Парамоновна ушла, напилась чаю и раздумалась: а вдругъ помретъ? Сидоровъ какой-то докторъ-то... можетъ онъ и не понимаетъ его

болѣзни... посмотрю, что отъ его порошковъ будетъ!..

Зашла къ нему передъ отходомъ ко сну и спрашиваетъ:

— Федорычъ! Ты можетъ, хочешь чего?

— Ничего не хочу... воду вотъ мнѣ докторъ прописалъ, такъ я воду...

— Поѣсть чего не желаешь ли?

— Ничего, говорю, не хочу...

— Порошки принялъ?

— Принялъ...

— Ну, что? Отъ порошковъ-то какъ?

— Да ничего еще... жаръ чувствую... сорокъ градусовъ, вѣдь, ты пойми, дура!

— Понимаю...

— Ничего ты не понимаешь. Сорокъ градусовъ на солнцѣ, напримѣръ, можешь ты терпѣть, а?

— Не могу. Я и въ тридцать-то прямо въ кадку съ водой, чтобъ духъ не испустить...

— А во мнѣ сорокъ. А ты пристаешь...

— Духовную-то написалъ-ли-и-и?

— Убирайся къ чорту! Господи! И дернула меня нелегкая инфлюэнцію прихватить... Другу-недругу не пожелаю... уходи, пожалуйста! Дай ты мнѣ умереть... тьфу! Уснуть спокойно!

Вздохнула Василиса Парамоновна и положила няньку у дверей кабинета спать: чуть ежели что, такъ чтобъ сейчасъ же ей дать знать...

Ложится спать Василиса Парамоновна, а сама

думаетъ: «Съ какой глупости человѣкъ помереть можетъ: съ бордолезу! Панталоны—такъ тѣ ужъ издохли, потому изъ нихъ ничѣмъ бордолезъ не выведешь, а вотъ Федоръ Федорычъ... вдругъ помретъ? Сорокъ градусовъ въ немъ на солнцѣ!..»

И вдругъ, не успѣла заснуть она еще какъ слѣдуетъ, будитъ ее нянька, къ кабинету самого приложиться.

— Матушка, Василиса Парамоновна!

— А? Что? Ужли помираетъ?—взволновалась Василиса Парамоновна.

— А Христосъ его знаетъ, можетъ, это онъ и передъ смертью: то пѣсни запоетъ, то разговоры разговариваетъ...

—- Вотъ тебѣ и бордолезъ! Какую пѣсню-то онъ?—неизвѣстно для чего спрашиваетъ хозяйка, накидывая на себя юбки.

— «Обожаю» тянетъ... и даже этакъ съ рыканіемъ, словно ему трудно... обожать-то...

— Ахъ, подлый! Безпремѣнно это онъ у «Яра» инфлюэнцію подцѣпилъ... Пойдемъ!..

Подбѣжала Василиса Парамоновна къ кабинету Федора Федоровича, а оттуда его голосъ несется:

— Христиночка! Христи! Поди сюда... редерцу выпей! «Я тебя, мой другъ, люблю, и жадно каждый взоръ ловлю, и обожа-а-аю... и обожа-а-аю...

— Матушка! Василиса Парамоновна, — шеп-

четъ нянька:—помираетъ, по-моему, Федоръ Федорычъ-то...

— Нѣтъ, нянька, это порошки докторскіе дѣйствуютъ, – говоритъ сама и жадно ловитъ бредъ инфлюэнтика-мужа...

На другой день Федору Федоровичу легче стало. А на третій — докторъ заявилъ Василисѣ Парамоновнѣ, что, собственно говоря, инфлюэнція разрѣшилась, но карантинъ семидневный Федору Федоровичу необходимъ, иначе явится рецидивъ, который неизвѣстно чѣмъ можетъ кончиться...

И вотъ сидитъ Федоръ Федоровичъ дома подобно африканскому льву, запрятанному въ клѣтку, и снуетъ изъ угла въ уголъ, проклиная и медицину, которая выдумала инфлюэнціи, и докторовъ, которые порошками кормятъ.

А Василиса Парамоновна бродитъ за нимъ, точно тѣнь отца Гамлета, и спрашиваетъ:

— Это которая же у тебя Христина-то, подлый? Отъ «Яру» она, или изъ «Стрѣльны»?

— Христина? Въ первый разъ слышу,—трясетъ тотъ головой.

— Самъ, своими нечестивыми устами это имя произносилъ... бордолезъ-то съ кѣмъ жралъ? Съ Христиной? Бордолезомъ чортъ тебя и попуталъ... Гдѣ эта Христина, сказывай?

Федоръ Федоровичъ закидываетъ голову кверху и думаетъ:

«Что значитъ плохой докторъ-то попался: съ

разговоромъ порошки прописалъ! Безпремѣнно надо умнаго доктора завести... чтобъ жена безъ всякой пароксизмы была!..

— Никакой у меня Христины нѣтъ! — говоритъ онъ, глотая порошокъ.

— Врешь! Есть! Самъ же ей романсъ «обожаю» пѣлъ...

— Отстань! Господи! Вотъ дура-то: у меня сорокъ градусовъ на солнцѣ...

— Было, а сичасъ тридцать семь, такъ что я могу тебѣ про всякую Христину... Сказывай, съ которой Христиной бордолезъ ѣлъ?..

— Тьфу! Сбѣгу... ей-Богу, сбѣгу...

И Федоръ Федоровичъ на четвертый же день карантина, не взирая на вопли супруги, сбѣжалъ въ городъ...

Былъ ли у него рецидивъ инфлюэнціи—я не знаю, но что хворать ему вообще инфлюенціей не слѣдуетъ, это подтвердятъ и доктора, которые не умѣютъ прописывать порошки «безъ разговора»!..

Майское утро.

Чудное майское утро. То-есть, другими словами говоря, что-то около трехъ градусовъ по Реомюру. Солнце свѣтитъ и грѣетъ такъ же, какъ дачныя печи, отъ которыхъ, кромѣ дыма и сырости, никакого толку не добьешься. Зефиры гуляютъ во всю; гнутъ они вершины столѣтнихъ сосенъ и елей, сгибаютъ въ дугу молоденькія березки съ липками и безцеремонно залѣзаютъ во всѣ дачныя щели и отверстія и пронизываютъ насквозь злосчастныхъ дачниковъ, переѣхавшихъ на дачи по календарю. На улицахъ пусто. Развѣ пробѣжитъ собаченка, которую дачники со злости на холодъ огрѣли по боку палкой, да проѣдетъ мясникъ или зеленщикъ. А на дачахъ дымятся печи и происходитъ скрежетъ зубовный.

Михаилъ Ивановичъ Перебоевъ вскочилъ съ постели часовъ въ семь, какъ ошпаренный. Сунулъ онъ ноги въ туфли, натянулъ на плечи халатишка, поскрежеталъ зубами и, посмотрѣвъ на термометръ, висѣвшій за окномъ, обругался.

— Что такое! Два съ половиной градуса! Бррр!—отскочилъ онъ отъ окна—да и здѣсь, я думаю, не больше десяти... фью—свистнулъ онъ,

подбѣгая къ висѣвшему на стѣнѣ градуснику:— шесть градусовъ тепла!.. Кончилось наше дачное прозябаніе... перемерзнемъ мы всѣ какъ тараканы... и какой только это дуракъ выдумалъ въ маѣ на дачу переѣзжать?.. Фу! чувствую, какъ у меня холодѣетъ спина и все внутри танцуетъ отъ лихорадки... Анна Петровна! Анета!.. Батюшки, да она ужъ не замерзла ли?

Перебоевъ бросился къ сосѣдней комнатѣ и осторожно отворилъ дверь.

— Анета! Жива? А? Ни звука! Конечно: скончалась!

Перебоевъ подошелъ къ кровати жены и плюнулъ.

— Тьфу! Да ее нѣтъ здѣсь... Анна Петровна! Анета!... Даже пальцы на ногахъ зябнутъ! Провалиться бы этой дачѣ и съ маемъ-то въ преисподнюю... Анета!

— Ну, что ты кричишь спозаранокъ?—вышла та изъ сосѣдней комнаты,—что тебѣ?

— Анета, дружочекъ, я умираю!

— Ну, такъ я и знала: объѣлся вчера ватрушками...

— Да какія тамъ къ шуту ватрушки... съ холода помираю!

— Я сама дрожу и никакъ согрѣться не могу... А у Гриши жаръ...

— Такъ, такъ. Я это впередъ все зналъ. Какъ на дачу переѣхали, такъ и пошли таскаться доктора...

— Я виновата, значитъ, по-твоему, что теперь такой холодъ стоитъ?

— Виновата въ томъ, что такую скверную дачу взяла... Ты смотри: здѣсь щель, здѣсь дуетъ, а вотъ здѣсь такъ просто, что называется, садитъ.

— Ты вмѣстѣ со мной дачу нанималъ.

— Да что, матушка, я? Мое «я» — это ты, тебѣ нравилась дача—и мнѣ нравилась; тебѣ не понравилась—и мнѣ не нравится.

— Колпакъ ты послѣ этого.

— Вотъ спасибо! И это за то, что я мерзну и цѣпенѣю? Мерси! Очень мерси, Анна Петровна!

— Разумѣется, колпакъ. Чѣмъ бы стѣны хорошенько изслѣдовать, да указать мнѣ ихъ ветхость, ты занимался тѣмъ, что у деревенскихъ дѣвчонокъ цвѣточки покупалъ.

— Да, вѣдь для тебя же покупалъ, ты пойми.

— Отстань. У тебя на все однѣ и тѣ же глупыя отговорки... Ты бы вотъ лучше одѣлся, да пошелъ поискать доктора... Кажется, я здѣсь гдѣ-то видѣла вывѣску.

— Чтобы я пошелъ искать доктора? Въ такой холодъ? Да я живымъ манеромъ воспаленіе легкихъ подхвачу! Пошли Машу.

— Маша самоваръ ставитъ.

— Кухарку пошли.

— Кухарка ушла въ лавочку.

— Всѣхъ разогнала, ну, вотъ теперь и жди,

пока всѣ соберутся... Анета! Ты куда же это? Опять въ постель?

— Разумѣется. Тутъ по крайней мѣрѣ, подъ двумя одѣялами, да подъ тремя платками я согрѣюсь немного.

— А мужу, кромѣ стараго вытертаго одѣяла, ничего не дала? Конечно, такъ и слѣдуетъ... Что такое мужъ вообще? Тьфу!..

— У тебя есть свой пледъ.

— Пледъ, пледъ... да этому пледу въ субботу сто лѣтъ будетъ, это разъ, а во-вторыхъ — имъ давно уже дѣти собачонокъ накрываютъ... Нѣтъ, вѣдь нахальство какое: собакъ покрываютъ, а мужъ мерзни и скрежещи подъ старымъ одѣялишкомъ.

— Собакамъ уже позавидовалъ!

— Въ такой холодъ всякой скотинѣ позавидуешь! Тьфу... Икъ! Икъ!.. Вотъ видишь... икъ! заикалъ даже отъ холода... О, зачѣмъ я... икъ,— не комаръ? Залѣзъ бы сейчасъ вонъ въ эту щелку въ печкѣ и благодарилъ бы... икъ!.. судьбу а? Анета! Икъ!

— Уйди отсюда. Ты своею икотой дѣтей разбудишь.

— А кто виноватъ? Икъ... тьфу! Да когда же... икъ,—конецъ этому будетъ?

— Выпей воды, сейчасъ пройдетъ...

— Холодной воды влить въ холодѣющій желудокъ! Да ты что же это въ самомъ дѣлѣ, уморить меня хочешь, а? Я, милостивая государыня, икъ...

— Уйди, тебѣ говорятъ...

— Уйду, но сперва скажи, гдѣ моя шуба?

— Да ты совсѣмъ ужъ угорѣлъ, Михаилъ Ивановичъ?.. Шуба давно отправлена къ Эггерсу на храненіе.

— Въ такой холодъ-то отправили на храненіе?

— Ахъ, ты Господи Боже мой, да почемъ же я знала, что такіе холода будутъ?

— Должна знать, должна знать.

— Нѣтъ, ты положительно глупъ.

— А ты окончательно дура... икъ! На дворѣ два градуса, а она шубу къ какому-то тамъ колбаснику тащитъ... Знаешь, какъ такое дѣйствіе по нашимъ законамъ... икъ... называется? «Покушеніемъ на жизнь»...

— Угорѣлъ, совсѣмъ угорѣлъ.

— Да-съ... покушеніемъ на жизнь!.. Я могу схватить бронхитъ, дифтеритъ и какъ его тамъ еще, перенгитъ, что ли, и умереть! Понимаешь: торжественно... икъ... умереть! Ну, вотъ ужъ начинается, я чувствую спазмы въ горлѣ и боль подъ ложечкой... икъ! Гдѣ мои шерстяные носки?

— Въ Москвѣ.

— Опять въ Москвѣ!

— Да кто же это возитъ теплые носки на дачу?

— Кто-съ? Всѣ порядочные дачники, милостивая государыня. Да-съ! Ѣдетъ на дачу и ничего съ собой теплаго не беретъ! Нужно быть идіотомъ... Маша, ты? Поди сюда! Топи сейчасъ, сію минуту печь...

-- Ахъ, баринъ, да нельзя ее топить!—вошла горничная съ подвязанными зубами.

— Постой! Это что у тебя съ мордой?

— Зубъ деретъ-съ...

— Это отъ дачи. Слышите, Анна Петровна? У Маши тоже по вашей милости всѣ зубы болятъ.

— Да это не отъ дачи, баринъ, а отъ окна-съ... У окна я спала-то.

— Ну, вотъ и дура! Кто же это на дачахъ у окна спать ложится? У печи надо спать, глупая, у печи... Топи скорѣй печь, я чувствую, что у меня даже волосы начинаютъ отъ холода щетиниться...

— Да нельзя топить, баринъ.

— Какъ нельзя? Дымитъ, а?

— Все нутро провалилось.

— Тьфу! Вотъ тебѣ и дача! Маша! Голубушка! Нѣтъ ли у тебя лишняго шерстяного платка какого-нибудь?.. Вѣдь я замерзну... ей-ей замерзну...

— И по дѣломъ,—донеслось изъ спальни дачницы,—когда нанимаешь дачу, смотри печи...

— И печи все я же долженъ былъ смотрѣть? Трубочистомъ, печникомъ не прикажете ли для васъ сдѣлаться? Мерси!.. Никогда этого не будетъ! Слышите, Анна Петровна? Маша, ради Бога, скорѣй самоваръ, хоть чаемъ согрѣю свою замерзающую душу...

— А самоваръ-то, баринъ, возьми да и распаяйся...

— Какъ распаялся?

— Да такъ, куфарка его второпяхъ безъ воды развела и ушла... Прихожу я въ кухню-то, а онъ весь какъ есть и распаялся...

— Ахъ, идолы! Что онѣ со мной дѣлаютъ! Анна Петровна, вотъ она, ваша хваленая Лукерья... самоваръ распаяла... Ставь другой скорѣй...

— А другой-то, баринъ, мы только-что авчерашняго дня лудить мѣднику отдали...

— Лудить? Васъ бы всѣхъ вмѣстѣ съ барыней вылудить!.. Вонъ, криворожая дурища! Постой! Однако, не могу же я для вашего удовольствія отъ какого-то сквернаго мая духъ свой испустить... У меня чтобы самоваръ былъ... Слышишь?

— А вотъ сичасъ куфарка придетъ, я ее къ сусѣду пошлю взаймы попросить... Можно, баринъ, взаймы-то взять?

— Мнѣ хоть укради, только чтобъ чай былъ!.. Ни чулокъ, ни самовара, ни печи... Постой! Подай мнѣ пальто и сапоги...

— А сапоги изъ Москвы взять позабыли.

— Позабыли? У-у-у, ррrожа!

Перебоевъ, напяливъ на халатъ пальто и запахнувшись, принялся бѣгать по комнатѣ.

— И буду я проклятъ отнынѣ и до вѣка, если когда-нибудь поѣду на дачу! Дудки-съ! Слышите, Анна Петровна, ни за что и никогда... Будетъ! Довольно! Мнѣ своя жизнь дороже ва-

шихъ воздуховъ да прогулокъ... не угодно ли: голова начинаетъ зябнуть! Голова...

— Покройся моимъ шелковымъ платкомъ, вотъ и не станетъ голова зябнуть, — донеслось изъ спальни дачницы.

— Бабьимъ платкомъ! Не угодно ли! И вотъ до чего могутъ довести дачи порядочнаго мужчину! Гдѣ вашъ платокъ?

— На комодѣ лежитъ... Нашелъ?

— Нашелъ-съ! брр... всѣ внутренности просто самый отчаянный канканъ танцуютъ... а ничего... платокъ согрѣваетъ... эхъ, кабы теперь чулки теплые на ноги, да шубу мою енотовую... и май бы мнѣ ни почемъ... фу-у! Духъ даже виденъ... батюшки, да дождусь ли я чаю когда-нибудь?.. Анна Петровна!

— Не кричи, дѣтей разбудишь... Господи, что это за человѣкъ! И замерзнуть-то тихо не умѣетъ.

— Вы желаете, значитъ, чтобъ я замерзъ? Покорнѣйше васъ благодарю-съ!.. Спрашивается, стоитъ ли, послѣ этого, жениться? Бррр... Колѣнки — чистый ледъ, а ступней я совсѣмъ и не чувствую... Надо побѣгать... непремѣнно побѣгать.

Перебоевъ подобралъ полы халата и запрыгалъ козломъ.

— Тьфу! И побѣгать-то нельзя, все трясется, того и гляди, еще дача обрушится и погребетъ тебя подъ своими развалинами... Маша, Маша-а!

— Иду, иду... ахъ это вы, сударыня. Я думала меня баринъ кличетъ...

— Я сударыня? Маша, ты ослѣпла съ майскаго холода...

— Да это вы, баринъ... а я васъ по головѣ-то за барыню приняла.

— Маша, я замерзаю... скоро ли самоваръ?

— Сичасъ куфарку послала за самоваромъ къ сусѣду.

— Сейчасъ? Это, значитъ, самоваръ поспѣетъ черезъ часъ... а въ часъ я могу десять разъ закостенѣть... Ты смотри это что?

— Нога-съ.

— Нога? А по-моему это просто ледяная сосулька... я совсѣмъ ея не чувствую... просто какая-то деревяжка болтается... хоть бы прогрѣться чѣмъ...

— Да вы, баринъ, идите въ сарай, поколите дровецъ, вотъ согрѣетесь.

— Ну, однако, ты милая, не забывайся. Нашла себѣ дровокола тоже!..

— Да я вѣдь это, васъ же жалѣючи...

— Ну, и убирайся вонъ! Ты еще меня, пожалуй, заставишь кастрюльки чистить, да воду таскать! Тьфу! Просто зубъ на зубъ не попадаетъ. Повѣситься можно отъ такого собачьяго холода!.. А теперь въ Москвѣ-то какъ хорошо! Сидѣлъ бы я въ своемъ кабинетѣ у камина и читалъ бы въ газетахъ о томъ, какъ мерзнутъ на дачахъ глупые дачники... Анна Петровна! Милостивая государыня подъ двумя одѣялами!

— Опять! Да когда ты...

— Замерзну!

— Отстанешь отъ меня! Вскочилъ ни свѣтъ, ни заря и будитъ всѣхъ... я спать хочу...

— Я-то, я то какъ же?

— И ты ложись въ постель... Согрѣешься и заснешь...

— Подъ вытертымъ одѣяломъ-то согрѣюсь? Я окоченѣлъ совсѣмъ въ постели...

— Накройся халатомъ и пальто...

— И въ халатѣ я и въ пальто, и все-таки уподобляюсь замороженной кочерыжкѣ... Анна Петровна! Войди ты, Христа ради, въ мое отчаянное положеніе и достань мнѣ три пары носокъ.

— Зачѣмъ?

— А я ихъ одни на другіе надѣну... все, можетъ-быть, ногамъ теплѣе будетъ...

— Трое носковъ другъ на друга не налѣзутъ...

— Ну, да конечно... я это раньше зналъ... только со мной случаются такія несчастья: мерзну—носки не налѣзаютъ; потѣю—носки не слѣзаютъ... тьфу! Маша! Анафема! Самоваръ принесли?

— Нѣтъ, баринъ, вѣдь только еще пошли за нимъ.

— Что же? Въ чехарду нѣшто сыграть? Маша, ты знаешь, какъ въ чехарду играютъ?

— Не знаю, баринъ, а вы вотъ не знаете ли, что на зубъ положить... такъ и воротитъ, такъ вотъ всѣ внутренности и выворачиваетъ...

— Водкой полощи... водка отлично помогаетъ зубамъ и того... Самоваръ-то, ты говоришь, не скоро, а?

— Черезъ полчаса, баринъ, ближе никакъ невозможно.

— Подай сюда водку, будемъ вмѣстѣ лѣчиться; ты отъ зубовъ, а я отъ майскихъ зефировъ... и какъ мнѣ раньше въ голову не пришло... водка первое средство отъ всѣхъ дачъ... тьфу! не то... давай, Маша, сюда графинъ!

Дачникъ замолкъ. Въ теченіе четверти часа было слышно только бульканье и смачное пережевываніе. Въ дѣтской раздался кашель. Кто-то запищалъ и заплакалъ.

— Михаилъ Ивановичъ!—донеслось изъ спальни мадамъ Перебоевой,—Михаилъ Ивановичъ!

— А? Аннетъ, ты... меня? — нетвердымъ голосомъ справился Перебоевъ.

— Поди сюда! Слышишь, какой кашель у Манички?

— Развѣ это... Ма-аничка... кашляетъ?—изумился тотъ, — а я думалъ это... вѣ-ѣтеръ... въ трубѣ...

— Хорошъ вѣтеръ!.. А у Петюшки вся головка словно жаръ горитъ... сходи, пожалуйста, поищи доктора...

— Зачѣмъ доктора, Анета... къ чему? Вообще... пуркуа ле доктеръ?.. Дать имъ во-одки и... и... какъ рукой сниметъ...

— Кому водки?

— Разумѣется, и... Петѣ... и... Ма-анѣ...

— Да вы въ умѣ или нѣтъ?

— Аннетъ... другъ мой... вообще... ма шеръ... что такое я былъ нынче утромъ? Мороженый судакъ... какой-то Калгуевъ островъ... и руки... и ноги... и носки... и платокъ... все... понимаешь... все кипи... все некипи... тьфу!.. все ци... цеппѣло... и вдругъ... мефитармо... нѣтъ... не фимитармо, а метаформоза... Понимаете?

— Господи! Да онъ ужъ готовъ!—всплеснула руками Перебоева, приподнимаясь на кровати.

— И горжусь этимъ... Анета, другъ мой... вообще ма шеръ... я подѣбилъ... побибилъ... то-есть... по-о-бтдилъ май... и руки... и ноги... и носки... и платокъ твой... все отогрѣлось... на тощій желудокъ, Анета, это не хорошо, но... если май... то это очень хорошо... Понимаешь?..

Мадамъ Перебоева махнула рукой и бросилась въ смежную комнату, откуда несся дѣтскій плачъ.

Перебоевъ посмотрѣлъ побѣдоносно на кончикъ туфли и погрозилъ кому-то въ окно кулакомъ.

А на порогѣ стояла горничная и докладывала:

— Баринъ! Отъ Петра Сергѣича куфарка пришла... хересомъ они сичасъ грѣться зачинаютъ, такъ за вами прислали...

Августовская ночь.

Августовская ночь спускалась на землю. Не слышно было ни стука проѣзжавшихъ экипажей, ни веселаго смѣха гуляющихъ дачниковъ. Благодаря августовской теми, всѣ забились давно въ дачи и или зѣвали отъ тоски, или ругали длинные и скучные вечера. На улицахъ только лаяли собаки, да бродили сторожа съ своими традиціонными трещотками.

На террасѣ одной изъ дачекъ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, сидѣла за самоваромъ парочка: молодой красивый блондинъ и полная дама бальзаковскихъ лѣтъ съ лицомъ, сильно помятымъ бурями жизни.

Блондинъ какъ-то нервно помѣшивалъ ложечкой чай и смотрѣлъ сосредоточенно на кранъ самовара. Полная дама нѣжно посматривала на блондина и вздыхала на всю террасу.

— Анатоль, ты, можетъ-быть, варенья хочешь къ чаю?—прервала молчаніе дама.

— Хочу... то-есть, не хочу!—отвѣтилъ тотъ, видимо думая совсѣмъ о другомъ.

— А конфетку хочешь, Анатоль?

Анатоль посмотрѣлъ пристально на даму и тряхнулъ головой.

— И конфетку не хочу!

— Чего же ты хочешь, мой дружочекъ?

— Ничего я не хочу...

— По крайней мѣрѣ, налей сливокъ въ стаканъ... ты любишь сливки, Анатоль.

— И сливокъ не хочу... вообще, Натали, не безпокойся, пожалуйста, обо мнѣ...

— Ахъ, Анатоль, какъ же я могу не безпокоиться? Я жена твоя и вдругъ не стану о тебѣ тревожиться... Вотъ ужѣ нѣсколько дней, какъ я замѣчаю, что съ тобой что-то творится... ни конфетъ не кушаешь, ни варенья...

— Ничего со мной не творится.

— Ты скрываешь отъ меня... мнѣ кажется, ты нездоровъ... да? И аппетитъ у тебя не тотъ, и... и...

— И еще что?

— Ты какъ будто чѣмъ-то разстроенъ, чѣмъ-то недоволенъ.

— Пустяки... нервы.

— Поѣзжай къ доктору...

— И такъ улягутся...

Анатоль прошелъ по террасѣ, посмотрѣлъ на чернильное небо и свистнулъ.

— Просто, мнѣ кажется, я засидѣлся,— проговорилъ онъ, прищуривая голубые глаза на жену,—мнѣ нужно какъ можно больше гулять...

— Но мы и такъ каждый день съ тобой гуляемъ, Анатоль.

— Какія ужъ это прогулки... Три шага пройдемъ и полчаса отдыхаемъ... мнѣ необходимы настоящія прогулки... часа на два, на три...

— Гуляй, я тебѣ не мѣшаю.

— И прекрасно. Груша, палку и шляпу!

— Какъ, Анатоль, ты сейчасъ хочешь итти? Въ такую темь?

— Это ничего... я темноты, Натали, не боюсь.

— Нѣтъ, я тебя не пущу. Мало ли что можетъ съ тобой случиться: и ногу сломаешь, и воры могутъ ограбить, и собаки...

— Отъ собакъ и воровъ у меня есть палка и потомъ я буду гулять только по улицамъ, я скоро вернусь, понимаешь, у меня нервы, пройдусь и все какъ рукой сниметъ.

— Но ради Бога скорѣй приходи, ты самъ знаешь, какъ я буду тревожиться.

— Пожалуйста, не тревожься, возвращусь здравымъ и невредимымъ, и, надѣюсь, прямо къ ужину.

Блондинъ чмокнулъ въ лобъ жену, надвинулъ на лобъ шляпу и утонулъ въ темнотѣ.

— Скорѣй, Анатоль, приходи,— кричала полная дама, всматриваясь въ темноту,— я буду ждать!

— Жди,—донеслось съ улицы,—я скоро возвращусь, черезъ часъ, черезъ два.

Блондинъ затворилъ за собой калитку, посмотрѣлъ на ярко-освѣщенную фигуру жены, застывшей въ умоляющей позѣ на террасѣ, усмѣхнулся себѣ подъ носъ и повернулъ налѣво.

— Вотъ такъ темь! Дороги даже не видать!— проворчалъ онъ съ неудовольствіемъ, нащупывая дорогу палкой. — Вотъ тутъ, кажется, канавка была, теперь ея нѣтъ, или я ее прошелъ, или канавку засыпали, вѣроятно, засыпали, конечно, засыпа...

Блондинъ не договорилъ и ухнулъ въ канаву.

— Вотъ тебѣ и засыпали,—поднялся онъ на четвереньки, — обо что-то лбомъ пришелся! До крови, вѣроятно, ссадилъ... Однако, гдѣ же моя шляпа и палка?

Блондинъ поползъ на четверенькахъ, ощупывая траву.

— Нѣтъ, пропали! Тьфу!... И что за дикая фантазія у этой вдовушки назначать свиданье въ такую темноту... Положимъ, Анна Александровна очень хороша собой, мила и влюблена въ меня, какъ институтка въ учителя... Ай! лягушка! Попадется же такая гадость подъ руку, а шляпы съ палкой нѣтъ, словно онѣ сквозь землю провалились.

Блондинъ всталъ и началъ нащупывать ногами пропажу.

— И спичекъ, дуралей, съ собой не взялъ!— выбранилъ онъ себя. — Стой! Кажется, палка! Тьфу, бревно какое-то, вѣроятно, шляпа съ пал-

кой отлетѣли дальше, ибо ударъ былъ весьма сильный... Хорошо, если на лбу только шишка вскочитъ, да она уже и вскочила, ахъ, дьявольщина! Хорошъ я на свиданье явлюсь! Впрочемъ, теперь такъ темно, что даже у коровы рогъ не увидишь... Ага, вотъ и палка! А шляпы нѣтъ!

Блондинъ прошмыгалъ на одномъ мѣстѣ съ четверть часа и плюнулъ.

— Пойду безъ шляпы, можетъ-быть, она на возвратномъ пути мнѣ попадется подъ ноги... Этакое несчастье, подумаешь, не успѣлъ нѣсколько шаговъ сдѣлать и ужъ шляпу потерялъ, и рогъ себѣ приставилъ... Ахъ, женщины, женщины!

Блондинъ наткнулся на заборъ и отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Понимаю, это заборъ сосѣда. Слѣдовательно, мнѣ надо повернуть сейчасъ налѣво... такъ... прекрасно... а теперь возьмемъ направо... тутъ, кажется, стояло дерево... береза... и именно на углу поворота стояла...

Блондинъ размахнулъ руками и остановился.

— А березы-то и нѣтъ! Неужели ее срубили?... Или я не въ тотъ переулокъ повернулъ... Охъ ужъ эти августовскія ночи... пойдемъ направо... заборъ... рѣшетчатый... ага! понялъ, это дача генеральши Клюквенной... теперь я на настоящемъ пути... но какимъ образомъ я березу проглядѣлъ?... То-есть и не проглядѣлъ, потому что теперь ни зги не видно, а прощупалъ...

Чуть не надъ самымъ ухомъ блондина звякнула трещотка сторожа. Блондинъ отъ неожиданности ахнулъ, отскочилъ въ сторону и провалился въ какую-то яму.

— Батюшки, куда же это я втюрился?—прошепталъ онъ, вытаскивая ноги изъ какой-то жидкости. — А все проклятый сторожъ... нужно же ему было затрещать такъ неожиданно... Фу! до сихъ поръ сердце бьется... Чхи... апчхи!... Карболкой какъ воняетъ... дегтемъ... фью! да это я въ помойную яму ввалился... Но почему на дорогѣ помойная яма, вотъ вопросъ? Ничего не понимаю!... И яма-то какая глубокая... не угодно ли, вылѣзть даже нельзя.

Блондинъ схватился за края ямы, приподнялся на рукахъ и снова съѣхалъ внизъ, засыпая себя землей, поѣхавшей за нимъ вмѣстѣ съ руками.

— Положеніе трагическое однако! — прошепталъ блондинъ, задирая голову кверху. — Удивительно, какъ я еще шею себѣ не сломалъ, вотъ тебѣ и свиданье: она тамъ ждетъ меня въ саду, а я сижу въ помойной ямѣ... Ахъ, Анна Александровна, чувствуетъ ли ваше сердечко, что я попалъ, какъ крыса, въ ловушку и наслаждаюсь всевозможными запахами дезинфекціи... Но откуда взялась яма? И какому идіоту-дачнику пришло въ голову вырыть ее посреди дороги? И чего смотритъ полиція?.. Это такое безобразіе, такое... просто хоть до утра въ ямѣ сиди...

Невдалекѣ отъ злосчастнаго любителя приключеній снова затрещала сторожевая трещотка.

— Позвать сторожа развѣ? Самъ ни за что отсюда не выберешься...

Блондинъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ, но безуспѣшно.

— И тутъ незадача... только на половину выберешься, глядь—земля начинаетъ въ яму сползать... отвратительно на дачахъ помойныя ямы устраиваютъ... по настоящему яма должна быть кругомъ обложена досками, тогда очень легко было бы выбраться, а теперь я напоминаю своей особой мышенка, попавшаго въ стеклянную банку... А она ждетъ, а я все сижу... проклятіе!..

Снова невдалекѣ отъ ямы звякнула трещотка и замолкла.

— Сторожъ! Сторожъ! — шопотомъ взывалъ блондинъ, становясь на носки и вытягивая голову изъ ямы,—голубчикъ!

— Не подходи,—раздался въ темнотѣ робкій голосъ сторожа,—а то, братъ, я тебя сичасъ либо изъ пистолета, либо дубинкой шаркну.

— Да не подхожу я къ тебѣ, а ты ко мнѣ подойди.

— А ты вотъ что, господинъ жуликъ, уходи скорѣича отсюдова... ей-ей сичасъ караулъ скричу.

— Да какой я жуликъ?.. Я дачникъ... понимаешь, дачникъ...

— Ну, это, братъ, ты глаза-то мнѣ не отво-

ди... дачникъ не пойдетъ по чужимъ задворкамъ путаться... уходи, а то сичасъ либо стрѣльну, либо караулъ скричу.

— Какой же ты, однако, дуракъ, любезный!— сердился блондинъ въ ямѣ, — говорю тебѣ: я дачникъ и совершенно случайно, гуляя, въ яму попалъ.

— Какъ же это такъ? — продолжалъ сомнѣваться сторожъ.—Голосъ оно точно-что не жульницкій, потому въ разговорѣ фасонъ не тотъ, но, между прочимъ, которые настоящіе господа, тѣ по чужимъ дачамъ не ходятъ...

— Да развѣ я на дачѣ?

— На дачѣ... на задворкахъ... калитка, стало-быть, задняя отперта была.

— Понимаю, а я въ темнотѣ и забрелъ... все это, любезный, произошло не по моей винѣ, самъ видишь, какая темнота кругомъ.

— Оно дѣйствительно мрачности хоть отбавляй... Такъ вы точно не жуликъ?

— Ахъ, какой ты чудакъ, любезный! Неужели ты воображаешь, что жуликъ будетъ такъ глупъ, что полѣзетъ въ помойную яму?

— Оно, конечно, теперь я вижу, что вы баринъ настоящій... Гдѣ вы тутотка?

— Правѣй держи, вотъ сюда, такъ, давай, голубчикъ, руку скорѣй, освобождай меня изъ невольнаго плѣна.

Блондинъ вылѣзъ изъ ямы, вздохнулъ всею

грудью, отряхнулъ колѣни и полѣзъ въ карманъ за мелочью.

— Да вы, баринъ, не съ Горѣловской дачи будете? — всматривался въ фигуру барина сторожъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не съ Горѣловской, а совсѣмъ съ другой... держи на-чай и выведи меня отсюда.

«Такъ я вотъ тебѣ и сказалъ, съ какой я дачи», подумалъ онъ, торопливо шагая за сторожемъ, «завтра же все моей прислугѣ разскажешь...» — Спасибо, любезный... а теперь я найду дорогу... А вотъ и береза, кажется... нѣтъ, это кустъ какой-то, все равно, найду...»

Ночной путешественникъ свернулъ въ переулокъ и, держась рукой за заборъ, вышелъ за уголъ.

— Здѣсь кончается дача генеральши, рядомъ съ ней дача купца Черноземова, а рядомъ дача Анны Александровны. Надо итти осторожнѣе, а то опять въ какую-нибудь ловушку попадешь.

— Онъ потянулъ носомъ и плюнулъ.

— То-есть какъ есть я насквозь карболкой провонялъ, и съ такимъ запахомъ я явлюсь вдругъ на рандеву, придется врать, скажу, что навѣщалъ пріятеля въ больницѣ и вслѣдствіе этого пропитался карболкой... Ахъ, любовь, любовь, въ какую, по твоей милости, можно отчаянную дезинфекцію попасть! Заборъ Черноземова кончился, теперь начнется заборчикъ Анны Александровны, рѣшет-

чатый и, странно, заборъ совсѣмъ не рѣшетчатый, и почему я у сторожа спичекъ не попросилъ? Гдѣ жъ я, наконецъ? и у кого заборъ глухой? Ба! Я совсѣмъ поглупѣлъ отъ помойной ямы; это же и есть дача Анны Александровны, я теперь только вспомнилъ, что заборъ рѣшетчатый у нея съ улицы, а съ переулка глухой, досчатый.

Блондинъ храбро двинулся въ переулокъ, но тотчасъ же остановился: изъ глубины переулка на него неслась съ яростнымъ лаемъ собака.

— Какъ тебя? «Трезоръ», «Цыганъ»!—окликалъ онъ собаку,—молчать! Я не воръ, глупый, а дачникъ, фью, фью! Батюшки, она меня за икры схватила!

Путешественникъ размахнулся палкой и ударилъ ею о заборъ; отъ неожиданнаго препятствія палка выскочила изъ его рукъ и исчезла во мракѣ переулка. Собака съ какимъ-то пронзительнымъ визгомъ налетѣла на любителя хорошенькихъ вдовушекъ.

Блондинъ отчаянно брыкнулъ ногой и въ одну секунду очутился на заборѣ.

— Ахъ, проклятая!—едва переводилъ онъ духъ, сидя верхомъ на заборѣ. — Не угодно ли, весь низъ брюкъ, даже со штиблетой вырвала, и бѣсъ меня догадалъ согласиться на свиданье въ такую темь! Хорошо еще, что теперь такъ темно, что нѣтъ ни малѣйшей возможности разсмотрѣть безпорядокъ въ костюмѣ... Батюшки, и здѣсь, въ

саду, собака, и не собака, а цѣлая, судя по хриплому басищу, собачища, ясно теперь, я попалъ совсѣмъ не на дачу Анны Александровны, потому что у Анны Александровны кромѣ беззубой и сонной Бибишки никакихъ собакъ нѣтъ. Собачки! собачки! Да перестаньте же, проклятыя. Лаютъ! И какъ лаютъ! Разбудятъ сейчасъ онѣ дворника и начнется самая грустная исторія... Шекспиръ сказалъ, что «нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, какъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ...» а что бы онъ запѣлъ, если бъ на заборѣ между двухъ собачищъ посидѣлъ... Собачки, фью, фью! Моя заборная повѣсть много печальнѣе повѣсти Ромео и Джульеты... Осадили онѣ, проклятыя, меня, какъ древнюю Трою со всѣхъ сторонъ и всѣ пути къ отступленію отрѣзали самымъ безжалостнымъ образомъ. Будь еще со мной палка—дѣло десятое, а теперь что я могу сдѣлать? Сидѣть верхомъ на заборѣ и проклинать все на свѣтѣ: и августовскія ночи, и эксцентричныхъ вдовушекъ, и этихъ анафемскихъ собачищъ... Хороши дачники тоже: завели такихъ смертоносныхъ собачищъ, не держатъ на привязи и позволяютъ имъ разгуливать по улицамъ. Позвольте! Да онѣ могутъ меня до смерти загрызть... Кто будетъ отвѣчать за это? А вы все лаете? Ну, лайте, лайте! Мнѣ теперь все равно... я на все рѣшился... буду сидѣть до тѣхъ поръ, пока вы отъ лаю не лопнете... а она ждетъ, а я сижу... и во всемъ ви-

новата жена: это она на меня накликала и собакъ, и помойныя ямы, и... еще собаки!

На улицѣ дѣйствительно яростно завыли новыя собаки, бросаясь на кого-то изъ проѣзжавшихъ! Собачищи, осаждавшія любителя вдовушекъ, не утерпѣли и, громко лая, бросились на улицу.

Блондинъ моментально соскочилъ съ забора и, не разбирая ни ямъ, ни канавъ, стремглавъ бросился по переулку.

Минуты черезъ двѣ онъ остановился въ какой-то густой травѣ, мѣшавшей ему быстро бѣжать, и прислушался: лай собакъ раздавался гдѣ-то далеко, а вокругъ него царила нѣмая тишина.

— Наконецъ-то я избавился отъ проклятыхъ церберовъ!—проговорилъ онъ, вытирая потъ, катившій со лба.—Фу, даже весь взмокъ отъ этихъ ночныхъ недоразумѣній!..Интересно знать, сколько теперь времени... я думаю, часъ уже прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ дома... а не воротиться ли домой? А что скажетъ Анна Александровна? Вѣдь она ни за что не повѣритъ, что я не пришелъ вслѣдствіе сцѣпленія несчастныхъ обстоятельствъ... во что бы то ни стало я долженъ быть у ней... но какъ попасть къ ней, вотъ вопросъ? Я положительно теперь сбился съ дороги... луна тоже у насъ, нечего сказать! Когда нужно — ее нѣтъ, а когда не нужно — во всю свѣтитъ... Тьфу!

Блондинъ нагнулся и ощупалъ землю...

— Ба! Грядки!.. Те-те-те... да это огурцы чиновника Перогрызова, сосѣда Анны Александровны съ лѣвой руки... по-онимаю теперь, въ чемъ дѣло: я завернулъ въ дальній переулочекъ... мнѣ нужно было въ ближній, а я вотъ куда махнулъ... теперь немного назадъ и я — «у вашихъ ногъ», ахъ, женщины, женщины! Хорошо еще, что тутъ крапивы нѣтъ... теперь направо и—мы у тихой пристани... ну, вотъ это заборъ Анны Александровны... а вонъ и въ саду что-то бѣлѣется — конечно, она... ждетъ и волнуется!

— Анетъ! Дорогая Аничка!.. Не слышитъ! Махнемъ черезъ заборъ.—Блондинъ занесъ ногу па заборъ и съ шумомъ рухнулся въ траву.

Вдали зашевелилось что-то бѣлое, вытянулось во весь ростъ, прислушалось и затѣмъ съежилось въ комочекъ.

Охотникъ до вдовушекъ вылѣзъ изъ травы и, осторожно раздвигая кусты, направился къ бѣлому пятну.

— Аня! Аничка!—шепталъ онъ,—это я!

Бѣлое пятно зашевелилось и пошло къ нему навстрѣчу.

— Заждалась, моя дорогая? — нѣжно проговорилъ блондинъ и на ходу растопырилъ руки, чтобъ принять въ объятія вдовушку.

— Дѣйствительно заждамшись! — проговорило бѣлое пятно пріятнымъ баритономъ и крѣпко схватило за руки блондина,—то-то я гляжу, какой это жуликъ у меня розаны по ночамъ та-

скаетъ?.. Лукьянъ! Бѣги скорѣй сюда, я розаннаго вора пымалъ...

— Позвольте... я... я... тутъ ошибка... я совсѣмъ не то.

— Толкуй... я, братъ, тебя цѣльную недѣлю ловилъ... Лукьянъ, держи его за руки, я ему зачну по шеѣ накладывать!

И нѣмая тишь августовской ночи огласилась отчаяннымъ крикомъ «карраулъ!»

Спустя полчаса блондинъ вихремъ влетѣлъ въ свою дачу и плюхнулся прямо въ кресло.

— Ахъ!—взвизгнула его жена, вскакивая изъ-за стола. — Анатоль! Это... ты? Что съ тобой? Тебя узнать нельзя...

— Собаки... все собаки! — прошепталъ тотъ, вытирая рукавомъ вздувшуюся нижнюю губу.— Ахъ, какія собаки, Натали!.. Всего истерзали!.. Смотри... хорошъ? А все темь проклятая!..

Натали только руками всплеснула отъ ужаса...

Грѣшница.

Акулина Петровна Круглолобова говѣетъ: и по церквамъ на службы ѣздитъ, и дома молится до утомленія... сичасъ видно, что въ сурьезъ свои грѣхи замаливаетъ... а ужъ насчетъ пищи одно только, можно сказать, междометіе: позоблетъ саечку раза два въ день, изопьетъ горячей водицы съ медкомъ, только и всего, изъ варева что-нибудь такое—ни Боже мой, а про масло и думатъ нечего!.. Такое умерщвленіе своея плоти воздвигла, что насилу даже ногу волочитъ... Поглядитъ, поглядитъ на нее кухарка Маланья, да въ слезы.

— Матушка, говоритъ, ты наша, Акулина свѣтъ Петровна!.. Истощаешь ты донельзева... укуси хушь капустки-то кочаненькой...

— Грѣшница я, Маланьюшка, ахъ, грѣшница великая! Смущать ты меня можешь, потому это зачтется мнѣ все, но только ѣсть я не стану!.. Авось, за недѣлю-то не истощаю!..

— Истощаешь, матушка ты наша, охъ истощаешь!.. Укуси хушь грыбочка-то отварного... Никакого грѣха въ грибкахъ, родимая, нѣту...

— Положила на себя, Маланьюшка, искусъ и такъ думаю, что вынесу... а ты, ничего, смущай... для мово же это душеспасенія.

Послушаетъ Маланья свою хозяйку, вздохнетъ изъ глубины души, и поплыветъ въ свой горшечный департаментъ... А Акулина Петровна радуется...

— Ужъ какъ она меня соблазняла, а я даже желанія къ грибамъ никакого... Бѣсъ это въ Маланью для мово соблазну вселился...

Пришла въ пятницу Акулина Петровна отъ заутрени домой, а Веденѣй Васильевичъ ужъ за самоваромъ сидитъ.

Помолилась Акулина Петровна на иконы поклонилась молча супругу и къ самовару подсѣла.

— Налить, что ли, водички-то?—спросилъ онъ говѣльщицу, отирая катившійся съ лица потъ...

— Сама налью! — дернула она къ себѣ чашку:—услужливъ больно некстати!..

— Ну, чего ты злишься-то, скажи пожалуйста!—покосился самъ на жену:—потерпи ужъ... послѣдній день нонѣ говѣнью-то твоему!

— И не злюсь я вовсе, а ты самъ меня на грѣхъ наводишь!.. Лысина съ тарелку, а ума и на блюдечко не наберется!... Подвинь-ка сюды медъ-то! Заграбасталъ!

Подвинулъ Веденѣй Васильевичъ медъ говѣльщицѣ молча и взялся за газету...

— Н-да! вотъ она исторія-то...— заговорилъ Веденѣй Васильевичъ,—въ воскресенье у Сѣтова артистъ Тамаринъ «Записки сумасшедшаго» читаетъ, а у нѣмцевъ въ клубѣ концертъ будетъ...

— Ну, будетъ... дальше-то что жъ?

— Концертъ въ клубѣ больно любопытный... Самъ Разсказовъ, Александръ Андреевичъ, участвуетъ, актеръ купеческій! я у него еще мальчишкой потихоньку отъ хозяина на скрипкѣ играть учился... надоть сходить... Ты пойдешь?

— Бѣсъ ты сомутитель! Я еще душу не очистила, а онъ въ кіатры волокетъ!

— Ну, ты какъ хочешь, а я пойду!.. И скоромнаго въ этомъ ничего нѣту... посидѣлъ, посмотрѣлъ и ушелъ... а ты вотъ людей словами обижаешь: это душѣ первый вредъ! Замѣсто смиренія—ругатня...

— Изыди ты отъ меня, грѣшникъ нераскаянный, изыди-и!..

— Изыду, не безпокойся, и такъ ужъ въ городъ пора!.. Нонче грѣхи-то потащишь? Тащи, тащи! Да всѣ, смотри, сволоки... Прощай, мать, я ухожу!..

— Господи! Пошли ты мнѣ только терпѣнія!.. Ну, какой ты мужъ послѣ этого?.. Нѣшто такъ прощаются? Прости ты меня, Васильичъ, грѣшницу!...

— Богъ проститъ, Петровна!..

— Дѣломъ, али словомъ какимъ противъ тебя... да что ты пнемъ-то сталъ? Али ужъ лѣнь облобызать меня!

— Богъ проститъ, Богъ проститъ!—бормоталъ тотъ, лобызая супругу:—ну, ты тово... а я тово... ушелъ!...

— Васильичъ! Милый! Не серчай ты на меня, Бога ради...

— Да ужъ сказано... отъ души даже... потому покаяніе главное...

— Да пошли ты ко мнѣ Петю проститься!.. Хоша и ничѣмъ я его не обижала, а все-таки по-христіански слѣдоваетъ...

— Экъ ты хватилась! Да я давно ужъ его въ городъ услалъ!..

— Услалъ?!.. Безстыжій ты, безстыжій человѣкъ!... Хорошъ отецъ, нечего сказать!... сына безъ прощенія въ городъ угналъ! Тьфу!.. Прости ты меня, Васильичъ!..

— Богъ проститъ, Богъ проститъ!—забормоталъ самъ и выскочилъ изъ столовой.

Сходила Акулина Петровна къ обѣднѣ и стала ждать призывного къ исповѣди звона.

— Со всѣми надо проститься! Охъ, со всѣми!.. У всѣхъ по-христіански прощенія надо испросить! — бормотала она, пережевывая сайку: — и никого, вѣдь, по настоящему не изобижала, а надо!.. Дуняша!., Дуняшка-а!.. Дуняшка-а-а!..

— Здѣся я, Акулина Петровна! Здѣся! — летѣла на зовъ горничная, поправляя на ходу растрепавшіяся косы.

— Что тебя не дозовешься никогда!.. хушь бы великаго поста постыдилась!

— Да я ничего-съ... я въ кухнѣ-съ была!..

— Твое дѣло комнаты убирать, а не въ кухнѣ хозяевъ судачить...

— Да когда жъ это я судачила?...

— Все, сударушка, знаю, все! Удивляюсь я, игдѣ только родятся такія оглашенныя!.. Душу я нонче свою очищаю, такъ прости ты меня, ежели чѣмъ тебя изобидѣла...

— Богъ проститъ, Акулина Петровна, меня простите...

— День нонче у меня такой, потому и прощаю... но только ты у меня, дѣвка, впередъ смотри, да оглядывайся... у меня, вѣдь, живо: за хвостъ да палкой!.. Ну, прости меня, ежели въ чемъ... Погоди! Пошли ко мнѣ Маланью!... Маланья, ты?

— Я, матушка моя, я-а-а...

— Поди сюды... къ окошку поди... Это что на крыльцѣ въ чашкѣ стоитъ?

— Кислая капуста, родимая...

— Ты для какого жъ это рожна ее на дворъ-то поставила? Собаки чтобъ ее обнюхивали, что ли? А?

— Матушка моя! До того прокислилась, въ

ротъ взять нельзя... никто даже шти не хлебаетъ... такъ я ее для провѣтрія...

— Заѣлись вы, я вижу, всѣ, вотъ что!.. Только дармоѣдничаете, а пользы отъ васъ никакой!.. Провѣтрить выставила! Да что капуста-то, по-твоему, сертукъ суконный, что ли? И откедова только дуры такія берутся! Пошла вонъ, и сичасъ же капусту убери!.. Стой, погоди!.. прости ты меня... не серчай на мои слова глупыя: врагъ это меня, Маланьюшка, сомущаетъ... Да пошли ко мнѣ кучера...

— Звать изволили? — просунулась въ дверь масляная голова кучера.

— Звала!.. Степанъ! Ты взгляни, на что твоя рожа похожа? Великій постъ теперь, а ты все еще масленицу справляешь!..

— Да я ничего-съ... Это вы напрасно... Потому у меня отъ ѣзды ноги застужены, такъ опухоль-съ...

— Ноги застудилъ, а опухла рожа! Жена въ деревнѣ безъ хлѣба сидитъ, а ты гуляешь!.. У меня чтобъ этого не было, слышишь?

— Помилуйте-съ... Третью недѣлю ни капли... Сичасъ провалиться! Обижать изволите...

— Знаю я, все знаю! Нечего на меня свои глазищи-то косить!.. У меня, вѣдь, живо со двора полетишь!.. Слышалъ?

— Слышу-съ!

— Ну, теперь прости меня... Смотри у меня: жену выпишу!.. Ступай!.. Никакъ звонятъ? Зво-

нять и есть!.. Дуняшка-а!.. Дуняшка-а!.. Да, гдѣ ты тамъ завалилась? Шубку скорѣича давай!.. Никакъ я тебя сичасъ обругала? Прости меня, грѣшницу великую.

Надѣла Акулина Петровна шубку и поплелась въ церковь... Вышла она за ворота и остановилась. Стоитъ ея дворникъ Пантелей и съ сосѣдской кухаркой зубы чешетъ. Пантелей ей вретъ, а кухарка со смѣху помираетъ. Да какъ помираетъ-то... на всю улицу, кастрюльная душа!

— Ну, не бѣсъ это все, а? Ровно на смѣхъ!— покачала Акулина Петровна головой и крикнула на дворника.

— Ты что же это, краснорожій дуракъ, дѣлаешь, а? Тротуваръ не счищенъ, а онъ, извольте радоваться, смѣхи съ бабами завелъ!..

— Да я, хозяйка, въ сикундъ...

— Молчать, мошенникъ ты этакій!.. У меня чтобъ чрезъ полчаса весь тротуваръ былъ вычищенъ!.. Тьфу! Тоись, никакого терпѣнья съ народомъ нѣту!..

Дворникъ бросился къ скребку.

— Постой! Прости ты меня, ежели я тебя въ чемъ...

— Богъ проститъ, хозяюшка, дай вамъ Богъ счастливо... и меня въ томъ же простите.

— Богъ проститъ, Пантелеюшка, Богъ проститъ!.. Только у меня чтобъ черезъ полчаса тротуваръ былъ вычищенъ! Слышалъ! Ну, ка-

жется, теперь у всѣхъ прощенія испросила? У всѣхъ! Вотъ только у Маланьинова Петюши позабыла, авчирась ему еще уши надрала... Ну, да авось... Онъ, вить, махонькій...

Акулина Петровна, крестясь поминутно, отправилась очищать свою многогрѣшную душу...

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Вегетаріанцы.. 3
Ошалѣвшій мужъ.. 27
Въ пользу голодающихъ.. 41
Собаченка.. 55
Въ потьмахъ.. 70
Въ чужой роли.. 83
Школьный товарищъ.. 95
Ночью.. 108
Картинки съ натуры.. 121
Котенокъ.. 129
Сюрпризъ.. 144
Обычная исторія.. 157
На конкѣ.. 173
Наканунѣ.. 187
Мужикъ.. 202
Дачу нанимать ѣдутъ.. 215
Нанимаютъ.. 231
Переѣхали!.. 244
Въ дожливую погоду.. 260
Инфлюэнція.. 275
Майское утро.. 286
Августовская ночь.. 298
Грѣшница.. 312

Маминъ-Сибирякъ. Уральскіе разсказы, т. 4-й. 1 р.
— Преступники. Ц. 1 р.
— Повѣсти. Ц. 1 р.
— Безъ названія. Ц. 1 р. 25 к.
— Золото. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Приваловскіе милліоны, изд. 2-ое, Ц. 2 р.
— Золотая муха и др. разск. 1 р.
— Человѣкъ съ прошлымъ. 1 р.
— Вкругъ ракитова куста и другіе разсказы. 1 р.

Мопассанъ. Дядя Милонъ. Ц. 60 к.
— Воскресные дни парижскаго буржуа. Ц. 1 р.

Негри, Ада. Борьба и любовь. Ц. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Гроза. 1 р. 50 к.
— Новые разсказы. Ц. 75 к.
— Вольный Шамхоръ. Ц. 1р. 25 к.
— Городской голова. Ц. 1 р. 25 к.
— Царица Тамара. Ц. 1 р.
— Семья богатырей. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
— Губернаторская ревизія. Ц. 1 р.
— Въ степи. Ц. 1 р. 25 к.

Нордау, М. Комедія чувства. Ц. 1 р.
— Современ. французы. Ц. 1р. 25к.
— Болѣзнь вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Ницше, Фр. Такъ говорилъ Заратустра. Изд. 2-е. 1 р.
— По ту сторону добра и зла. 1 р.
— Сумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1р.
— Происхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
— Человѣческое, слишкомъ человѣческое. 1 р. 25 к.
— Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
— Странникъ и его тѣнь. 1 р.
— Утренняя заря. 1 р. 25 к.
— Веселая наука. 1 р. 25 к.

Невѣжинъ, П. М. Непокорные. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Ольденбургъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Изд. 3-е. 2 р.

Оржешко. Аргонавты Ц. 1 р. 25 к.
— Дымъ. Ц. 30 к.
— Открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ и французамъ о полькѣ. Ц. 40 к
— Анастасія. Ц. 60 к

Оствальдъ. Натур. [illegible] ред. М. [illegible]ософія подъ

Прево, М. П[illegible] Филиппова. 2 р.
— [illegible]дѣвы. Ром. Ц. 1 р.
— [illegible]слѣднія письма женщин. 60к.
— Женское движеніе. Ц. 1 р.
— Счастливое супружест. 60 к.

Прево, М. Желтое домино. Ц. 50 к.

Пелисье. Критическіе этюды современной литературы. Ц. 1 р.

Ресслеръ, Р. Электродвигатели перемѣннаго и трехфазнаго тока. Ц. 1 р. 50 к.

Риль. Введеніе въ современную философію. Ц. 1 р.

Скопинъ, В. Средняя Азія и Индія. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Г. Крестоносцы. Ц. 2 р. 50 к.
— Камо грядеши? Ц. 1 р. 50 к.
— Панъ Володыевскій. Ц. 1 р. 50.
— Потопъ. 2 т. Ц. 3 р.

Саловъ. Мелочи жизни. Ц. 1 р. 25 к.
— Несобравшіяся дрожжи. Ц. 60к.
— Босоножка. Ц. 40 к.
— Три разсказа. Ц. 75 к.

Сайсъ. Хеттеи, или исторія забытаго царства. Ц. 60 к.

Тагѣевъ, Бор По Афганистану. 50 к.

Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалина. 1 р. 25 к.

Фулье. Исторія философіи. 2 р. 50 к.

Флери, д-ръ. Физическое и нрав. воспитаніе ребенка. Ц. 75 к.

фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Изд. 3-е. Ц. 40 к.

фонъ-Поленцъ. Крестьянинъ. 1р. 20 к.

Шницлеръ. Трилогія. Ц. 50 к.
— Тетралогія. Ц. 75 к.

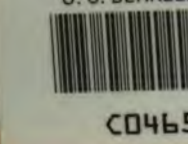
Шопенгауэръ. Міръ, какъ вол[illegible] представленіе. Том. 1-й и Томъ 2-й—3 р. [illegible] 3 р.
— О четверояком[illegible] достаточнаго осн[illegible] закона [illegible]ванія. 75 к.

Щепкина-Куперникъ.
— Ничтожные мі[illegible] стихи. 1 р.
— Незамѣтны[illegible] сего. Изд. 3 1р.
— Письма [illegible] люди. Изд. 3-е. 1р.
— Около [illegible] далека. Ц. 1 р.
— Труж[illegible]улись. Ц. 1 р. [illegible]ные. [illegible]ающіеся и обремененные.
— Ст[illegible] Ц. 1 р.
— Странички жизни. Ц. 1 р.
— Счастье. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— Принцесса Греза (пер. въ стих.), соч. Ростана. Ц. 1 р.
— Монна Джіованна (пер.), соч. Метерлинка. 60 к.
— Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гауптмана. 75 к.
— На солнцѣ и въ тѣни. Ц. 1 р.

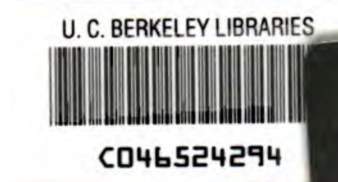
Элліотъ, Д. Братъ и сестра. Ц. 1 р.

Японія, Корея и Манчжурія, спр. кн. 30

Дозволено цензурою. Москва, 17 марта

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C046524294

